1559

ЗАПАДНАЯ РУСЬ
ВЪ БОРЬБѢ
ЗА ВѢРУ И НАРОДНОСТЬ

ВЪ XVII—XVIII В.В. (1654—1795 Г.Г.)

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ТОМА

(1725—1795 г.г.)

Составилъ
профессоръ Кіевской духовной Академіи,
протоіерей Ѳ. І. Титовъ,

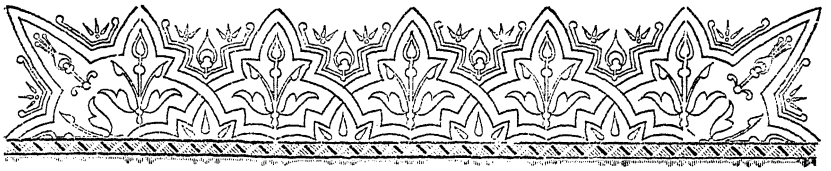
КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская улица, собств. домъ, №
1905.

АНТУПИРОВАНО

Прев 38°

Отъ, Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 5 сентября, 1905 года.
Цензоръ протоіерей **С. Трегубовъ.**

230
41



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Западная Русь со времени смерти императора Петра I до вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны.

(1725—1741 г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая характеристика положенія православнаго западно-русскаго населенія со времени смерти императора Петра I до вступленія на престолъ русскій императрицы Елизаветы Петровны.

Со смертію императора Петра I (28 января 1725 г.), положеніе православнаго западно-русскаго населенія Польши сразу и значительно измѣнилось къ худшему. Этому содѣйствовало какъ внутреннее состояніе польско-литовскаго государства, такъ равно и тогдашнія отношенія русскаго правительства къ вопросу о положеніи православно-русскаго населенія въ Польшѣ. Скажемъ сначала о первомъ, а затѣмъ разсмотримъ и эти вторыя.

Пока живъ былъ императоръ русскій Петръ I, православно-русское населеніе Польши хотя по временамъ и рѣдко могло разсчитывать на заступничество и покровительство со стороны польско-литовскаго короля Августа II. Самъ по себѣ, благодаря своему слабому характеру, бездѣятельности и совершенно равнодушному отношенію ко всему на свѣтѣ,

кромѣ личнаго спокойствія и удовольствій, король Августъ II неспособенъ былъ проявить какую либо самостоятельность въ вопросѣ о положеніи православно-русскихъ подданныхъ его. Но его побуждалъ иногда вступаться за невинно обижаемыхъ и гонимыхъ людей и оказывать возможное покровительство имъ его союзникъ и другъ — русскій императоръ Петръ I. Августъ II прекрасно сознавалъ, какъ многимъ онъ былъ обязанъ въ жизни императору Петру I, равно какъ, съ другой стороны, вполнѣ чувствовалъ силу своего могущественнаго сосѣда и друга, у котораго дѣло быстро слѣдовало за словомъ. Вотъ почему король Августъ II по временамъ выходилъ изъ обычно равнодушнаго отношенія ко всему и особенно къ вопросамъ вѣры и издавалъ, по предложенію, или по настоянію императора Петра I и его посланниковъ въ Варшавѣ, распоряженія, направленныя въ защиту и къ облегченію тяжелаго положенія, въ какомъ находились православно-русскіе подданные его. Правда, покровительство короля Августа II имѣло весьма малое практическое значеніе въ такомъ безпорядочномъ государствѣ, какимъ онъ правилъ; но все-жъ таки православнымъ западно-руссамъ при немъ, особенно до смерти императора Петра I, чувствовалось нѣсколько легче, чѣмъ прежде и послѣ. Иногда же, въ тѣхъ случаяхъ, когда обиды и притѣсненія православныхъ западно-руссовъ совершались явно незаконно и съ вопіющими насиліями, король Августъ II, подъ вліяніемъ совѣтовъ и представленій императора Петра I, выступалъ сильно и рѣшительно на защиту обижаемыхъ, и православные западно-руссы при немъ получали иногда такое удовлетвореніе въ своихъ просьбахъ и жалобахъ, какое только возможно было при государственномъ устройствѣ и судебныхъ порядкахъ

въ Польшѣ, какъ это имѣло мѣсто, напр., въ извѣстномъ уже намъ Пинскомъ дѣлѣ [1]).

Но все это возможно было, повторяемъ, только при жизни императора Петра I. Съ его смертію участливое отношеніе короля Августа II къ православно-русскому населенію Польши прекратилось, по крайней мѣрѣ, до самой его смерти (1 февраля 1733 г). мы не видимъ никакихъ проявленій такого отношенія, подобныхъ прежнимъ.

Сынъ его и преемникъ—король Августъ III былъ такъ же неспособенъ правильно оцѣнить положеніе своихъ православно-русскихъ подданныхъ и облегчить его, какъ и отецъ его. Онъ почти совсѣмъ не интересовался и не занимался дѣлами государства, поручивъ ихъ своимъ приближеннымъ любимцамъ—сначала Сулковскому, а потомъ продажному и безсовѣстному Брюлю (Брилю). Самъ король заботился исключительно о матеріальныхъ удобствахъ и безсмысленныхъ удовольствіяхъ, которыя по временамъ прерывалъ только ревностнымъ, въ духѣ времени, исполненіемъ внѣшнихъ предписаній религіи—обрядовъ [2]).

При такихъ королякъ, въ Польшѣ въ разсматриваемое нами время окончательно установился тотъ безпорядокъ, который скоро привелъ Польшу къ совершенной гибели. Королевская власть была совершенно безсильна. Дѣйствительнымъ правителемъ государства было дворянство, или шляхетство. Всѣ остальныя сословія, не исключая и городскаго, были лишены по закону, или же безъ всякаго права устранены отъ какого бы то ни было участія въ высшемъ управленіи государствомъ. Одно только дворянство (шляхта) было полновластно и всесильно. Но и дворяне далеко не всѣ пользовались правами, принадлежавшими имъ по закону. Властію распоря-

жались только самые богатые паны. Менѣе состоятельные паны старались держать сторону того или другаго магната, бывшаго настоящимъ диктаторомъ въ своемъ округѣ. Остальная мелкая шляхта, т. н., голь, голытьба, или переселялась въ города, пользовавшіеся нѣкоторымъ самоуправленіемъ, и въ такомъ случаѣ теряла свой дворянскій гербъ и соединенныя съ нимъ преимущества, или чаще всего поступала на службу къ богатымъ магнатамъ, переселялась къ ихъ дворамъ и тамъ проводила свободную праздную жизнь, перенося отъ своихъ повелителей всевозможныя оскорбленія и униженія, безпрекословно исполняя всякія ихъ прихоти и участвуя во всѣхъ ихъ чудачествахъ и часто самыхъ безобразныхъ подвигахъ. Вся Польша раздѣлилась, какъ бы, на нѣсколько округовъ, даже самостоятельныхъ государствъ. Радзивиллы, напр., распоряжались въ Несвижѣ, Потоцкіе въ Тульчинѣ, Браницкіе въ Бѣлостокѣ, Чарторыйскіе въ Пулавахъ и т. д. Каждый изъ этихъ магнатовъ имѣлъ огромный дворъ, на подобіе королевскаго, содержалъ при себѣ королевскій штатъ и въ своемъ, а иногда и въ чужомъ округѣ распоряжался, какъ хотѣлъ, болѣе самостоятельно, чѣмъ самъ король. Типичнымъ представителемъ такихъ польскихъ магнатовъ въ данное время былъ, напр., князь Карлъ Родзивиллъ, извѣстный подъ именемъ panie kochanku, прозванный такъ за его обычную поговорку. Его самоуправство, необузданное своеволіе и полное пренебреженіе къ достоинству личности другаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, проявилось въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя сдѣлались достояніемъ исторіи. Онъ билъ, напр., шляхтичей за обѣдомъ ложкою по лбу, и гордые шляхтичи молча получали удары и безропотно отправлялись каждый на свое мѣсто. Онъ запрягалъ въ экипажъ

вмѣсто лошадей медвѣдей и отправлялся въ костелъ, куда съѣзжалось много другихъ пановъ. Панскія лошади бѣсятся, ломаютъ экипажи, бьютъ или увѣчатъ людей. Никто не смѣлъ жаловаться. А между тѣмъ Радзивиллъ придумывалъ новый родъ насмѣшки надъ людьми. Онъ вознаграждалъ убытки всѣхъ пановъ одною большою монетою, которую нарочито для этого случая приказывалъ вычеканить. А иногда тотъ же Радзивиллъ, желая сдѣлать подарокъ своему сосѣду, приказывалъ наловить жидовъ, свалить ихъ кучею на возъ, притиснуть жердью, свезти къ пріятелю и вывалить ихъ во дворѣ [3]). Должно замѣтить, что князь Карлъ Радзивиллъ былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ среди современныхъ ему польскихъ магнатовъ. Онъ позволялъ себѣ смѣяться, издѣваться надъ людьми, но онъ не мучилъ ихъ такъ безчеловѣчно, какъ это дѣлали другіе многіе польскіе магнаты.

Господство и произволъ нѣсколькихъ магнатовъ въ Польшѣ, около которыхъ собиралась вся наличная польская шляхта, не встрѣчали себѣ въ данное время почти никакого сколько нибудь серьезнаго противодѣйствія. Королевская власть была безсильна. Сеймы, на которыхъ постановлялись законы и у которыхъ можно было бы искать суда съ магнатами, притѣснявшими слабыхъ, состояли преимущественно изъ тѣхъ же магнатовъ и ихъ послушныхъ сторонниковъ. Къ тому же польскіе сеймы въ это время бо̀льшею частію не доводились до конца и срывались. Въ судахъ польскихъ—низшихъ и высшихъ—господствовали продажность и лицепріятіе, превращавшія отправленіе правосудія въ посмѣшище. Распространилась въ народѣ даже легенда о томъ, что послѣ одного засѣданія трибунала, на которомъ была обижена убогая вдова, злые духи собрались на судъ и постановили справедливое рѣшеніе [4]).

Такъ въ данное время окончательно установилось внутреннее состояніе государства, о которомъ сами жители его говорили: „*Польша стоитъ безпорядкомъ*“.

Понятно, что, при такомъ государственномъ устройствѣ и при такихъ общественныхъ порядкахъ, всякій слабый, обиженный не могъ найти себѣ защиты и справедливости.

Но изъ всѣхъ обиженныхъ и слабыхъ жителей польско—литовскаго государства въ самомъ худшемъ положеніи находились православные русскіе люди. Независимо отъ господства безпорядка и произвола въ государствѣ, тяжесть ихъ положенія значительно увеличивалась еще благодаря слѣдующимъ двумъ условіямъ.

Во первыхъ, громадное большинство православно—русскаго населенія въ Польшѣ въ данное время принадлежало къ крестьянскому, т. н. хлопскому классу. Русское дворянство къ этому времени бо̀льшею частію перешло уже въ католичество. Городское православно—русское населеніе было весьма малочисленно и къ тому же еще съ конца XVII в. было устранено отъ всякаго участія въ общественномъ управленіи и судѣ. Оно не могло не только сколько нибудь серьезно защищать общіе интересы православно-русскаго населенія въ государствѣ, но даже и отстаивать свои собственныя права.

Оставалось, затѣмъ, крестьянство, во главѣ котораго было православное духовенство, составлявшее тогда единственный хоть сколько нибудь развитой классъ русскаго населенія. Но духовенство православное въ Польшѣ было весьма малочисленно, совершенно забито, лишено всякой самостоятельности. Къ тому же оно было разъединено, малообразованно, а иногда и совсѣмъ необразованно и крайне бѣдно. А само крестьянство русское находилось еще въ болѣе худшемъ по-

ложеніи, такъ какъ оно всецѣло зависѣло отъ произвола своихъ пановъ. Защитники на словахъ золотой свободы и домогавшіеся ея для себя въ государствѣ, польскіе паны были самыми безсердечными и жестокими рабовладѣльцами. Жестокость ихъ особенно проявлялась въ томъ, что сами они нисколько не интересовались и не занимались своими крестьянами, населявшими ихъ имѣнія, а передавали эти послѣднія въ полное распоряженіе особыхъ управителей. Очень часто, особенно мелкіе шляхтичи сдавали свои имѣнія и различныя угодья въ аренду евреямъ, которымъ предоставляли право выбирать съ крестьянъ деньги, которыя сами получали отъ арендаторовъ. Управители и арендаторы распоряжались въ панскихъ владѣніяхъ еще съ бо̀льшимъ произволомъ и жестокостью, чѣмъ это дѣлали бы сами господа. Оттого нерѣдко бывало такъ, что въ имѣніяхъ самыхъ добрыхъ польскихъ пановъ крестьянамъ жилось страшно тяжело. Особенно трудно приходилось православно-русскимъ крестьянамъ, жившимъ на земляхъ, которыя принадлежали польскимъ панамъ. Кромѣ того, что они раздѣляли общую весьма тяжелую участь холоповъ-рабовъ, они имѣли еще одно несчастіе—родиться православными. Какъ православныхъ, ихъ особенно тѣснили управители, бывшіе всегда изъ поляковъ-католиковъ, а евреи—арендаторы, преслѣдовавшіе одни личные интересы, относились къ нимъ съ особенною жестокостію, разсчитывая на полную свою безнаказанность. Особенно тяжко было православнымъ крестьянамъ терпѣть насмѣшки и поруганія своей родной вѣры, униженіе своего духовенства, всевозможныя стѣсненія въ исполненіи обрядовъ и предписаній православной церкви. Жаловаться на такія обиды рѣшительно было некому, искать защиты было негдѣ. Паны, къ которымъ иногда

православные крестьяне осмѣливались обращаться съ своими просьбами, или съ жалобами на своихъ притѣснителей, почти всегда принимали сторону обидчиковъ, т. е. евреевъ, отъ которыхъ сами часто матеріально зависѣли, и управителей, которымъ больше вѣрили, нежели хлопамъ. Тутъ сказывалось помимо панскаго презрѣнія къ православію, какъ схизмѣ и хлопской вѣрѣ, еще воспитанное духовенствомъ и особенно іезуитами общее убѣжденіе поляковъ въ томъ, что католичество есть основа спасенія Польши, безъ чего эта послѣдняя не можетъ существовать. Убѣжденіе это воспитывалось вѣками и совершенно восторжествовало при Янѣ III Собѣсскомъ. Этотъ послѣдній, будучи страстнымъ патріотомъ, религію привлекъ на служеніе политическимъ цѣлямъ. Обращеніе всѣхъ жителей Польши въ католическую вѣру было его завѣтною мечтою. Оно сдѣлалось руководящимъ началомъ дѣятельности и всѣхъ другихъ общественныхъ людей Польши. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ умственное развитіе народа все болѣе и болѣе понижалось, это печальное убѣжденіе дѣлалось достояніемъ всего народа польскаго. Распространенію этого убѣжденія среди народа и особенно шляхты содѣйствовали іезуиты.. „Вмѣсто того, чтобы противиться массѣ и распространять здравыя понятія о любви къ родинѣ, о сильномъ правительствѣ, объ уваженіи къ закону, какъ это дѣлалъ Скарга“, говоритъ одинъ изъ наиболѣе безпристрастныхъ польскихъ историковъ, „іезуиты отбросили свое политическое ученіе, ринулись въ объятія золотой свободы и, льстя массѣ, стали учить, что золотая свобода имѣетъ самый сильный оплотъ въ католичествѣ и іезуитахъ ... Они прилаживали свои школы къ понятіямъ испорченнаго общества и создали, наконецъ, ту систему воспита-

нія, надъ которой справедливо тяготѣло проклятіе послѣдующихъ поколѣній“ [5])... Подъ вліяніемъ іезуитовъ и католическаго духовенства, игравшихъ на струнахъ ложнаго патріотизма, въ Польшѣ совершенно утвердилась религіозная нетерпимость. Въ Польшѣ стало трудно жить всѣмъ иновѣрцамъ и особенно православнымъ, какъ наиболѣе слабымъ, безправнымъ и бѣднымъ.

Итакъ, полный безпорядокъ во внутренней жизни государства и крайняя нетерпимость къ православію— вотъ тѣ условія, которыя опредѣляли отношенія польскаго правительства и общества къ православно-русскому населенію польско-литовскаго государства въ данное время.

Теперь посмотримъ, каковы были отношенія русскаго правительства въ то же самое время къ своимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ. Здѣсь предъ нами возстаетъ не менѣе печальная картина. Мы уже видѣли, что, при тѣхъ слабыхъ средствахъ самозащиты, какими располагали православные западно-руссы въ Польшѣ (отсутствіе сильнаго и вліятельнаго дворянства, школъ, литературы, образованнаго духовенства и т. д.), заступничество Россіи за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ являлось весьма могущественною поддержкою ихъ въ борьбѣ за вѣру и народность. Между тѣмъ со времени смерти императора Петра I это заступничество Россіи за православное населеніе въ Польшѣ значительно ослабѣло. Причина этого заключалась не столько въ слабости самаго русскаго правительства (хотя и это бывало), сколько въ томъ, что оно слишкомъ мало интересовалось вопросомъ о положеніи православія въ Польшѣ. Непосредственные преемники великаго императора совсѣмъ почти были незнакомы съ этимъ вопросомъ и потому оставались

глухи къ воплямъ о помощи, какіе по временамъ доходили до ихъ слуха въ видѣ, напр., горькихъ жалобъ Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго и др. Что же касается правительства императрицы Анны Іоанновны, то оно даже и внутри Россіи не держалось русскихъ народныхъ началъ, а тѣмъ болѣе это должно сказать о внѣшнихъ сношеніяхъ его съ другими государствами. Въ частности, по отношенію къ Польшѣ правительство Анны Іоанновны интересы Бирона ставило гораздо выше пользы всего православно-русскаго населенія польско-литовскаго государства. Совершенное пренебреженіе правительства Анны Іоанновны къ вопросу о положеніи православнаго западно-русскаго населенія Польши особенно ясно сказалось еще въ томъ, что въ это время послами и резидентами русскими въ Польшу назначались иновѣрцы и вообще такія лица, которыя и не желали и не могли интересоваться вопросомъ о положеніи православныхъ подданныхъ польскаго короля, такъ какъ совершенно не понимали этого вопроса. Дошло скоро дѣло до того, что Варшавскій капелланъ, т. е. іеромонахъ русской посольской церкви въ Варшавѣ остался почти единственнымъ совѣтникомъ православно-русскаго духовенства въ Польшѣ и единственнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ православнаго западно-русскаго народа съ польскимъ и русскимъ правительствами. А настоящіе представители русскаго правительства, которые, по самому своему званію, должны были бы защищать русскіе интересы въ Польшѣ, не только не помогали Варшавскому капеллану, но, наоборотъ, всячески противодѣйствовали ему и немногимъ русскимъ православнымъ дѣятелямъ, остававшимся въ Польшѣ. Донося Кіевскому архіепископу (впослѣдствіи митрополиту) Рафаилу Заборовскому, что даже въ самой

Варшавѣ православныхъ насильно обращали на унію, Варшавскій капелланъ Сильвестръ Каховскій 24 октября 1742 года писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „а тутъ же, подъ бокомъ, протекція министровъ; но нисколько не помогаетъ, потому г. полномочный посолъ—евангеликъ, а вельможный панъ резидентъ—римско-католикъ“ [6]).

Вотъ тѣ внутреннія и внѣшнія условія, которыя опредѣлили религіозно-правовое положеніе православно-русскаго населенія Польши въ разсматриваемое время.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Преслѣдованіе православныхъ западно-руссовъ польскимъ правительствомъ: подтвержденіе правительственныхъ узаконеній и постановленій, направленныхъ противъ православія и русской народности.

За все время правленія Августа II, послѣ смерти Императора Петра I, состоялся только одинъ сеймъ польскій—въ Гроднѣ 1726 г. На немъ совсѣмъ не затрогивались вопросы религіи и постановленія его—совершенно незначительны. Всѣ прочіе сеймы при Августѣ II были сорваны.

Но вотъ 1 февраля 1733 года король Августъ II скончался [7]). Наступившее безкоролевье было самымъ удобнымъ временемъ, когда пробуждались низкія страсти народной массы и когда ярко обнаруживались язвы общественной жизни въ Польшѣ. Въ это же время обычно пробуждалась и религіозная нетерпимость, скрывавшаяся въ другое время подъ покровомъ усиленнаго внѣшняго благочестія. Дѣйствительно, на конвокаціонномъ сеймѣ 1733 года были торжественно подтверждены прежнія постановленія объ ограниченіи правъ т. н диссидентовъ, или разновѣрцевъ, подъ которыми разумѣлись и православные. Въ первомъ пунктѣ генеральной конфедераціи этого сейма содержится запрещеніе причинять какой либо ущербъ правамъ и привиллегіямъ римско-католической и греко-уніат-

ской церквей, съ выраженіемъ отвращенія къ чужеземнымъ культамъ, существовавшимъ въ православномъ польскомъ государствѣ, и съ обѣщаніемъ твердо стоять, по примѣру предковъ, за костелъ и его свободу. Всѣмъ разновѣрцамъ обѣщались миръ, равно какъ имущественная и личная неприкосновенность, согласно съ древними конституціями и особенно конституціей 1717 года; но тутъ же разновѣрцамъ запрещались участіе въ польской избѣ, въ трибуналахъ и коммиссіяхъ, созываніе своихъ частныхъ съѣздовъ, или собраній, недозволенныхъ законами, занятіе коронныхъ, литовскихъ, воеводскихъ, земскихъ и городскихъ должностей и, наконецъ, исканіе покровительства у иностранныхъ пословъ, подъ угрозою наказаній, опредѣленныхъ за измѣну [8]).

Такимъ образомъ, разновѣрцы, слѣдовательно, и православные лишались, собственно говоря, всѣхъ политическихъ правъ, и всякая попытка получить доступъ къ этимъ правамъ, при помощи другихъ государствъ и народовъ, каралась суровою и жестокою казнію. Въ частности, православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ обрекалась конфедераціею на полную беззащитность, такъ какъ всѣ права и привиллегіи ея, очевидно, усвоялись одной греко-уніатской вѣрѣ. „Будемъ хранить всѣми нашими силами“, клялись члены конфедераціи, „права и привиллегіи православной римско-католической церкви и обряды греко-уніатской церкви, *и никакой другой*“, разумѣя подъ этой другой, очевидно, прежде всего православную церковь [9]).

Не смотря на такія ограниченія правъ разновѣрцевъ, заключавшіяся въ актѣ конфедераціи, многіе члены ея, особенно католическіе бискупы, подписали актъ, подъ условіемъ сохраненія всѣхъ правъ римско-католической церкви [10]).

Крайняя нетерпимость въ отношеніи къ иновѣрцамъ вообще и, въ частности, къ православнымъ, обнаруженная конфередераціей 1733 года, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что вслѣдъ за смертію короля Августа II въ Польшѣ вспыхнуло на короткое время сильное патріотическое возбужденіе. Образовалась партія патріотовъ, которая задумала сбросить съ Польши иго зависимости отъ иностранныхъ государствъ, тяготѣвшее тогда надъ нею. Эта партія, къ которой примкнуло большинство высшаго католическаго духовенства, выставила своимъ кандидатомъ на польскій королевскій престолъ извѣстнаго Станислава Лещинскаго, который уже раньше былъ королемъ въ Польшѣ, при поддержкѣ шведскаго короля Карла XII, но не могъ долго держаться на престолѣ, который онъ долженъ былъ уступить Августу II, пользовавшемуся поддержкою императора Петра I. Станиславъ Лещинскій былъ горячимъ патріотомъ и неудивительно, если одно только имя его возбудило взрывъ патріотизма, выраженіемъ котораго, подъ вліяніемъ духовенства, явилась прежняя нетерпимость къ иновѣрцамъ, запечатлѣнная актомъ генеральной конфедераціи 1733 года.

Извѣстно, что Россія и Австрія не допустили Станиславу Лещинскому, котораго поддерживала въ своихъ интересахъ Франція, утвердиться на королевскомъ престолѣ. Онѣ употребили всѣ средства къ тому, чтобы посадить на польскомъ престолѣ сына умершаго короля Августа II. Русское правительство поддерживало кандидатуру этого послѣдняго, въ частности, потому, что императрица Анна Іоанновна желала, при содѣйствіи будущаго польскаго короля, посадить своего любимца Бирона на Курляндскомъ герцогскомъ престолѣ. Дѣйствительно, партія сторон-

никовъ сына умершаго короля, поддержанная Россіею и Австріей, восторжествовала въ Польшѣ, и 5 октября 1733 года этотъ послѣдній былъ избранъ королемъ подъ именемъ Августа III.

Замѣчательно, что даже такое слабое и одностороннее участіе, какое русское правительство приняло въ дѣлахъ Польши, при избраніи ея новаго короля, отразилось на настроеніи польской правительственной власти въ отношеніи въ вопросу о положеніи православно-русскаго населенія Польши. Въ такъ называемыхъ пактахъ конвентахъ, которыя поднесла восторжествовавшая партія вновь избранному королю, мы видимъ уже пунктъ, которымъ русскому народу обѣщается успокоеніе. Что касается лицъ греческой религіи—уніатовъ и не—уніатовъ, читаемъ здѣсь, то, въ виду трудности другихъ дѣлъ, (рѣшеніе о нихъ) не могло состояться на нынѣшнемъ избирательномъ сеймѣ, но оно должно быть приведено въ исполненіе неотложно, безъ всякихъ отсрочекъ и розысканій, на будущемъ коронаціонномъ сеймѣ, на основаніи давнихъ правъ обѣихъ сторонъ, при депутатахъ, назначенныхъ отъ обѣихъ сторонъ особыми коммисарами". Король при этомъ торжественно обѣщалъ, что всякому въ его доказанныхъ обидахъ будетъ дана справедливость и удовлетвореніе, равно какъ обязывался, на основаніи давнихъ правъ, не предоставлять высшихъ іерархическихъ должностей лицамъ недостойнымъ, подъ которыми, какъ показалъ прежній опытъ, разумѣлись православные, и возвратить Кіевской митрополіи, разумѣется, греко-уніатской, отнятыя прежде у нея имѣнія [11]).

Само собою разумѣется, что обѣщанія короля, данныя притомъ съ такими ограниченіями, не могли успокоить православныхъ западно-руссовъ. Скоро на-

ступившая дѣйствительность вполнѣ оправдала такія ожиданія православныхъ. Коронаціонный сеймъ, происходившій въ Краковѣ въ 1734 году, былъ такъ малочисленъ и происходилъ среди такого общаго неспокойствія, что, дѣйствительно, королю Августу III не было рѣшительно никакой возможности заняться дѣломъ успокоенія русскаго народа, жившаго въ Польшѣ. Король ограничился тѣмъ, что, по примѣру своихъ предшественниковъ, обѣщалъ соблюдать всѣ законы, права и привиллегіи, издавна установленные въ государствѣ, хранить миръ и спокойствіе среди диссидентовъ и не допускать преслѣдованій и стѣсненій изъ-за религіи [12]). А при общемъ подтвержденіи правъ, король Августъ III ограничился только признаніемъ всего того, что́ было установлено до него королями и правителями Польши, Литвы и соединенныхъ съ ними провинцій, сеймами и трибуналами [13]).

До 1736 года продолжались въ Польшѣ внутреннія безпорядки, вслѣдствіе борьбы двухъ партій— Августа III и Станислава Лещинскаго. Только уже послѣ отреченія Станислава Лещинскаго отъ престола, въ іюнѣ 1736 г. состоялся въ Варшавѣ примирительный сеймъ, на которомъ Августъ III былъ признанъ королемъ и со стороны своихъ прежнихъ противниковъ. Въ это время Августъ III снова подтвердилъ постановленія генеральной конфедераціи и свои прежнія обѣщанія.

Такимъ образомъ, хотя польское правительство не сдѣлало въ данное время какихъ либо новыхъ постановленій, направленныхъ противъ православія и русской народности, но за то оно твердо и неизмѣнно держалось прежнихъ А самое бо̀льшее несчастіе для православныхъ западно-руссовъ заключалось въ томъ, что отдѣльные представители выс-

шаго польскаго правительства, министры и другіе высшіе чиновники, пользуясь общимъ безурядьемъ и растерянностью, дѣлали всякія придирки къ православнымъ западно-руссамъ, отказывали въ удовлетвореніи самыхъ законныхъ ихъ просьбъ, а иногда попускали явныя обиды имъ. Въ данное время православные западно-руссы больше всего терпѣли именно отъ произвола польскихъ манистровъ и другихъ высшихъ чиновниковъ польскаго государства, примѣру которыхъ слѣдовали и частныя лица и народная масса. Не должно забывать при этомъ, что въ числѣ польскихъ министровъ, сенаторовъ и другихъ высшихъ представителей польскаго правительства были и католическіе бискупы, которые, по понятнымъ соображеніямъ, всегда относились къ русскимъ православнымъ жителямъ Польши съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и недоброжелательствомъ. Напр., послѣ смерти короля Августа II, высшая распорядительная власть въ государствѣ, на основаніи польской конституціи, перешла въ руки т. н. примаса, т. е. Гнѣзненскаго архіепископа Ѳеодора Потоцкаго. Этотъ же арцибискупъ Потоцкій оставался верховнымъ правителемъ государства и во все послѣдующее время, пока происходила борьба между кондидатами на польскій королевскій престолъ—Августомъ III и Станиславомъ Лещинскимъ [14]). И какъ бискупъ, и какъ ярый сторонникъ Станислава Лещинскаго, примасъ Потоцкій относился съ явнымъ недоброжелательствомъ къ Россіи и, въ частности, къ православно-русскому населенію Польши. Въ его правленіе, именно во время элекціи (избранія) короля, въ Варшавѣ была разорена православная капелланія. т. е. посольская церковь [15]). На время же его фактическаго управленія государствомъ падаетъ очень много

и другихъ насилій надъ православными въ Польшѣ, при чемъ эти насилія обусловливались, безъ сомнѣнія, не только общею анархіею, господствовавшею тогда въ государствѣ, но также и тѣмъ тономъ, какой давалъ внутренней жизни государства его дѣйствительный руководитель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Преслѣдованіе православныхъ въ Бѣлоруссіи до смерти преосв. Сильвестра Святопокъ Четвертинскаго.

Смерть императора Петра I, бывшаго могущественнымъ покровителемъ и защитникомъ гонимыхъ православныхъ западно-руссовъ, сопровождалась самими печальными послѣдствіями для православія и русской народности въ Польшѣ. Сохранилось до насъ весьма любопытное свидѣтельство, показывающее, какъ смотрѣли на дѣло сами поляки, какъ цѣнили они заступничество императора Петра I за гонимыхъ православныхъ западно-руссовъ. Первая вѣсть о смерти великаго русскаго императора, полученная въ Польшѣ, вызвала среди поляковъ и особенно среди католическаго духовенства взрывъ чрезвычайной радости и торжества. Русскіе дѣятели въ Польшѣ и всѣ вообще русскіе жители Польши, наоборотъ, сильно опечалились и пріуныли. Въ это самое время въ Бѣлоруссіи жилъ и дѣйствовалъ русскій коммиссаръ Игнатій Рудановскій, посланный туда императоромъ Петромъ I спеціально для наблюденія за тѣмъ, чтобы православнымъ бѣлоруссамъ не дѣлали никакихъ обидъ. И вотъ что онъ писалъ императору Петру I отъ 24 февраля 1725 г., слѣдовательно, когда государь уже скончался. „Въ здѣшнихъ краяхъ отъ зло-

коварственныхъ и злозамышляющихъ враговъ публикуются сердце и утробу мои проникающія вѣдомости, что будто ваше императорское величество соизволилъ переселиться въ небесные чертоги, чему я, рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ Двора вашего величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя небезопасна“ [16]). Скоро извѣстіе о смерти великаго императора подтвердилось, и Рудаковскій вмѣстѣ со всѣми русскими въ краѣ сильно пріуныли. Но затѣмъ пришла вѣсть о томъ, что императрица Екатерина I спокойно воцарилась, и русскіе вмѣстѣ съ Рудаковскимъ снова воспрянули духомъ. Рудаковскій сталъ всѣхъ успокоивать, говоря, что новая императрица не оставитъ въ сиротствѣ церковь восточную, но будетъ всѣми силами ее оборонять, какъ единая благочестивая государыня и протекторка святаго благочестія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рудаковскій доносилъ новой императрицѣ о томъ, какъ поляки радовались по поводу смерти Петра I и какія несбыточныя мечтанія они соединяли съ его смертію. „Смѣху достойна“, писалъ онъ, „отвага здѣшняго народа, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни магазиновъ, ни войска, ни пушекъ, ни мелкаго оружія; который надѣется на одни свои сабли, да и тѣ уже очень позаржавѣли; правда, мелкая шляхта сядетъ на коней, но не для сопротивленія непріятелямъ, а только для грабежа и разоренія своего отечества. Если этотъ огонь загорится“, прибавлялъ Рудаковскій, „то ни я, ни князь Четвертинскій, епископъ Бѣлорусскій, не можемъ оставаться здѣсь спокойно; да хотя бы огонь и не загорѣлся, то мнѣ безъ

отряда русскихъ воинскихъ людей оставаться здѣсь нельзя, потому что многіе изъ шляхты присягнули лишить меня жизни; особенно враждебенъ мнѣ, за мою горячность къ восточной церкви, шляхтичъ Петръ Свяцкій“ [17]).

Несомнѣнно, что желаніе Рудаковскаго имѣть около себя русскую военную защиту не могло быть исполнено. Было бы хорошо и весьма много значило бы въ дѣлѣ защиты православныхъ западно-руссовъ, если бы русское правительство вообще поддержало своего коммиссара въ Могилевѣ. Къ сожалѣнію, этого не было сдѣлано. Въ апрѣлѣ 1725 года коммиссаръ Игнатій Рудаковскій былъ вызванъ изъ Бѣлоруссіи въ С.-Петербургъ. Несомнѣнно, что наше правительство рѣшило навсегда отозвать этого ревностнаго защитника православныхъ западно-руссовъ. Но для того, чтобы утѣшить этихъ послѣднихъ, было объявлено, что вызовъ Рудаковскаго — временный, что Рудаковскій отдастъ отчетъ объ истинномъ положеніи православныхъ въ Польшѣ и затѣмъ снова возвратится къ своему служенію. Русскій канцлеръ гр. Головкинъ писалъ 10 апрѣля 1725 года Сильвестру Святополкъ Четвертинскому, епископу Бѣлорусскому, чтобы онъ не сомнѣвался относительно этого вызова; императрица успокоивалъ онъ епископа, не оставитъ православныхъ безъ защиты и какъ скоро Рудаковскій дастъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, то тотчасъ онъ возвратится, или же кто либо другой будетъ отправленъ на его мѣсто [18])

Но эти обѣщанія русскаго дипломата нимало не успокоивали православныхъ западно-руссовъ, положеніе которыхъ, вслѣдствіе усилившихся гоненій со стороны враговъ, сдѣлалось невыносимо-тяжелымъ. „Отзывъ Рудаковскаго“, писалъ Бѣлорусскій епископъ Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій самой импера-

трицѣ русской, „сильно опечалилъ церковь Божію и меня съ православными, какъ корабельщиковъ на морѣ, при усилившихся жестокихъ вѣтрахъ. Слезно прошу, да извольте подать руку помощи мнѣ, окруженному отовсюду смертными злоключеніями, и немедленно отправить къ намъ какую нибудь особу, чтобы защищать насъ, подобно господину коммиссару, находившемуся здѣсь, или его же самого, потому что онъ знаетъ здѣшній край, его обычаи, стоялъ за правду и не молчалъ противъ враговъ нашихъ“ [19]).

Дѣйствительно, Рудаковскій, проведшій въ Бѣлоруссіи 3 года въ непрерывной борьбѣ за православіе и русскую народность, лучше кого либо другого могъ и долженъ былъ знать истинное положеніе православныхъ бѣлоруссовъ. Поэтому, намъ интересно будетъ выслушать докладъ Рудаковскаго объ этомъ, какой онъ представилъ своему правительству по возвращеніи въ Россію. 7 іюня 1725 года Рудаковскій доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что онъ оставилъ православную церковь и русскій народъ въ Польшѣ, какъ онъ выражается, въ бѣдахъ, утрапеніи (т. е. преслѣдованіи) и несносномъ гоненіи“. Римскіе и уніатскіе ксендзы, по его словамъ, равно какъ и люди тѣхъ вѣръ употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы искоренить всѣхъ жителей вѣры греко-россійскаго исповѣданія, а въ особенности Бѣлорусскаго епископа, такъ какъ они убѣждены,—и совершенно справедливо,—въ томъ, что, искоренивъ Бѣлорусскаго епископа, они уничтожатъ и всю православную вѣру въ Бѣлоруссіи. Католики и уніаты называли православныхъ русскихъ людей московскимъ духомъ и ребелизантами (т. е. бунтовщиками, измѣнниками) отечества за то, что тѣ искали покровительства у россійскаго престола. Когда коммиссаръ выѣзжалъ изъ

Могилева, то епископъ и всѣ православные люди, по словамъ Рудаковскаго, сильно опечалились, такъ какъ отозваніе коммиссара считали равносильнымъ лишенію покровительства со стороны русскаго престола, безъ чего они не могутъ существовать. Православнымъ Бѣлоруссамъ прискорбенъ былъ отъѣздъ коммиссара особенно потому, что какъ разъ въ то время въ Могилевѣ происходила коммиссія по разбору жалобъ православныхъ на своихъ обидчиковъ. Члены коммиссіи изыскивали всякіе способы къ тому, чтобы какъ нибудь низвергнуть православнаго епископа, но при Рудаковскомъ, который защищалъ епископа, это имъ не удавалось, а съ его отъѣздомъ, неизвѣстно еще что будетъ. Равнымъ образомъ и кармалитскіе ксендзы тайно и неожиданно, безъ всякой повѣстки („позва“), за собственный Бѣлорусскаго епископа участокъ земли, притомъ пустой участокъ, привлекли его къ суду и получили изъ трибунала рѣшеніе, которымъ Бѣлорусскій православный епископъ былъ осужденъ на лишеніе имѣній и изгнаніе и котораго Рудаковскій не могъ уничтожить въ виду быстраго своего отъѣзда изъ Могилева въ Россію. Поэтому, Рудаковскій считалъ рѣшительно необходимымъ отправленіе кого либо отъ русскаго правительства для охраненія и защиты православныхъ въ Бѣлоруссіи и особенно епископа Могилевскаго, который безъ подобной защиты не могъ долго удержаться. Наканунѣ выѣзда Рудаковскаго изъ Могилева тамъ было получено извѣстіе, что Виленскій католическій бискупъ и надворный подскарбій Оссолинскій обѣщались сами пріѣхать въ Могилевъ для окончанія коммиссіи, причемъ православные боялись, чтобы и теперь, какъ прежде, не были отобраны у православныхъ нѣкоторые монастыри и церкви. Православные со слезами

выражали эти свои опасенія коммиссару Рудаковскому, который, видя ихъ слезы, обѣщалъ имъ, что или онъ самъ возвратится, или кто либо другой будетъ присланъ на его мѣсто. Вообще гоненій и преслѣдованій, какимъ подвергался Бѣлорусскій православный епископъ, нельзя было, по словамъ Рудаковскаго, и перомъ описать; а когда епископъ рѣшался искать защиты у судовъ трибунальскихъ, или у другихъ властей польскихъ, то вездѣ проигрывалъ дѣла и получалъ отказъ, при чемъ это всегда зависѣло не отъ чего нибудь другого, какъ только отъ того, что онъ былъ *православный* епископъ и искалъ защиты у русскаго правительства.

Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Бѣлоруссіи, разсказываетъ далѣе Рудаковскій въ своемъ докладѣ, онъ различными путями успѣлъ удалить изъ тѣхъ мѣстностей одного ксендза—іезуита Гинтовта, который причинялъ особенный вредъ православнымъ и о которомъ онъ часто доносилъ еще покойному императору. Рудаковскій серьезно опасался, чтобы эта, какъ онъ выражался, „ядовитая гадина“ не возвратилась снова въ Бѣлоруссію. Въ такомъ случаѣ православнымъ бѣлоруссамъ придется весьма плохо. Вообще если только онъ, т. е. Рудаковскій, не возвратится въ Бѣлоруссію, то іезуиты и всѣ противники православной вѣры и русскаго народа будутъ рады этому, такъ какъ они освобождались бы тогда отъ такого борца и защитника православныхъ, какого ни серебромъ, ни золотомъ, ни обѣщаніемъ деревень не могли побѣдить. Но не одолѣвъ этимъ, они поразили его ложными доносами на него. „Истинно убѣжденъ“, замѣчалъ при этомъ Рудаковскій, „что поляки вооружились для окончательнаго истребленія православныхъ. Въ Польшѣ—каждый есть апостолъ. Не только римско-като-

лики, но даже и жиды называютъ тамъ людей вѣры греческаго исповѣданія не иначе, какъ проклятыми схизматиками и московскимъ духомъ. чего однакоже избѣгали во время пребыванія тамъ его, коммиссара".

Въ виду такого положенія дѣла, Рудаковскій рѣшительно высказывался за необходимость сильной и притомъ немедленной помощи православнымъ западнорусcамъ со стороны Россіи. „Если люди римской вѣры", писалъ онъ въ своемъ докладѣ, „снова возьмутъ верхъ надъ православными, какъ это было предъ отправленіемъ его въ Могилевъ, тогда трудно будетъ поправлять разъ испорченное дѣло. Поляки, которые теперь трепещутъ, слыша о могуществѣ россійской имперіи, могутъ тогда подумать, что Россія ослабѣла, и это придастъ имъ дерзости въ преслѣдованіи православныхъ жителей своего государства. Поляковъ, по словамъ Рудаковскаго, необходимо „было держать на уздѣ, да не распространится своевольность ихъ".

Однимъ изъ главныхъ средствъ для удержанія поляковъ отъ преслѣдованій православныхъ жителей Западной Руси Рудаковскій считалъ содержаніе постояннаго русскаго коммиссара въ Польшѣ. Содержаніе русскаго коммиссара въ Польшѣ отнюдь не противорѣчило ни требованіямъ государственной чести, ни трактатамъ, заключеннымъ между Россіею и Польшею. Поляки желали отозванія русскаго коммиссара изъ Бѣлоруссіи единственно для того, чтобы совсѣмъ искоренить православныхъ жителей греческаго исповѣданія въ Польшѣ, чтобы сдѣлать ихъ единомысленными съ собою въ отношеніи къ Россіи. А между тѣмъ русскому правительству никакъ нельзя было оставить безъ своего покровительства и защиты православныхъ жителей Польши. Всѣхъ православныхъ въ Польшѣ, по донесенію Рудаковскаго, было

тогда свыше милліона. Всѣ они готовы были за вѣру свою православную пожертвовать не только всѣмъ своимъ имуществомъ, но даже и самою жизнію своею. Православные западно-руссы, по наблюденію Рудаковскаго, спасались пока единственно только покровительствомъ россійской имперіи, на основаніи договора о вѣчномъ мирѣ. Если же бы русское правительство отказалось послать въ Польшу своего коммиссара и, такимъ образомъ, оставило православныхъ западноруссовъ въ сиротствѣ, то епископъ Бѣлорусскій и всѣ православные не могли бы удержаться въ своей вѣрѣ, принуждены были бы отступить въ унію и чрезъ то самое сдѣлаться непріятелями россійской имперіи. Въ данное время, по мнѣнію Рудаковскаго, особенно нельзя и неудобно было бы Россіи оставлять на произволъ судьбы, безъ всякой защиты, православныхъ жителей Польши, именно послѣ того, какъ Россія открыто предъ всѣмъ міромъ выступила защитницею православно-русскаго населенія Польши. „Лучше было бы“, совершенно резонно замѣчалъ онъ, „совсѣмъ не показываться на свѣтъ съ явнымъ покровительствомъ. Тогда бы православные жители Польши, хотя и оставались бы въ великомъ гоненіи и преслѣдованіи отъ поляковъ, но держались бы своей вѣры, объявляя всѣмъ, что россійская имперія не оставитъ ихъ безъ своей защиты. А теперь если бы они явно для всѣхъ лишились покровительства Россіи, съ отозваніемъ коммиссара, они бы никакъ не могли удержаться въ своей отеческой вѣрѣ. И тогда, замѣчалъ Рудаковскій, „истинно сбудется сказанное Христомъ Спасителемъ: поражу пастыря и розыдутся овцы. Тогда Бѣлорусскій православный епископъ будетъ низвергнутъ, и не останется въ Польшѣ ни одной православной церкви и ни одного православнаго монастыря

изъ тѣхъ многочисленныхъ ставропигій, какія существовали въ Польшѣ“ [20]).

Такимъ образомъ, Рудаковскій, успѣвшій за время своей дѣятельности въ Могилевѣ хорошо познакомиться съ истиннымъ положеніемъ православія и русскаго народа въ Польшѣ, особенно настаивалъ на необходимости продолженія самаго дѣятельнаго участія русскаго правительства въ несчастной судьбѣ православныхъ западно-руссовъ и сохраненія въ Польшѣ русскаго коммиссара. Конечно, самымъ лучшимъ представителемъ русскаго правительства и защитникомъ православныхъ западно-руссовъ могъ бы быть самъ Рудаковскій. Но, къ сожалѣнію, правительство Екатерины I не пожелало удержать Рудаковскаго въ Могилевѣ, назначивъ на его мѣсто какого то смоленскаго шляхтича поручика Милашевича, который долженъ былъ находиться въ Варшавѣ и помогать русскому послу въ охранѣ интересовъ православно-русскаго населенія въ Польшѣ [21]). Исторія не сохранила намъ никакихъ слѣдовъ участія коммиссара Милашевича въ положеніи православныхъ западно-руссовъ, которое теперь значительно и существенно ухудшилось. Православные западно-руссы на нѣкоторое время послѣ смерти Петра I остались почти беззащитными. Преслѣдованія, возобновившіяся противъ нихъ, главною своею силою обрушивались на Бѣлорусскаго православнаго епископа Сильвестра Святополкъ-Четвертинскаго.

10 іюня 1725 года этотъ послѣдній отправилъ Рудаковскому горестное посланіе, въ которомъ яркими красками описывалъ свое положеніе послѣ отъѣзда русскаго коммиссара изъ Могилева. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, что двухъ служителей епископа взяли изъ его дома безъ всякой причины и

засадили въ замковую тюрьму Тамъ ихъ, съ связанными руками и ногами, въ стоячемъ положеніи приковали за шею къ стѣнкѣ и такъ держали ихъ 6 недѣль, моря голодомъ. Смотря на это, всѣ православные—и духовные и міряне—разбѣжались, опасаясь подвергнуться такой же неволѣ и такому же тиранскому мучительству. Православный епископъ остался въ своемъ домѣ съ однимъ только священникомъ, который рѣшился раздѣлить его несчастную участь. Они жили, по словамъ Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, въ такомъ страхѣ, что боялись даже и „въ церковь ходить.“ А между тѣмъ члены католическаго духовенства, видя беззащитность православнаго епископа и его паствы, начали открыто и дерзко издѣваться надъ ними и всячески унижать ихъ. Католическія власти сдѣлали распоряженіе, чтобы во время католическихъ процессій въ православныхъ храмахъ производился торжественный звонъ. Церковныхъ служителей и духовенство, неповиновавшихся такимъ требованіямъ, подвергали разнымъ наказаніямъ. Въ тоже самое время въ Могилевѣ появился іезуитъ—миссіонеръ Гинтовтъ, котораго успѣлъ было удалить отсюда Рудаковскій. Теперь ксендзъ Гинтовтъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и началъ усиленную пропаганду между православными. Свои зажигательныя рѣчи онъ сопровождалъ самыми дерзкими оскорбленіями по адресу всѣхъ православныхъ жителей Могилева и особенно Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго. Во время, напр., одной торжественной процессіи онъ, угрожая православнымъ Могилевскимъ мѣщанамъ, говорилъ: *„я докажу, что тотъ схизматикъ, владыка Могилевскій, самъ будетъ ходить въ церковь безъ звона, когда мы прикажемъ тащить его за шею на веревкѣ“.*

Преслѣдованія православныхъ возобновились и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. Такъ, напр., Бѣшенковицкіе (изъ м. Бѣшенковичъ) мѣщане жаловались преосв. Сильвестру Святополкъ Четвертинскому, что ихъ православный священникъ былъ изгнанъ, а церковь тамошняя, устроенная для православныхъ, при участіи самого императора Петра I, была обращена на унію, и когда православный епископъ вступился было за своихъ пасомыхъ и сталъ домогаться возвращенія означенной церкви православнымъ, то ему отвѣчали: *берегись, чтобы и ты самъ не потерялъ своей каѳедральной церкви.* Въ то же самое время Шкловскіе монахи доносили преосв. Сильвестру, что архидіаконъ Виленскаго бискупа ксендзъ Чернявскій за устроенную на колокольнѣ главу взялъ съ православныхъ Шкловскихъ купцовъ 300 ефимковъ. Тотъ же архидіаконъ выхлопоталъ въ трибуналѣ постановленіе, по которому православныя церкви, находившіяся въ Польшѣ, не должны были быть выше жидовскихъ школъ; на основаніи этого постановленія, въ Оршѣ запрещено было православнымъ строить каменныя церкви.

Донося о всѣхъ такихъ преслѣдованіяхъ, обрушившихся на православныхъ въ Польшѣ тотчасъ же послѣ отъѣзда коммиссара Рудаковскаго изъ Могилева, преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій слезно просилъ защиты у русской императрицы и русскаго правительства. „Если не будетъ оказано мнѣ помощи и защиты“, писалъ онъ, „то я вынужденъ буду оставить совсѣмъ и церковное правленіе; ибо я остался теперь въ своемъ убогомъ домѣ, какъ узникъ, а не какъ хозяинъ и управитель въ епархіи“ [22]).

Еще болѣе яркими красками изображаютъ картину невыносимаго преслѣдованія православныхъ въ Поль-

шѣ, начавшагося здѣсь послѣ смерти императора Петра I, письма и доношенія Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго императрицѣ Екатеринѣ I. Исповѣдавъ свою глубочайшую преданность православной вѣрѣ, за которую онъ готовъ былъ претерпѣть. всевозможныя гоненія, доблестный страдалецъ за православіе выражалъ свою боязнь лишиться вѣчнаго воздаянія и подвергнуться тяжкой отвѣтственности предъ Богомъ за свою паству, которая отъ постоянныхъ гоненій и преслѣдованій приходила во всеконечное разореніе. Вслѣдствіе этого онъ и рѣшился немедленно донести о всѣхъ бѣдствіяхъ православныхъ жителей Польши русской императрицѣ, надѣясь вмѣстѣ со всѣми получить отъ нея защиту и покровительство.

„Я не говорю о прочихъ православныхъ епархіяхъ“, писалъ далѣе преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій. „Вашему императорскому величеству извѣстно, что онѣ еще въ прошедшіе годы насильственно превращены на унію, не смотря на то, что онѣ были признаны и утверждены за православными договоромъ о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею. Тоже самое враги православія вознамѣрились сдѣлать и съ Бѣлорусскою епархіею. Эта послѣдняя находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Не только отнимали у православныхъ приходскія церкви и священниковъ православныхъ, изгнанныхъ и разоренныхъ, не допускали въ собственные ихъ дома, но въ послѣднее время задумали отнять у православныхъ и самую каѳедральную соборную церковь св. Спаса въ Могилевѣ. Надворный коронный подскарбій Оссолинскій подалъ русскому послу въ Польшѣ князю В. Л. Долгорукову письменные пункты, въ ктоорыхъ доказываетъ, что, будто бы, эта

въ которыхъ доказываетъ, что, будто бы, эта церковь была первоначально заложена на унію, почему необходимо было удалить отъ нея съ безчестіемъ православнаго епископа, предварительно отобравъ у него все его имѣніе и самую власть. А между тѣмъ и во многихъ конституціяхъ сказано и въ договорѣ вѣчнаго мира ясно означено, что въ Могилевѣ долженъ быть благочестивый, т. е. православный епископъ."

Преосв. Сильвестръ выражалъ серьезное опасеніе, что въ скоромъ времени могли быть отняты на унію всѣ православныя церкви въ Бѣлоруссіи и самъ онъ могъ быть изгнанъ изъ епархіи. Въ доказательство такихъ своихъ опасеній онъ ссылался на два самые свѣжіе случая насильственнаго отобранія православныхъ церквей на унію, именно въ г. Новомъ Быховѣ Успенской и въ с. Таймановѣ Св. духовской церкви. Также точно была отобрана на унію и православная церковь въ с. Вилчичахъ Могилевской экономіи при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Тамашній управитель Войткевичъ принялъ къ себѣ уніатскаго священника, которому передалъ и все имущество, принадлежавшее православной церкви, а православнаго священника совсѣмъ выгналъ. Послѣ того онъ принялся за прихожанъ. Всѣхъ, нежелавшихъ принимать унію, онъ началъ бить и разными насильственными способами принуждать ихъ къ переходу на унію. Всѣ эти люди православные, гонимые и преслѣдуемые за вѣру, искали защиты у своего архипастыря. „Но что я могу сдѣлать", писалъ императрицѣ преосв. Сильвестръ, „если я не получу помощи отъ вашего императорскаго величества, о чемъ, павши предъ престоломъ вашего величества я и прошу слезно, ибо я и самъ постоянно подвергаюсь нападеніямъ и преслѣдованіямъ... Самъ

Богъ знаетъ, какимъ образомъ я могу избѣжать подобныхъ гоненій, если только не получу милостивой поддержки и защиты отъ вашего императорскаго величества.“ Въ заключеніе преосв. Сильвестръ просилъ русскую государыню поддержать православіе въ Польшѣ, защитить гонимыхъ и особенно священниковъ Любовицкихъ, которыхъ кухмистеръ княжества Литовскаго Залусскій изгналъ изъ домовъ. Они ежедневно приходили къ епископу и со слезами просили у него помощи, которой онъ имъ никакъ не могъ оказать [23]).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій отправилъ императрицѣ вышеприведенное доношеніе. Изъ Петербурга не было никакого отвѣта. Не возвращался и коммиссаръ Рудаковскій. А между тѣмъ поляки и русскіе уніаты продолжали преслѣдовать православныхъ. Ни русскій посолъ въ Польшѣ, ни бывшій при немъ коммиссаръ не оказывали, повидимому, никакой помощи и защиты православнымъ. Тогда 4 августа 1726 г. преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій снова пишетъ прошеніе императрицѣ Екатеринѣ I, въ которомъ изображаетъ бѣдственное положеніе православныхъ въ Польшѣ, и въ частности, въ Бѣлоруссіи и умоляетъ государыню подать руку помощи православнымъ западно-руссамъ, изнемогавшимъ въ непосильной борьбѣ за вѣру и народность. „До сихъ поръ“, пишетъ Бѣлорусскій епископъ русской императрицѣ, „православная вѣра въ здѣшнемъ государствѣ держалась и утверждалась помощію русскихъ государей. Но нынѣ я со всѣми здѣшними православными жителями оставленъ, такъ какъ полномочный министръ вашего величества отозванъ изъ польскаго королевства.... Самъ же я никакъ не

могу бороться далѣе. Въ прошедшемъ году безъ всякой съ моей стороны причины Могилевскій плебанъ ксендзъ Волчекъ велѣлъ схватить моего священника—старца, связать и привесть къ себѣ; онъ держалъ его потомъ пять недѣль въ темной тюрьмѣ, находящейся подъ костеломъ. Объ этомъ я писалъ Виленскому бискупу, который не безъ расходовъ нашихъ присылалъ въ Могилевъ своего каноника для разслѣдованія дѣла и потомъ хотѣлъ было послать сюда своего суффрагана (викарія), но и до сихъ поръ намъ не дано никакого удовлетворенія. А между тѣмъ упомянутый плебанъ 2 іюня нынѣшняго года съ великою дерзостью напалъ было ночью на мой домъ, имѣя намѣреніе убить меня; однако Богъ не допустилъ его исполнить свое злое намѣреніе, потому что бывшіе въ то время въ моемъ домѣ православные люди отразили нападеніе. Но съ того дня ни служитель, ни старецъ не смѣютъ выходить изъ моего дома, потому что плебанъ всякаго ловитъ и смертно бьетъ.

О подобномъ безсовѣстномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Невлѣ, писалъ мнѣ тамошній священникъ, продолжаетъ разсказывать о преслѣдованіяхъ православныхъ въ Польшѣ Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій императрицѣ Екатеринѣ I. „Нынѣшній Невельскій плебанъ Давидовичъ, согласившись съ оффиціалами Полоцкаго уніатскаго архіепископа, наѣхалъ на дворъ православаваго священника въ с. Картаѣ, въ Невельскомъ графствѣ, и всячески принуждалъ священника на унію. А когда священникъ не желалъ приступать на унію, то плебанъ сталъ бить его нещадно и, заковавши ему руки и ноги, отвезъ его къ себѣ на дворъ, а потомъ передалъ его оффиціалу, который 60 верстъ везъ съ собою священника и, не имѣя возможности принудить его

къ принятію уніи, билъ его до полусмерти и рѣшилъ бросить его въ лѣсу, а священическаго коня взялъ себѣ, и Богъ вѣдаетъ", заключалъ свою горестную повѣсть преосв. Сильвестръ, „живъ ли теперь тотъ священникъ".

Въ томъ же самомъ своемъ доношеніи преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій доводитъ до свѣдѣнія русской императрицы и о другихъ случаяхъ насилія, имѣвшихъ мѣсто въ Польшѣ по отношенію къ русскимъ православнымъ жителямъ ея. Такъ, напр., мстиславская шляхта, собравшись на сеймикъ, порѣшила, кромѣ прежде отнятой уже у православныхъ Ильинской церкви, насильно отобрать у нихъ еще двѣ церкви—Спасскую и Успенскую, которыя находились въ самомъ Мстиславлѣ. И это, по словамъ преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, должно было непремѣнно случиться, еслибы только русское правительство не оказало помощи православнымъ въ Польшѣ и не вступилось за нихъ.
Въ томъ же Мстиславлѣ подстароста Мстиславскій, нѣкто Суходольскій, годъ тому назадъ разбойнически напавшій на людей Бѣлорусскаго епископа, насылалъ шляхту подручную на Троицкій Мстиславскій монастырь и разорялъ его. Не ограничиваясь этимъ, тотъ же Суходольскій исходатайствовалъ всякими неправильными путями въ судѣ постановленіе противъ Бѣлорусскаго епископа и угрожалъ этому послѣднему разорить его взысканіемъ большихъ денегъ.

Разсказавъ о всѣхъ такихъ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ православныхъ, преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій просилъ у русской государыни защиты отъ противниковъ. Онъ просилъ императрицу дать возможность православнымъ, по крайней мѣрѣ, заявить о всѣхъ перечисленныхъ гоненіяхъ

на предстоявшемъ сеймѣ чрезъ своего посла. Бѣлорусскій епископъ намѣревался заявить на сеймѣ о нарушеніи правъ, объ отнятіи нѣкоторыми вельможами привиллегій, какими пользовались православные, о насильственномъ отобраніи церквей на унію и принужденіи священниковъ и о всевозможныхъ гоненіяхъ, преслѣдованіяхъ и стѣсненіяхъ, какія дѣлались православнымъ въ Польшѣ. Онъ желалъ просить на сеймѣ о свободномъ отправленіи церковныхъ нуждъ, возвращеніи отобранныхъ церквей и вообще объ успокоеніи православно-русскаго народа въ Польшѣ. Крайняя необходимость заставляла Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго просить русскую императрицу объ оказаніи помощи даже для того, чтобы православнымъ можно было, по крайней мѣрѣ, заявить о всѣхъ этихъ своихъ бѣдствіяхъ и нуждахъ на предстоявшемъ сеймѣ. „Желалъ бы я“, говоритъ преосв. Сильвестръ „послать кого нибудь отъ себя на сеймъ, но никого не пропустятъ, ибо ксендзъ Гинтовтъ, іезуитъ, великій гонитель и противникъ православныхъ, согласившись съ Могилевскимъ плебаномъ, порѣшилъ убить того, кто былъ бы посланъ мною по дѣлу церковному.“

Въ доказательство всѣхъ своихъ вышеизложенныхъ жалобъ преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій ссылался, кромѣ бывшаго коммиссара Рудаковскаго, еще на князя Долгорукова и тогдашняго коммиссара Милашевича, которые собственными глазами видѣли нужды и бѣдствія православныхъ [24]).

Горячо и убѣдительно написанное, подкрѣпленное яркими фактическими свидѣтельствами, донесеніе Бѣлорусскаго епископа на этотъ разъ оказало свое дѣйствіе въ С.-Петербургѣ. На польскій сеймъ, имѣвшій открыться въ августѣ 1726 г., нашимъ

правительствомъ былъ отправленъ спеціальный уполномоченный въ лицѣ генералъ-поручика П. И. Ягушинскаго. Въ числѣ другихъ порученій ему повелѣно было, между прочимъ, потребовать отъ польскаго правительства принятія мѣръ къ удовлетворенію нуждъ православныхъ жителей Польши и прекращенію преслѣдованій православной вѣры. Но на предъявленное имъ въ этомъ смыслѣ требованіе польскіе министры 20 апрѣля 1727 г. отвѣтили, что „обиженные должны были обращаться въ ассесесорскіе суды и трибуналы“ [25]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кончина Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго и его предсмертныя жалобы Императору Петру II.

14 февраля [26]) 1728 года скончался Бѣлорусскій епископъ Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій. Онъ былъ доблестнѣйшимъ борцемъ за православіе въ Бѣлоруссіи и во всей вообще Западной Руси. Свою борьбу съ противниками православнаго западнорусскаго народа онъ непрерывно велъ, можно сказать, до самаго послѣдняго дня своей многострадальной жизни. Всего за нѣсколько дней до своей кончины онъ писалъ плачевныя жалобы на невыразимо тяжелое положеніе православныхъ въ Польшѣ новому русскому императору Петру II. Эти жалобы его представляютъ замѣчательный вопль страдальческой русской души, умиравшей за дѣло своего народа. Съ другой стороны, эти предсмертныя доношенія Бѣлорусскаго архипастыря являются какъ бы общимъ обозрѣніемъ бѣдственнаго положенія православнаго народа въ Западной Руси за все время его епископскаго служенія и завѣщаніемъ умиравшаго страдальца всѣмъ послѣдующимъ борцамъ за дѣло православнаго русскаго народа въ Польшѣ. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о преслѣдованіяхъ пра-

вославныхъ въ Польшѣ, по смерти Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ предсмертными его донош̀еніями русскому государю.

„Церковь Божественная, въ благочестіи святомъ сіяющая, находящаяся въ польскомъ государствѣ во главѣ съ четырьмя епископами—Львовскимъ, Луцкимъ, Перемышльскимъ и Мстиславскимъ, до сихъ поръ утверждалась единственно только на договорѣ вѣчнаго мира между великороссійскимъ и польскимъ государствами“, писалъ преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій императору Петру II 3 февраля 1728 года. „Но нѣкоторые польскіе господа, вопреки этому договору, преслѣдовали русскихъ и своими гоненіями и насиліями трехъ православныхъ епископовъ, со всѣми монастырями и церквами, находившимися во Львовской, Перемышльской и Луцкой епархіяхъ, обратили въ унію, а тѣхъ, которые не желали принимать унію, напр., Луцкаго епископа Кирилла Шумлянскаго, а также многихъ архимандритовъ, игуменовъ, іеромонаховъ, пресвитеровъ и мірскихъ людей прогнали изъ государства, предварительно разграбивши имѣнія ихъ, а нѣкоторыхъ и умертвили, послѣ сильныхъ мученій.

Бѣлорусская епископія, которую я содержалъ въ своемъ управленіи 20 лѣтъ и на престолъ которой я вступилъ благодаря высокому покровительству русскаго государя (императора Петра I), по особенному ходатайству предъ польскимъ королемъ бывшаго тогда въ Варшавѣ полномочнаго посла русскаго Алексія Дашкова, осталась нынѣ почти въ единственномъ моемъ лицѣ. Почти всѣ церкви ея, какъ можно видѣть изъ приводимаго нынѣ перечисленія ихъ, насильно отобраны на унію, при чемъ служившіе въ нихъ пресвитеры изгнаны изъ отечества и доселѣ

скитаюся по чужимъ странамъ, а вмѣсто нихъ опредѣлены уніатскіе священники. Перечисливъ затѣмъ весьма многочисленныя православныя церкви, насильственно обращенныя на унію въ воеводствѣ Мстиславскомъ, въ повѣтѣ Оршанскомъ, въ Могилевской экономіи, въ Быховщизнѣ, въ Витебскомъ воеводствѣ, въ Полоцкомъ воеводствѣ, въ Невельщинѣ, въ повѣтѣ Рѣчицкомъ, въ Новогродскомъ воеводствѣ, въ Минскомъ воеводствѣ и въ повѣтахъ—Мозырскомъ и Ошмянскомъ, преосв. Сильвестръ затѣмъ продолжалъ такъ.

„Видя свою епархію“, пишетъ онъ, „въ такомъ постоянномъ озлобленіи, я прилагалъ всяческія заботы о недопущеніи ея до окончательнаго разоренія. Но что я могъ сдѣлать, когда и самъ лично не могъ имѣть безопасный выѣздъ изъ города? Ксендзы и шляхта, согласившись между собою, искали случая убить меня. Одинъ изъ шляхтичей, именно Петръ Свяцкій, дѣйствительно, два раза ранилъ меня саблею въ руку. Раны отъ этихъ ударовъ я и доселѣ ношу и, еслибъ Богъ не сохранилъ и встрѣтившіеся на пути православные люди не защитили меня отъ разбойника, то я непремѣнно былъ бы убитъ. Въ тоже самое время вотчины какъ Бѣлорусской епископіи, такъ и всѣхъ вообще православныхъ монастырей и церквей почти всѣ насильственно отняты у православныхъ и переданы уніатамъ.

Не довольствуясь такими притѣсненіями и обидами православныхъ, нѣкоторые ксендзы и шляхта, на поруганіе православной вѣры, многихъ нашихъ пресвитеровъ и монаховъ ловятъ, заковываютъ въ кандалы и бросаютъ въ тюрьмы, а другихъ безпощадно бьютъ палками или же, встрѣтившись съ ними на улицѣ и на дорогѣ, саблями ихъ сѣкутъ и смертельныя раны имъ наносятъ.

Когда же я рѣшился за всѣ подобныя обиды, причинявшіяся православнымъ, искать удовлетворенія въ польскихъ судахъ, то никогда и нигдѣ не находилъ правды и всегда долженъ былъ удаляться съ поруганіемъ и униженіемъ. Такъ, напр., я однажды дерзнулъ просить Виленскаго бискупа о томъ, чтобы онъ повелѣлъ возвратить православнымъ церковь во имя Святителя Николая въ Гомелѣ, насильственно превращенную на унію, такъ какъ объ этомъ убѣдительно просили меня тамошніе жители. И не смотря на то, что были приложены привелей и письмо короля въ пользу православныхъ, не смотря на то, что я израсходовалъ до 300 рублей, полученныхъ отъ другихъ господъ, посылая своихъ уполномоченныхъ въ Гродно, Вильно, Минскъ и Гомель, не смотря, наконецъ, и на то, что 23 августа 1727 г. предъ коммисаромъ Виленскаго бискупа, его суффраганомъ, 13 человѣкъ (3 пресвитера, 6 шляхтичей и 4 мѣщанина) подъ присягою засвидѣтельствовали, что церковь эта никогда не была въ уніи,—не смотря на все это, православные не имѣли никакого успѣха, такъ какъ николаевская церковь и доселѣ намъ не возвращена.

Когда же я, по должности своей, началъ было домогаться возвращенія православнымъ Бѣшенковицкой церкви, которую заложилъ самъ императоръ Петръ Великій, то не получилъ никакого удовлетворенія и былъ отпущенъ съ такими словами: „смотри, чтобы ты не погубилъ и своей каѳедральной церкви“.

Находясь въ такомъ стѣсненномъ положеніи и видя церковь православную гонимою со всѣхъ сторонъ, я осмѣлился въ 1718 г. прибѣгнуть къ высочайшему покровительству почившаго русскаго императора и слезно молилъ его о поддержаніи православія въ польскомъ государствѣ. Почившій государь, дѣйстви-

тельно, явилъ намъ милостивѣйшую отраду. Прежде всего, по его повелѣнію, русскіе полномочные послы въ Варшавѣ начали всячески поддерживать интересы православной церкви въ Польшѣ, предлагая королю всѣ тѣ обиды и притѣсненія, какія дѣлались въ Польшѣ православнымъ христіанамъ. Затѣмъ въ 1720 г., когда въ С.-Петербургъ пріѣзжалъ польскій посолъ въ лицѣ Мазовецкаго воеводы Хоментовскаго, то, по приказанію императора Петра I, ему были представлены пункты, въ которыхъ, на основаніи договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею, были изображены всѣ гоненія, какимъ подвергались православные русскіе люди въ Польшѣ. Къ сожалѣнію, и всѣ такія предстательства русскаго государя не имѣли благопріятнаго послѣдствія для православныхъ жителей Польши и даже не была уничтожена статья 4-я постановленной въ 1717 году конституціи объ изгнаніи всѣхъ противно католической церкви вѣрующихъ. Между тѣмъ послѣ 1720 года ксендзы и шляхта еще болѣе озлобились противъ православной вѣры и отобрали на унію немалое число православныхъ церквей, съ великими и нестерпимыми обидами православныхъ. Особенно яростнымъ гонителемъ православныхъ явился іезуитъ Гинтовтъ, который публично въ своихъ рѣчахъ и проповѣдяхъ хвалился окончательно искоренить православіе въ Польшѣ.

Видя такое бѣдственное состояніе православныхъ и слыша ихъ постоянные слезы и вопль, я рѣшился въ 1722 году отправиться лично къ почившему государю въ Москву. Здѣсь, по слезному моему прошенію, государь повелѣлъ отправить въ Польшу своего коммиссара съ тѣмъ чтобы онъ, живя въ Могилевѣ, видѣлъ мою жизнь и бѣдствія, заботился

о православіи и писалъ о притѣсненіяхъ православныхъ въ Варшавѣ къ полномочнымъ русскимъ посламъ. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ мы не получили полнаго успокоенія, потому что скоро, какъ только дѣло стало принимать хорошій для насъ оборотъ, коммиссаръ (разумѣется Игнатій Рудаковскій), который съ опасностію для своей жизни насъ охранялъ, былъ отозванъ. Тогда же велѣно было мнѣ писать о всѣхъ нашихъ нуждахъ русскимъ посламъ въ Варшавѣ—Василію и Сергѣю князьямъ Долгорукимъ. Я это и дѣлалъ, и князья Долгорукіе усердно предлагали королю о нашихъ бѣдствіяхъ и просили польское правительство, чтобы оставили насъ жить въ покоѣ, но и они ничего болѣе не достигли, кромѣ однихъ обѣщаній.

На сеймѣ 1726 г. русскій полномочный посолъ генералъ-лейтенантъ Ягудзинскій [27]) прилагалъ, по порученію русской государыни, всѣ свои старанія къ тому, чтобы православнымъ въ Польшѣ дано было облегченіе, но въ отвѣтъ получилъ, что наше дѣло будетъ окончательно рѣшено на конференціи.

И нынѣ, по моей просьбѣ, русскій министръ Бестужевъ [28]) всемѣрно старается о томъ, чтобы дѣло наше окончательно рѣшилось и чтобы дали православнымъ успокоеніе, но никакого другого отвѣта на свои домогательства не получаетъ, какъ только то, что до слѣдующаго сейма откладываютъ наше дѣло; когда же наступитъ время сейма, то о нашемъ дѣлѣ ни однимъ словомъ не вспоминаютъ и откладываютъ его до слѣдующей конференціи, забывши о своихъ прежнихъ обѣщаніяхъ.

При такихъ моихъ нуждахъ и при бѣдствіяхъ всего православія въ Польшѣ, заканчивалъ свою предсмертную челобитную преосв. Сильвестръ Святополкъ

Четвертинскій, „я, павши предъ престоломъ вашего императорскаго величества, смиренно со слезами умоляю: не оставь, государь, вѣры святой на поруганіе противниковъ, подай ей свою высочайшую монаршую протекцію, чтобы церковь божественная не была поругаема и гонима всѣми, ибо, послѣ моей кончины,—а я уже на исходѣ,—и безъ милостиваго призрѣнія вашего императорскаго величества Бѣлорусская православная епархія скоро будетъ уничтожена.

Въ частности, преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій просилъ русскаго императора приказать своему послу въ Варшавѣ, чтобы онъ исходатайствовалъ православнымъ жителямъ Бѣлорусской епархіи, съ согласія Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, при его жизни, разрѣшеніе избрать себѣ архіерея, ибо, замѣчалъ преосв. Сильвестръ, „еще при мнѣ многіе уніаты стараются получить привилей на свое имя и восхитить Бѣлорусскій архіерейскій престолъ“.

Кромѣ того, преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій просилъ у русскаго правительства содѣйствія въ исходатайствованіи православными жителями Польши у польскаго правительства привиллегій себѣ на то, чтобы въ 1) православнымъ не дѣлали болѣе никакихъ обидъ и не отнимали у нихъ болѣе церквей до тѣхъ поръ, пока сеймами будутъ назначены коммисары для разсмотрѣнія прежде нанесенныхъ православнымъ обидъ; во 2-хъ) православнымъ было дано право представлять въ судъ свои жалобы на тѣхъ господъ, которые съ 1700 года дѣлали разныя обиды русскимъ людямъ и насильственно отбирали у нихъ церкви; въ 3-хъ) трибуналъ не разбиралъ бы дѣлъ, касавшихся православныхъ, безвременно, но отсылалъ бы ихъ на реляційные суды [29]), къ королю, на основаніи сеймовой конституціи 1675 г.; въ 4-хъ)

чтобы по прежнему въ Могилевъ былъ присланъ русскій коммисаръ для наблюденія за положеніемъ православія въ краѣ и для охраны православныхъ отъ обидъ со стороны ихъ противниковъ, и, наконецъ, въ 5-хъ) преосв. Сильвестръ обращался къ молодому русскому государю съ просьбою о различныхъ нуждахъ своихъ и своей каѳедры [30]).

Въ другой своей челобитной, подписанной 6 февраля 1728 г, преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій просилъ русскаго государя оказать ему содѣйствіе и помощь достроить каѳедральную Спасскую церковь въ Могилевѣ, которая сгорѣла еще въ 1708 г., тогда же была сложена изъ досокъ и въ такомъ видѣ оставалась 20 лѣтъ. Просилъ преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій о постоянномъ пособіи и на свое содержаніе въ монастырѣ, „идѣже", пишетъ онъ, „съ иноками пребываю, не имѣя ни одной вотчины и во всемъ, даже въ пищѣ и одеждѣ весьма нуждаюсь" [31]).

Приведенныя нами сейчасъ челобитныя преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго были доставлены русскому государю уже послѣ смерти архипастыря. Подавшій ихъ монахъ (27 февраля 1728 г.) доставилъ еще предсмертное письмо почившаго епископа на имя государственнаго канцлера графа Г. И. Головкина. Письмо это было писано преосв. Сильвестромъ, видимо, наканунѣ его кончины, когда онъ самъ уже предвидѣлъ близкій свой конецъ. Поэтому, письмо представляетъ буквально вопль измученной долгими страданіями и умиравшей души. Умиравшій архипастырь писалъ слѣдующее. „Всегда во время тяжкихъ гоненій и преслѣдованій церкви Божіей я находилъ защиту и покровительство у вашего сіятельства. Посему и нынѣ я осмѣливаюсь искать

вашего милосердія и заступничества предъ всероссійскимъ престоломъ, ибо рѣшительно не могу болѣе переносить постоянныхъ нападеній и, прямо могу сказать, адскихъ обидъ. Не только не думаютъ возвращать прежде отобранныхъ на унію церквей и не желаютъ прекратить гоненій на насъ, но ежедневно изыскиваютъ все новые и новые способы къ совершенному уничтоженію святого православія. Самъ я не могу оказывать никакой помощи гонимымъ православнымъ, такъ какъ, по волѣ Божіей, чувствую крайнюю слабость здоровья. Посему я слезно прошу о помощи и покровительствѣ церкви Божіей, ибо если только противники, послѣ моей смерти, не будутъ видѣть покровительства, оказываемаго православнымъ со стороны Россіи, то они, безъ всякаго сомнѣнія, отберутъ у православныхъ Бѣлорусскую епархію и въ унію обратятъ ее, какъ они сдѣлали и съ другими православными епархіями, прежде отобранными на унію. Да и всѣ тѣ люди, которые прилежно помогали мнѣ въ охранѣ православія, нынѣ, видя близкій конецъ мой, находятся въ страхѣ, какъ бы они, лишившись покровительства русскаго государя, не были убиты“ [32]).

Въ заключеніе своего письма преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій убѣдительно просилъ графа Головкина о содѣйствіи назначенію въ Могилевъ русскаго коммиссара для охраны православія особенно послѣ того, какъ онъ умретъ, и уніаты начнутъ всемѣрно стараться о насильственномъ отобраніи Бѣлорусской епархіи на унію.

Когда всѣ эти слезныя мольбы преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго дошли до слуха русскаго правительства, то самаго доблестнаго страдальца за православную вѣру и русскую народность

не было уже въ живыхъ. Въ ночь на 14 февраля 1728 г. онъ, какъ сказано, мирно скончался. „Во время своего преставленія“ онъ, по словамъ его архидіакона Каллиста Заленскаго въ письмѣ къ гр. Головкину, „всесмиреннѣйше возсылалъ благодареніе всемогущему Богу и всѣмъ покровителямъ православной вѣры, радуясь, что могъ въ жизни своей совершить одинъ подвигъ, сохранивъ вѣру, и преставиться въ святомъ благочестіи“ [33]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Смуты въ Бѣлоруссіи, наступившія послѣ смерти Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, и избраніе Бѣлорусскимъ епископомъ Арсенія Берла.

Преосв. Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій былъ правъ, ожидая, что съ его смертью усилятся стремленія католиковъ и уніатовъ завладѣть Бѣлорусскою православною епархіею, которая оставалась тогда единственною во всей западной Руси. Интригамъ и происканъ противниковъ православія и русской народности пришли на помощь, сами того не сознавая, православные жители Бѣлорусской епархіи, среди которыхъ начались обычные раздоры и смуты.

Прежде всего, произошло раздѣленіе между духовенствомъ Бѣлорусской епархіи и магистратомъ Могилева. Духовенство тотчасъ же послѣ смерти Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго избрало намѣстникомъ Бѣлорусской православной епархіи игумена Минскаго Петропавловскаго монастыря Гедеона Шишку, а управленіе дѣлами поручило архидіакону почившаго архипастыря Каллисту Заленскому въ званіи администратора. Гедеонъ Шишка и Каллистъ Заленскій отправили въ св. синодъ свои доношенія о совершившихся въ Могилевѣ событіяхъ, при чемъ оба они просили св. синодъ поручить завѣдываніе Бѣло-

русскою епархіею въ духовныхъ дѣлахъ (наприм., посвященіи ставленниковъ, антиминсовъ и т. д.) Смоленскому епископу, а не Кіевскому митрополиту. О выборѣ же новаго епископа въ Бѣлоруссію ни тотъ, ни другой изъ нихъ не упоминалъ. Есть основаніе думать, что они надѣялись провести на Бѣлорусскій архіерейскій престолъ кого либо изъ своей среды.

Между тѣмъ Могилевскій магистратъ былъ крайне недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Магистратъ обратился съ жалобою къ своему законному высшему духовному начальству въ лицѣ Кіевскаго митрополита и св. синода. Жалуясь на свое духовенство за допущенный имъ произволъ въ дѣлѣ избранія намѣстника и администратора, который (произволъ), видимо, состоялъ въ томъ, что къ участію въ выборахъ не были допущены міряне, Могилевскіе граждане просили высшее начальство о томъ, чтобы имъ, при покровительствѣ русскаго правительства, была дозволена „для избранія себѣ епископа, по прежнимъ обыкновеніямъ, элекція (выборы) вольными голосами духовныхъ и мірскихъ людей".

Тогда въ маѣ 1728 года наше правительство отправило въ Могилевъ смоленскаго шляхтича полковника Якова Швайковскаго. Этому послѣднему велѣно было узнать отъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, кого они желали бы имѣть своимъ епископомъ. Это необходимо было знать нашему правительству для того, чтобы имѣть возможность оказать содѣйствіе православнымъ жителямъ Бѣлорусской епархіи во время будущей элекціи епископа и при исходатайствованіи королевскаго привилея избранному. Въ частности, чрезъ Швайковскаго было передано желаніе нашего правительства, чтобы архидіаконъ Бѣлорусскаго епископа Каллистъ Заленскій лично явился въ Москву для разъясненія

того, въ какомъ положеніи находились дѣла православной церкви въ Польшѣ.

О всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ своихъ по дѣлу замѣщенія архіерейской каѳедры въ Могилевѣ наше правительство 10 іюня 1728 года сообщило русскому послу въ Варшавѣ М. П. Бестужеву-Рюмину. Этому послѣднему повелѣно было внимательно слѣдить за ходомъ событій въ Могилевѣ и стараться не допустить, чтобы на мѣсто умершаго Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго былъ произведенъ въ архіереи кто либо безъ предварительнаго выбора духовными и мірскими православными людьми Бѣлорусской епархіи. Особенно же онъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы на Бѣлорусскую архіерейскую каѳедру не былъ допущенъ кто-либо изъ уніатовъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ и вся Бѣлорусская православная епархія неминуемо должна была бы погибнуть для православія.

Нашъ посолъ въ Варшавѣ М. П. Бестужевъ Рюминъ 4 іюля 1728 года доносилъ своему правительству о положеніи дѣлъ въ Могилевѣ, между прочимъ, слѣдующее. Между православными жителями Бѣлоруссіи были большія несогласія по вопросу о кандидатѣ на епископство. Между прочимъ, Слуцкій архимандритъ Ѳеодосій Волковичъ сильно старался о томъ, чтобы ему сдѣлаться архіереемъ. По слухамъ, Волковичъ былъ человѣкъ, какъ выражался Бестужевъ Рюминъ, „зѣло недѣльной“. Онъ имѣлъ партію своихъ приверженцевъ. Но противники его желали себѣ другого архіерея, и потому между православными происходило большое несогласіе.

Въ августѣ 1728 г. прибылъ въ Москву Швайковскій и вмѣстѣ съ нимъ архидіаконъ Каллистъ Заленскій.

Швайковскій представилъ нашему правительству, между прочимъ, врученные ему Могилевскимъ магистратомъ пункты. Члены магистрата писали въ этихъ пунктахъ, что они не находятъ у себя среди своихъ единовѣрцевъ—шляхтичей (дворянъ) достойнаго кандидата для избраніи его въ намѣстники Могилевской епархіи и потомъ въ епископы. Поэтому, Могилевскій магистратъ просилъ русское правительство прислать къ нимъ изъ Кіева или изъ С.-Петербурга достойнаго человѣка, котораго они и могли бы избрать себѣ въ епископы „вольными голосами“. Въ такомъ же смыслѣ передалъ нашему правительству Швайковскій желаніе Могилевцевъ и на словахъ [34]).

Съ своей стороны, архидіаконъ Каллистъ Заленскій представилъ нашему правительству свои донесенія, въ которыхъ самими мрачными красками изображалъ состояніе Бѣлорусской православной епархіи, въ какомъ она оказалась послѣ смерти преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго. Между прочимъ, онъ указывалъ на несправедливыя и чрезмѣрно обидныя притѣсненія православныхъ поляками-католиками, отнятіе церковныхъ имуществъ у Бѣлорусской православной архіерейской каѳедры, на враждебныя взаимныя отношенія самихъ православныхъ другъ къ другу, на нежелательныя вмѣшательства православнаго Кіевскаго митрополита въ дѣла Бѣлорусской епископіи и т. п. [35]).

Въ частности, по вопросу объ избраніи новаго Бѣлорусскаго православнаго епископа архидіаконъ Каллистъ Заленскій отъ имени всего духовенства Бѣлорусской епархіи просилъ русское правительство принять мѣры къ возможно скорѣйшему назначенію епископа въ Бѣлоруссію, такъ какъ угрожала опасность насильственнаго захвата этой епархіи противни-

ками православія. Впредь до опредѣленія въ Бѣлоруссію православнаго епископа и утвержденія его польскимъ правительствомъ архидіаконъ Каллистъ Заленскій, по порученію духовенства Бѣлорусской епархіи, просилъ наше правительство о принятіи мѣръ къ порученію духовныхъ дѣлъ Бѣлорусской епархіи Смоленскому епископу, съ тѣмъ, чтобы Кіевскій митрополитъ не вмѣшивался во внутреннія дѣла Бѣлорусской епархіи.

Такимъ образомъ, и духовенство и мірская паства Бѣлорусской православной епархіи согласно просили русское правительство о скорѣйшемъ замѣщеніи Бѣлорусской архіерейской каѳедры достойнымъ и способнымъ лицемъ, по избранію русскаго св. синода. Наше правительство не сразу рѣшилось исполнить такую необычную просьбу Бѣлорусскихъ православныхъ жителей. Ему, видимо, хорошо былъ извѣстенъ порядокъ поставленія высшихъ духовныхъ должностныхъ лицъ въ Польшѣ, которыя должны были избираться предварительно лицами, имѣвшими на то право, и удовлетворять по своему происхожденію и личнымъ качествамъ особеннымъ требованіямъ, точно обозначеннымъ въ польскомъ государственномъ правѣ. Въ виду этого русское правительство потребовало отъ архидіакона Каллиста Заленскаго дополнительныхъ разъясненій по вопросу о способахъ назначенія въ Бѣлоруссію православнаго архіерея изъ Россіи.

Архидіаконъ Каллистъ Заленскій отвѣчалъ на запросъ русскаго правительва слѣдующими справками и соображеніями. На основаніи сеймовыхъ конституцій и разныхъ трактатовъ, въ Польшѣ долженъ быть православный епископъ, неуніатъ, причемъ точно не было указано того, долженъ ли онъ былъ быть шляхетскаго (дворянскаго), или нешляхетскаго про-

исхожденія, изъ польскихъ или же иностранныхъ обывателей. Подобныхъ требованій къ православнымъ епископамъ въ Польшѣ прежде никогда не предъявлялось, только всегда требовалось, чтобы всякій православный епископъ имѣлъ королевскій привилей (утвердительную грамоту). Въ доказательство этихъ своихъ словъ архидіаконъ Каллистъ Заленскій ссылался на слѣдующіе историческіе примѣры.

Еще когда Кіевъ былъ подъ польскимъ владычествомъ, поляки не предъявляли никакихъ особенныхъ условій и требованій относительно митрополитовъ православныхъ, причемъ многіе митрополиты тогда присылались изъ Греціи, равно какъ и позже Кіевскимъ митрополитомъ былъ Петръ Могила, происходившій изъ Молдо-Валахіи, а не изъ Польши. Въ тоже время патріархъ константинопольскій иногда свободно ѣздилъ по многимъ городамъ и селамъ польско-литовскаго государства, освящая храмы, поставляя пресвитеровъ и давая свои благословительныя грамоты. Поляки не возражали противъ всѣхъ такихъ дѣйствій Константинопольскаго патріарха, не смотря даже на то, что этотъ послѣдній имѣлъ у себя одинъ только королевскій паспортъ, но не имѣлъ королевскаго паспорта и дѣйствовалъ безъ согласія сейма, между тѣмъ какъ нынѣшніе православные епископы въ Польшѣ должны существовать на основаніи сеймовыхъ постановленій.

Подобнымъ образомъ многіе греческіе и валашскіе православные епископы безпрепятственно пріѣзжали въ Польшу, посѣщали разные города и мѣстечки, совершали божественную службу и поставляли пресвитеровъ.

Очень многіе игумены православныхъ монастырей въ Польшѣ присылались изъ Кіева и избирались

изъ среды лицъ „россійскаго“ происхожденія. Таковы, напр., были въ данное время Слуцкій архимандритъ и Виленскій игуменъ, которые управляли своими монастырями совершенно спокойно безъ согласія (разумѣется, предварительнаго) короля [36]).

Въ дальнѣйшемъ содержаніи своего доклада архидіаконъ Каллистъ Заленскій указывалъ на то, что во 1) въ годы междуархіерейства въ Бѣлорусской епархіи пресвитеры ея посылались для посвященія въ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и прочія епархіи, противъ чего поляки никогда не возражали; во 2) тоговременный уніатскій митрополитъ Левъ Кишка происходилъ изъ Малороссіи, отецъ его былъ инокомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, что однакоже не воспрепятствовало Кишкѣ сдѣлаться митрополитомъ въ Польшѣ, и, наконецъ, въ 3-хъ) православные иноки изъ Бѣлорусской епархіи и изъ разныхъ литовскихъ монастырей отправлялись по временамъ въ Великороссію, равно какъ и изъ Россіи многіе монахи пріѣзжали въ Бѣлоруссію и Литву, оставаясь здѣсь игуменами православныхъ монастырей; напр., въ Буйницкомъ монастырѣ игуменомъ былъ Дуровъ, по происхожденію русскій.

Вслѣдствіе именно такого порядка въ дѣлѣ замѣщенія православныхъ епархій и игуменскихъ должностей въ Польшѣ, поляки, вопреки, прямому требованію сеймовой конституціи 1659 года, не допускали нашихъ православныхъ епископовъ на засѣданія въ сенатѣ, ссылаясь именно на тѣ случаи, когда православные епископы присылались въ Польшу изъ разныхъ заграничныхъ странъ, при чемъ они, засѣдая въ сенатѣ, могли бы узнавать государственныя тайны и сообщать ихъ на свою родину; но занимать архіерейскія каѳедры и игуменскія должности въ

Польшѣ заграничнымъ духовнымъ православнымъ лицамъ не было запрещено.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, архидіаконъ Каллистъ Заленскій приходилъ къ тому заключенію, что преемникомъ преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго въ Бѣлоруссію могъ быть опредѣленъ кто либо изъ русскихъ духовныхъ лицъ. Такое опредѣленіе духовнаго лица изъ Россіи въ Бѣлорусскую епархію отнюдь не было бы насиліемъ, потому что это сдѣлалось бы съ согласія Бѣлорусскаго православнаго духовенства и мірянъ, на основаніи давняго обычая.

По обсужденіи донесеній Швайковскаго и доклада архидіакона Каллиста Заленскаго, русское правительство включило въ инструкцію, данную отправлявшемуся въ октябрѣ 1729 г. князю Сергію Долгорукову на Гродненскій сеймъ, особую статью о томъ, чтобы онъ напомнилъ польскому королю прежнее ходатайство нашего правительства о неназначеніи кого-либо на Бѣлорусскую православную епископію безъ предварительнаго выбора православныхъ людей той епархіи.

Между тѣмъ нашъ Верховный Тайный Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 31 декабря 1728 г. кандидатомъ на Бѣлорусскую архіерейскую каѳедру избралъ архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря Арсенія Берла, при чемъ тогда же рѣшилъ отправить въ Могилевъ вышеупомянутаго полковника Швайковскаго. Этотъ послѣдній, въ сопровожденіи одного монаха Бѣлорусскаго, пріѣхавшаго въ Россію съ архидіакономъ Каллистомъ Заленскимъ, долженъ былъ объявить Могилевскому магистрату и всему православному духовенству Бѣлорусской епархіи о состоявшемся въ Петербургѣ избраніи кандидата на Бѣлорусскую архіерейскую каѳедру.

А нѣсколько раньше, именно 16 декабря 1728 г. наше правительство въ особомъ рескриптѣ на имя своего посла въ Польшѣ князя Сергія Долгорукова обстоятельно познакомило этого послѣдняго съ положеніемъ вопроса объ избраніи кандидата на Бѣлорусскую архіерейскую каѳедру. Правительство наше извѣщало кн. С. Долгорукова, что православные жители Бѣлоруссіи сами просили о присылкѣ къ нимъ епископа изъ числа русскихъ духовныхъ лицъ и напередъ дали отъ себя полное согласіе на принятіе того, кто будетъ избранъ въ Россіи и присланъ къ нимъ. Поэтому, наше правительство поручило кн. Долгорукову обстоятельно переговорить объ этомъ дѣлѣ съ примасомъ, другими сенаторами и всѣми вообще лицами, которыхъ будетъ касаться это дѣло, и осторожно развѣдать, не встрѣтится ли какихъ либо препятствій со стороны польскаго короля и Рѣчи Посполитой къ тому, чтобы кандидатъ на Бѣлорусскую православную архіерейскую каѳедру былъ избранъ изъ духовныхъ лицъ, жившихъ въ Россіи, а не въ Польшѣ.

Отвѣтъ на послѣдній вопросъ кн. С. Долгоруковъ прислалъ уже послѣ того, какъ Арсеній Берло былъ избранъ въ Бѣлорусскіе архіереи. Не зная еще объ этомъ избраніи, князь Долгоруковъ писалъ, что онъ не признаетъ удобнымъ преждевременно говорить съ польскими министрами по дѣлу назначенія епископа въ Бѣлоруссію, такъ какъ они могутъ сдѣлать тогда одни только лишнія затрудненія.

По мнѣнію нашего посла, нужно было сначала избрать извѣстное лицо на Бѣлорусскую архіерейскую каѳедру, и тогда бы онъ могъ прямо просить короля объ утвержденіи избраннаго, что король и долженъ былъ бы сдѣлать. Для бо̀льшаго успѣха задуманнаго дѣла

необходимо было, по мнѣнію князя Долгорукова, чтобы нашъ св. синодъ прислалъ отъ себя благословеніе православнымъ жителямъ Бѣлоруссіи на избраніе ими себѣ епископа, причемъ весьма желательно было бы, чтобы и самое лицо, предположенное въ Россіи къ назначенію на Бѣлорусскую каѳедру, присутствовало при этихъ выборахъ лично.

Кромѣ того, князь Долгоруковъ прислалъ и прошеніе Могилевскихъ православныхъ мѣщанъ, которые ходатайствовали предъ русскимъ правительствомъ о разрѣшеніи имъ избрать себѣ „вольною элекціею" въ епископы того, кто будетъ имъ указанъ изъ Россіи.

Наше правительство, дѣйствительно, воспользовалось совѣтомъ князя Долгорукова. Видимо, по порученію св. синода, Новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, принимавшій горячее участіе въ проведеніи на Бѣлорусскую архіерейскую каѳедру именно Арсенія Берла [37]), писалъ короткое посланіе Могилевскому православному братству. Утѣшая это послѣднее въ постигшихъ его гоненіяхъ и бѣдствіяхъ, обѣщая православнымъ Бѣлоруссамъ царскую милость и покровительство, Ѳеофанъ Прокоповичъ извѣщалъ Могилевскихъ братчиковъ, что архипастырь для нихъ былъ уже найденъ—мужъ, извѣстный ученостію и доброю жизнію. Ѳеофанъ Прокоповичъ просилъ Могилевцевъ, чтобы они прислали свое согласіе на избраніе этого лица, скрѣпленное собственноручными подписями, причемъ замѣчалъ, что русскій государь уже приказалъ своему послу въ Польшѣ заботиться о полученіи королевской привиллегіи будущему Бѣлорусскому архипастырю и вообще о всѣхъ интересахъ и нуждахъ Бѣлорусской епархіи [38]).

Могилевцы послушались совѣтовъ и указаній Ѳеофана Прокоповича и вообще русскаго правительства.

12 марта 1729 г., въ присутствіи представителя рус скаго правительства въ лицѣ полковника Швайковскаго, въ Могилевѣ совершилась свободная элекція православнаго Бѣлорусскаго епископа. Въ избраніи его принимали участіе духовныя лица (всего было 35 человѣкъ) и міряне (всего 88 чел.). Выборъ ихъ палъ на кандидата, указаннаго имъ изъ Россіи, именно на Кіево-Межигорскаго архимандрита Арсенія Берла, который самъ не присутствовалъ при выборахъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, въ виду послѣдующихъ событій, совершившихся въ Бѣлоруссіи [39]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отказъ польскаго правительства утвердить Арсенія Берла въ званіи Бѣлорусскаго епископа, пребываніе его въ Могилевѣ и удаленіе изъ Польши, въ связи съ гоненіями на православныхъ въ Бѣлоруссіи.

Устроивъ выборы Бѣлорусскаго православнаго епископа, русское правительство начало хлопотать объ утвержденіи Арсенія Берла и о выдачѣ ему королевскаго привилея на Бѣлорусскую епархію. о чемъ просили наше правительство православные Бѣлоруссы. 29 мая 1729 г. нашему послу въ Польшѣ были отправлены подлинный избирательный листъ на имя Арсенія Берла, прошеніе намѣстника Бѣлорусской епархіи Гедеона Шишки на имя польскаго короля объ утвержденіи Арсенія Берла и выдачѣ ему королевскаго привилея и грамота нашего государя императора Петра II на имя польскаго короля о томъ же самомъ. Одновременно съ этимъ князю Долгорукову было приказано, чтобы онъ поручилъ Варшавскому капеллану іеромонаху Сильвестру Каховскому подать прошеніе православныхъ Бѣлоруссовъ объ утвержденіи Арсенія Берла королемъ установленнымъ порядкомъ и узнать чрезъ него, будетъ ли имѣть силу и значеніе императорская грамота въ пользу Арсенія Берла. Въ случаѣ утвердительнаго

отвѣта, князь Долгоруковъ, выждавъ удобный моментъ, долженъ былъ представить означенную грамоту королю и вмѣстѣ съ тѣмъ просить извѣстныхъ ему польскихъ сенаторовъ и министровъ содѣйствовать успѣху дѣла о полученіи королевскаго привилея для Арсенія Берла на Бѣлорусскую епархію. Князь Долгоруковъ долженъ былъ разъяснить при этомъ польскому правительству, что вновь избранный на Бѣлорусскую епархій Арсеній Берло принадлежитъ, по своему происхожденію, къ шляхетской (дворянской) фамиліи и хотя онъ самъ родился въ Малоросіи, но предки его родились и жили въ Польшѣ, равно какъ и въ данное время фамилія Берловъ существовала въ Польшѣ, на Волыни. Въ томъ случаѣ, еслибы при польскомъ дворѣ встрѣтилось какое—либо препятствіе для выдачи королевскаго привилея Арсенію Берлу на Бѣлорусскую епархію, напр., то, что онъ былъ не польскій уроженецъ, князю Долгорукову повелѣвалось дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, принимая во вниманіе мѣстныя обстоятельства, и даже употреблять небольшіе расходы на веденіе этого дѣла.

Наше правительство не напрасно опасалось затрудненій при полученіи королевскаго привилея для новаго Бѣлорусскаго епископа. Дѣло это затянулось надолго и затѣмъ окончилось отказомъ польскаго правительства признать Арсенія Берла Бѣлорускимъ епископомъ. Вотъ какъ это произошло.

Не получая долго отвѣта изъ Польши на свои представленія о Бѣлорусскомъ епископѣ, правительство наше напомнило свои распоряженія по этому дѣлу князю С. Долгорукову (25 сентября 1729 г.) и послу Бестужеву (отъ 20 ноября 1729 г.). 13 сентября 1729 г. оба они въ общемъ своемъ донесеніи сообщали нашему правительству, что царская гра-

мота о выдачѣ королевскаго привилея Арсенію Берлу на Бѣлорусскую епархію была представлена княземъ С. Долгорукимъ королю при отъѣздѣ изъ Гродна, причемъ іеромонахъ Сильвестръ Каховскій съ своей стороны своевременно подалъ Литовскому канцлеру князю Чарторыйскому прошеніе православныхъ жителей Бѣлоруссіи—духовныхъ и свѣтскихъ, но до того времени (т. е. 13 сентября 1729 года) не было получено никакого отвѣта.

Въ другомъ своемъ донесеніи русскій посолъ въ Варшавѣ М. П. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ 18 декабря 1729 года, что отвѣта на прошеніе православныхъ Бѣлоруссовъ и на грамоту нашего государя до тѣхъ поръ не было получено потому, что король тотчасъ же послѣ окончанія Гродненскаго сейма уѣхалъ въ Саксонію, а вслѣдъ за нимъ и всѣ польскіе министры разъѣхались по своимъ имѣніямъ.

15 января 1730 года Бестужевъ-Рюминъ снова доносилъ своему правительству о своемъ разговорѣ, бывшемъ у него съ вице-канцлеромъ Литовскимъ княземъ Чарторыйскимъ по поводу утвержденія Арсенія Берла. Въ отвѣтъ на указаніе нашего посла, что уже давно, еще при окончаніи Гродненскаго сейма, имъ была представлена царская грамота королю, а Варшавскимъ капелланомъ тогда же была подана Литовскому канцлеру просьба всего православнаго населенія объ утвержденіи Арсенія Берла на Бѣлорусской каѳедрѣ и доселѣ не получено никакого рѣшенія, причемъ Бестужевъ-Рюминъ просилъ хоть теперь скорѣе выдать королевскую грамоту Бѣлорусскому епископу, такъ какъ безъ архипастыря православные Бѣлоруссы терпѣли весьма многія и тяжкія обиды, польскій министръ объяснялъ, что король во время отсутствія изъ Польши не можетъ выдавать

никакихъ грамотъ, почему православные Бѣлоруссы должны запастись терпѣніемъ и подождать, пока его величество возвратится въ Варшаву.

Но православнымъ Бѣлоруссамъ было весьма трудно обходиться безъ своего епископа. Поэтому, и духовенство и все вообще православное населеніе Бѣлоруссіи начали усиленно просить русское правительство о томъ, чтобы избранный имъ архимандритъ Арсеній Берло былъ посвященъ въ санъ епископа и присланъ къ нимъ въ Бѣлоруссію. Ихъ просьбы были исполнены. Арсеній Берло былъ хиротонисанъ въ Кіевѣ (30 января 1730 г.) и сталъ собираться къ отъѣзду на свою епархію, причемъ до полученія королевскаго привилея ему велѣно было именоваться не епископомъ, а только „администраторомъ“ (управителемъ) Бѣлорусской епархіи. О всемъ этомъ русское правительство дало знать 19 марта 1730 года своему послу въ Варшавѣ Бестужеву Рюмину, которому снова было приказано стараться объ исходатайствованіи для Арсенія Берла королевскаго привилея.

Правительство наше рѣшилось сдѣлать необычайный и рискованный шагъ, предположивъ отправить посвященнаго въ санъ епископа въ Кіевѣ Арсенія Берла въ заграничную православную епархію до полученія королевской грамоты о томъ. Рискованность шага заключалась въ томъ, что польское правительство могло и совсѣмъ не утвердить Арсенія Берла въ званіи Бѣлорусскаго епископа. Есть основаніе думать, что наше правительство имѣло это въ виду. По крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ отпустить Арсенія Берла въ Бѣлоруссію, оно потребовало отъ Бѣлорусскаго архидіакона Каллиста Заленскаго, который былъ задержанъ въ Россіи, отзывъ о томъ, можно ли было Арсенію Берлу ѣхать въ Бѣлоруссію

до полученія королевскаго привилея и управлять тамъ православною епархіею?

Архидіаконъ Каллистъ Заленскій далъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Во 1-хъ, Арсеній Берло еще съ 24 января 1729 года, по распоряженію намѣстника Бѣлорусской православной епархіи Гедеона Шишки и другихъ духовныхъ властей поминался во всѣхъ православныхъ монастыряхъ и церквахъ Бѣлоруссіи, какъ нареченный епископъ, о чемъ знаютъ всѣ не только православные, но и католики, и противъ чего никто не возражалъ. Слѣдовательно, Арсеній Берло уже былъ какъ бы признанъ „номинатомъ“ (нареченнымъ епископомъ) Бѣлорусской епархіи. А между тѣмъ извѣстно, что прежніе Бѣлорусскіе православные епископы управляли по нѣскольку лѣтъ епархіею или въ званіи номинатовъ, или хотя и въ санѣ епископа, но безъ утвержденія ихъ королевскимъ привилеемъ. Такъ, напр., Ѳеодосій Василевичъ номинатомъ оставался въ теченіи 5 лѣтъ и только уже послѣ того получилъ отъ короля Михаила Вишневецкаго утвердительную грамоту; преемникъ его Климентъ Тризна былъ номинатомъ цѣлыхъ 10 лѣтъ, во время правленія Яна III Собѣсскаго, и такъ и скончался, не получивъ привилея королевскаго; Серапіонъ Полховскій 7 лѣтъ былъ номинатомъ и только тогда получилъ грамоту отъ короля Августа II; наконецъ, незадолго предъ тѣмъ скончавшійся, уже извѣстный намъ, Бѣлорусскій архипастырь Сильвестръ Святополкъ Четвертинскій, хотя и былъ сразу послѣ избранія посвященъ въ санъ епископа, но въ теченіи 7 лѣтъ не имѣлъ королевскаго привилея, который получилъ отъ Августа II только послѣ усиленныхъ хлопотъ и ходатайства русскаго правительства. Въ 2-хъ,

такъ какъ нѣкоторые изъ прежнихъ Бѣлорусскихъ архипастырей безопасно жили и правили своею епархіею въ санѣ епископскомъ, называясь только номинатами до полученія королевскаго привилея, то и Арсеній Берло, по мнѣнію Каллиста Заленскаго, долженъ былъ быть отправленъ въ Бѣлоруссію именно въ санѣ епископа, но только онъ долженъ былъ называться до своего утвержденія по имени одного изъ русскихъ городовъ. Отъ этого могла бы быть такая польза. Бѣлорусскаго номината, имѣющаго санъ епископа, не долженъ никто коснуться. Противники православія, быть можетъ, стали бы возражать противъ присутствія такого епископа въ Польшѣ и указывать на это нашему послу въ Варшавѣ. Однакоже смущаться этимъ не слѣдуетъ. Русскій посолъ можетъ совершенно спокойно отвѣчать всѣмъ такимъ противникамъ что прибывшій въ Бѣлоруссію епископъ свободно избранъ самими православными Бѣлоруссами и, по ихъ усиленному ходатайству, посвященъ въ Польшу, гдѣ онъ имѣетъ и свою каѳедру, а въ Бѣлоруссію онъ посланъ для управленія духовными дѣлами здѣшней православной епархіи, причемъ ему велѣно было называться до полученія королевскаго привилея не епископомъ, а только номинатомъ. Въ крайнемъ случаѣ Бѣлорусскаго номината противники православія могли бы привлечь къ реляційнымъ королевскимъ судамъ, потому что, въ силу сеймовыхъ конституцій, епископъ не можетъ быть судимъ никакимъ другимъ судомъ. Но этого суда нѣтъ нужды особенно бояться, потому что, по польскимъ обычаямъ, судъ можетъ затянуться десятокъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ Бѣлорусскій номинать можетъ получить королевскій привилей.

Въ 3-хъ, наконецъ, еслибы Бѣлорусскій номинатъ и совсѣмъ не получилъ королевскаго привилея,

то и, тогда не слѣдовало бы смущаться, такъ какъ въ Польшѣ существуютъ такіе католическіе бискупы, которые именуются по епархіямъ, находящимся въ другихъ странахъ (напр., антипатрейскимъ, іерополитанскимъ и др.), и управляютъ своими епархіями безъ королевскаго привилея; таковъ. напр., былъ Виленскій католическій бискупъ.

Такими доводами и соображеніями архидіаконъ Каллистъ Заленскій оправдывалъ намѣреніе нашего правительства послать Арсенія Берла въ Бѣлорусскую епархію до полученія королевской грамоты, утверждавшей его избраніе. Съ своей стороны, архидіаконъ Каллистъ Заленскій именемъ всего духовенства Бѣлорусской епархіи со слезами умолялъ наше правительсто поспѣшить съ отправленіемъ епископа Арсенія Берла въ Бѣлоруссію, такъ какъ иначе Бѣлорусская православная епархія, по его словамъ, могла совсѣмъ погибнуть, будучи захвачена противниками православія.

Доводы и соображенія Каллиста Заленскаго, видимо, произвели свое дѣйствіе на наше правительство, которое рѣшило до полученія королевской грамоты послать Арсенія Берла въ Бѣлоруссію. И объ этомъ нельзя не пожалѣть искренно, потому что какъ ни тягостно было положеніе Бѣлорусской епархіи, долго остававшейся безъ архипастыря, но все таки лучше было бы сначала добиться королевскаго утвержденія и потомъ уже посылать Арсенія Берла въ Бѣлоруссію. Непосредственно послѣдовавшія за отправленіемъ Арсенія Берла въ Бѣлоруссію событія прекрасно показали, что именно такъ необходимо было сдѣлать для блага самой православной Бѣлорусской епархіи. Также думалъ и нашъ посолъ въ Польшѣ М. П. Бестужевъ Рюминъ. 16 апрѣля и затѣмъ 21 мая

1730 года онъ просилъ наше правительство, чтобы оно, въ виду безуспѣшности всѣхъ его дѣйствій, отъ имени русской государыни отправило новую грамоту, съ ходатайствомъ о выдачѣ утвердительной королевской грамоты избранному на Бѣлорусскую епархію Арсенію Берлу. Просьба Бестужева Рюмина была исполнена, хотя, къ сожалѣнію, очень поздно, какъ увидимъ сейчасъ. 20 августа 1730 года къ Бестужеву Рюмину были отправлены двѣ царскія грамоты. Въ одной изъ нихъ императрица, послѣ напоминанія о томъ, что между Россіею и Польшею существуетъ спеціальный вѣчный договоръ объ охранѣ правъ русскихъ жителей Польши православной вѣры и что эти послѣдніе терпѣли сильныя и постоянныя обиды, гоненія и преслѣдованія единственно за свою вѣру и народность, просила короля обратить вниманіе на крайне тяжкое и невыносимое положеніе своихъ православныхъ подданныхъ, разсмотрѣть ихъ жалобы, исполнить ихъ законныя просьбы и главное—дать имъ необходимую свободу вѣроисповѣданія [40]). Въ другой своей грамотѣ императрица Анна Іоановна просила короля утвердить Арсенія Берла въ званіи Бѣлорусскаго епископа.

Къ сожалѣнію, все это сдѣлано было слишкомъ поздно. Арсеній Берло явился въ Могилевъ еще 10 марта 1730 г. Онъ съ радостію и торжественно былъ встрѣченъ православными, впрочемъ, далеко не всѣми. Но это только еще болѣе возстановило противъ него польское правительство и общество, особенно же католическое и уніатское духовенство. Прежде чѣмъ королю была вручена (22 сентября 1730 г.) М. П. Бестужевымъ Рюминымъ императорская грамота объ утвержденіи Арсенія Берла, король издалъ (29 іюня 1730 г.) свой рескриптъ на имя Могилевскихъ властей, магистрата и жителей, которымъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, за-

прещалъ жителямъ Бѣлоруссіи признавать Арсенія Берла въ качествѣ своего епископа. „Донесено намъ“, писалъ король, „что вы *какого то постороняго монаха*, епископомъ Могилевскимъ безъ вѣдома и привилея нашего называемаго и имѣющаго около себя постороннюю воинскую команду, не только свободно въ Могилевъ впустили, но и съ нѣкоторымъ торжествомъ приняли его, допустивъ его совершать такія дѣйствія, какія могутъ совершать только имѣющіе королевскій привилей епископы и владыки. Посему, на основаніи правъ законныхъ, повелѣваемъ вамъ не только отправить изъ Могилева упомянутаго монаха, находящагося у васъ безъ привилея и вѣдома нашего, но и не оказывать ему впредь никакого послушанія“.

Усилія православныхъ Могилевскихъ мѣщанъ добиться отмѣны приведеннаго сейчасъ королевскаго указа, поставлявшаго Арсенія Берла въ невозможныя условія существованія въ Бѣлоруссіи, оказались совершенно безрезультатными. Подканцлеръ Липскій, къ которому Могилевскіе мѣщане обращались съ своею просьбою и который, какъ оказывается, самъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ изданія королевскаго указа, по просьбѣ Полоцкаго уніатскаго митрополита Флоріана Гребницкаго, отвѣчалъ Могилевцамъ рѣшительнымъ отказомъ. А въ письмѣ на имя Флоріана Гребницкаго подканцлеръ Липскій, кромѣ того, говорилъ, что онъ будетъ домагаться, чтобы король издалъ строжайшій указъ о высылкѣ того „*нахала*“ (т. е. Арсенія Берла) изъ Могилева.

Тогда новому нашему полномочному послу Вейсбаху приказано было добиваться отъ самаго короля утвержденія Арсенія Берла въ званіи Бѣлорусскаго епископа. 26 ноября 1730 года генералъ Вейсбахъ былъ у короля и просилъ его о Бѣлорусскомъ

епископѣ. Король объявилъ нашему послу, что онъ прикажетъ отвѣтить на императорскую грамоту, которая съ того времени оставалась даже безъ всякаго отвѣта, и вообще будетъ стараться объ исполненіи всѣхъ желаній государыни.

Въ тоже самое время генералъ Вейсбахъ говорилъ о Бѣлорусскомъ епископѣ и съ вице-канцлеромъ княземъ Чарторійскимъ. Генералъ Вейсбахъ, согласно данной ему инструкціи, старался выяснить польскому министру, что Арсеній Берло явился въ Могилевъ не самовольно, но на основаніи предварительнаго избранія его духовными и свѣтскими православными жителями Бѣлорусской епархіи, причемъ вручилъ кн. Чарторійскому и самую избирательную грамоту. Князь Чарторійскій ограничился только выдачею письма на имя Могилевскаго эконома, въ которомъ приказывалъ этому послѣднему наблюдать за тѣмъ, чтобы Арсенію Берлу не дѣлалось никакихъ обидъ, такъ чтобы онъ могъ спокойно и безопасно оставаться съ своими людьми въ Могилевѣ до рѣшенія его дѣла.

Вскорѣ послѣ того въ Варшаву былъ назначенъ новый русскій посланникъ фонъ—Левенвольдъ. 26 декабря 1730 года ему, равно какъ и прежнему послу генералу Вейсбаху, который оставался еще въ теченіи извѣстнаго времени въ Польшѣ, велѣно было настаивать при королевскомъ дворѣ на немедленной выдачѣ королевской утвердительной грамоты Арсенію Берлу, напомнить польскому правительству, что русская государыня какъ въ требованіяхъ своей христіанской совѣсти, такъ и въ условіяхъ договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею имѣетъ вполнѣ основательныя побужденія для выступленія въ качествѣ защитницы и покровительницы своихъ единовѣрцевъ—русскихъ жителей Польши.

21 января 1731 года генералъ Вейсбахъ доносилъ своему правительству, что онъ лично просилъ короля о выдачѣ привилея Бѣлорусскому епископу Арсенію Берлу, причемъ король обѣщалъ сдѣлать это, если только Арсеній Берло лично явится къ нему въ Варшаву. Посолъ прибавлялъ къ этому, что Арсенію Берлу былъ уже посланъ и паспортъ на проѣздъ до Варшавы. Вейсбахъ обѣщалъ оказать свое личное содѣйствіе Арсенію Берлу въ томъ случаѣ, еслибы онъ засталъ его въ Варшавѣ, а въ противномъ случаѣ предполагалъ поручить его руководству графа Левенвольда.

Арсеній Берло поспѣшилъ въ Варшаву. Но его пріѣздъ въ столицу нисколько не содѣйствовалъ успѣху его дѣла. 10 февраля 1731 года графъ Левенвольдъ, какъ онъ впослѣствіи доносилъ своему правительству, былъ во дворцѣ и лично просилъ короля о выдачѣ грамоты Арсенію Берлу на Бѣлорусское епископство. Король отвѣчалъ, что онъ самъ лично ничего не имѣетъ противъ выдачи грамоты Бѣлорусскому епископу, но все таки это дѣло должно быть рѣшено на конференціи. Такой отвѣтъ, разумѣется, не могъ не поразить наше правительство своею неожиданностью и непослѣдовательностью. Коллегія иностранныхъ дѣлъ 11 марта 1731 года писала графу Левенвольду, что королевскаго отвѣта никакъ нельзя понять и уразумѣть. Дѣло о Бѣлорусскомъ епископѣ было совершенно согласно съ формальными договорами и никакъ нельзя было понять, зачѣмъ тутъ необходимы были еще новые переговоры. Поэтому, графу Левенвольду еще разъ повелѣвалось приложить всѣ свои знанія къ тому, чтобы Арсенію Берлу была дана королевская утвердительная грамота, въ силу которой онъ могъ

бы свободно и безопасно возвратиться въ Могилевъ и оставаться тамъ для управленія духовными дѣлами Бѣлорусской православной епархіи, находясь подъ защитою закона.

Но еще нѣсколько раньше, чѣмъ была отправлена такая инструкція графу Левенвольду, онъ прислалъ начальныя извѣстія о своихъ неудачахъ въ дѣлѣ Бѣлорусскаго епископа. На всѣ свои домогательства, на всѣ свои ходатайства—и словесныя и письменныя—графъ Левенвольдъ успѣлъ получить только тотъ отвѣтъ, что Литовскому подстолію графу Потоцкому, отправлявшемуся тогда въ Россію, поручено было вести особые переговоры съ русскимъ правительствомъ по дѣлу о Бѣлорусскомъ епископѣ. Такимъ образомъ, Арсеній Берло, не достигнувъ ничего, долженъ былъ возвратиться въ Могилевъ. Графъ Левенвольдъ просилъ польское правительство выдать Арсенію Берлу, по крайней мѣрѣ, т. н. салвусъ кондуктусъ, т. е. листъ, который бы давалъ ему право свободно проживать въ предѣлахъ польско—литовскаго государства и управлять Бѣлорусскою православною епархіею впредь до окончанія переговоровъ съ русскимъ правительствомъ о немъ и выдачи ему королевскаго привилея. Но правительство польское отказало нашему послу и въ этомъ. Оно обѣщало выдать Арсенію Берлу такой паспортъ, который бы давалъ ему право свободнаго проѣзда изъ Варшавы до Могилева и спокойнаго пребыванія тамъ, впрочемъ, съ условіемъ не вступаться въ управленіе дѣлами Бѣлорусской епархіи и вообще не дѣйствовать, какъ епископу. Но впослѣдствіи оказалось, что польское правительство не исполнило и этого своего обѣщанія, выдавъ ему паспортъ, въ которомъ требовалось, что бы Арсеній Берло не мѣшкая ѣхалъ изъ Могилева туда, откуда онъ прибылъ, т. е. въ Кіевъ.

Съ такимъ паспортомъ Арсеній Берло долженъ былъ возвращаться въ Могилевъ. Здѣсь его ожидали еще бо́льшія огорченія и оскорбленія. Дѣло въ томъ, что одновременно съ возвращеніемъ Арсенія Берла въ Могилевъ, здѣсь были получены два королевскихъ указа на имя Могилевскаго экономa: этому послѣднему повелѣвалось принять всѣ мѣры къ высылкѣ Арсенія Берла изъ Могилева. Экономъ, дѣйствительно, началъ было употреблять разныя принудительныя мѣры къ тому, чтобы заставить епископа уѣхать изъ Могилева. Арсеній Берло намѣренъ былъ уѣхать изъ Могилева и сталъ было дѣлать къ тому необходимыя приготовленія. Часть своихъ вещей онъ отправилъ было уже въ Горки. Но одинъ шляхтичъ по фамиліи Зенкевичъ напалъ на архіерейскій поѣздъ въ дорогѣ и разбоемъ заграбилъ имущество Арсенія Берла, которому впослѣдствіи съ большимъ трудомъ удалось возвратить, при содѣйствіи Литовскаго подстолія графа Потоцкаго, свои вещи, хотя далеко не всѣ. Арсеній Берло, по распоряженію своего правительства, долженъ былъ остаться въ Могилевѣ до окончанія переговоровъ нашего правительства съ отправлявшимся въ С. Петербургъ польскимъ дипломатомъ—графомъ Потоцкимъ [41]).

Лѣтомъ 1731 г. графъ Потоцкій прибылъ въ С. Петербургъ. Какъ видно изъ данной ему отъ польскаго сената инструкціи, ему поручено было между прочимъ, вести переговоры съ русскимъ правительствомъ во 1-хъ) о Бѣлорусской православной епархіи вообще, съ цѣлью добиться отъ нашего правительства согласія на то, чтобы Россія разъ навсегда отказалась отъ своего мнимаго, будтобы, права вступаться за эту епархію, на которую предъявляли свои права, основанныя на юридическихъ данныхъ,

уніаты, и въ 2-хъ) во частности, по дѣлу о Бѣлорусскомъ епископѣ—номинатѣ Арсеніи Берло.

Переговоры сосредоточились, прежде всего, на первомъ вопросѣ. Графъ Потоцкій представилъ пункты—доводы, какими уніатскій митрополитъ, Полоцкій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій доказывалъ, что въ Могилевѣ не должно быть православному епископу и что Могилевъ долженъ былъ принадлежать къ епархіи Полоцкаго уніатскаго архіепископа. Наше правительство, къ счастію, поняло серьезность поднятаго поляками, по иниціативѣ уніатовъ, вопросъ. Оно ясно увидѣло, что рѣчь шла ни больше, ни меньше, какъ о сохраненіи или же уничтоженіи единственной православной епархіи, оставшейся къ тому времени въ Польшѣ. Нашему правительству, безъ сомнѣнія, помогъ разобраться въ этомъ весьма сложномъ и запутанномъ для нашихъ министровъ, вообще, плохо знавшихъ исторію Польши и, въ частности, исторію православной церкви въ Польско-Литовскомъ государствѣ, Бѣлорусскій архидіаконъ Каллистъ Заленскій, который въ то время жилъ въ Россіи.

Должно правду сказать, что правительство наше въ лицѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ дало графу Потоцкому вполнѣ основательный отвѣтъ на предложеніе его о Бѣлорусской епархіи вообще. Наше правительство, прежде всего, сослалось на договоръ вѣчнаго мира между Россіею и Польшею. Русскіе министры, говорило оно, много разъ напоминало польскому королю и рѣчи Посполитой на сеймахъ, радахъ и конференціяхъ о необходимости соблюденія съ польской стороны договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею, заключеннаго въ 1686 г.

По девятому пункту этого договора, православная церковь въ Польшѣ съ 4 епископами—Галицко-

Львовскимъ, Перемышльскимъ, Луцкимъ и Бѣлорусскимъ и со всѣми при нихъ монастырями и церквами должны были соблюдаться въ ненарушимомъ покоѣ, а епископы, кромѣ того, должны были безпрепятственно получать посвященіе отъ Кіевскаго православнаго митрополита. А между тѣмъ три православныя епархіи со многими монастырями и церквами въ теченіи времени, прошедшаго отъ заключенія договора о вѣчномъ мирѣ, путемъ жестокаго и насильственнаго гоненія со стороны католическихъ ксендзовъ и уніатовъ уже превращены на унію и потеряны для православія. Осталась одна только Бѣлорусская православная епархія, которая страшно опустошается и разоряется теперь католическимъ духовенствомъ и уніатскимъ. По происками этихъ послѣднихъ, польское правительство и не желаетъ, вопреки всѣмъ прежнимъ конституціямъ, договорамъ и декларяціямъ, выдать утвердительную грамоту вновь избранному, по древнимъ обыкновеніямъ, епископу Арсенію Берлу. Всѣ претензіи полоцкаго уніатскаго архіепископа имѣть подъ своею властію Бѣлорусскую епархію съ ея епископомъ неосновательны. Самъ Полоцкій уніатскій архіепископъ, упомянувъ о томъ, что въ Бѣлорусской епархіи имѣются неуніатскія православныя церкви, прибавляетъ къ этому, что онъ не желаетъ насильственно принуждать и привлекать православныхъ къ принятію уніи: тѣмъ болѣе не имѣетъ онъ права распространить свою власть на православнаго Бѣлорусскаго епископа и принудительно дѣлаться пастыремъ неуніатскаго благочестиваго народа. Сверхъ того договоръ вѣчнаго мира 1686 г. не вновь учреждалъ въ Польшѣ православныя епархіи, но только утверждалъ ихъ существованіе, основанное на древнихъ правахъ, из-

данныхъ еще прежде соединенія Польши съ Литвою и подтвержденныхъ впослѣдствіи многими конституціями, правами и привилеями. На тѣхъ же основаніяхъ и нынѣшній король, т. е. Августъ II въ 1720 г. подтвердилъ свободное употребленіе православной вѣры въ своемъ государствѣ. Въ частности, Бѣлорусскою епархіею никогда не владѣли уніатскіе Полоцкіе архіепископы ни до, ни послѣ Іоасафата Кунцевича, а всегда управляли ею православные епископы, какъ о томъ ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ привиле польскихъ королей, изданныя въ 1579, 1592, 1643, 1646, 1650, 1661 1672, 1698, 1701, 1713, и 1720 г. г. Кромѣ того, конституціи 1607, 1609, 1618, 1620, 1623, 1627, 1631 и 1659 г. г. охраняютъ свободное употребленіе православной вѣры во всемъ польскомъ государствѣ и, въ частности, подтверждаютъ спокойное существованіе православныхъ епископій—Галицко-Львовской, Перемышльской, Луцкой, Бѣлорусской и Холмской. Слѣдовательно, насильственное закрытіе православныхъ епархій—Галицко-Львовской, Перемышльской, Луцкой, Бѣлорусской и Холмской. есть явное наруше ніе правъ русскаго православнаго народа, основанныхъ не только на договорѣ 1686 г., но и на другихъ болѣе древнихъ законахъ польско—литовскаго государства. На этихъ законахъ и правахъ основывается существованіе единственной оставшейся доселѣ, православной епархіи въ Польшѣ-Бѣлорусской. Уважая эти права, всѣ предшественники Флоріана Гребницкаго, Полоцкіе уніатскіе архіепископы—Антоній Селява, Кипріанъ Жоховскій, Маркіанъ Бялозоръ и Сильвестръ Пѣшкѣвичъ [42]) не заявляли никакихъ претензій на управленіе монастырями, церквами и священниками Бѣлорусской православной епархіи и

не дѣлали никакихъ препятствій въ этомъ управленіи православнымъ Бѣлорусскимъ епископамъ—Сильвестру Коссову, Іосифу Кононовичъ Горбацкому, Іосифу Нелюбовичъ Тукальскому, Ѳеодосію Василевичу, Клименту Тризнѣ, Серапіону Полховскому и Сильвестру Святополкъ—Четвертинскому [43]), кромѣ того, что разными насильственными способами и хитрыми средствами превращали церкви и священниковъ православныхъ въ унію.

Еще въ 1627 г. Полоцкій уніатскій архіепископъ Антоній Селява привлекалъ Могилевскихъ мѣщанъ къ королевскому суду за ихъ нежеланіе повиноваться ему, какъ своему архипастырю. Судъ оправдалъ тогда Могилевскихъ мѣщанъ и королевскимъ декретомъ велѣно было, чтобы Могилевскіе православные жители навсегда были свободны отъ всякихъ претензій со стороны Полоцкихъ уніатскихъ архіепископовъ. Посему и нынѣшнему уніатскому архіепископу Полоцкому Флоріану Гребницкому должно быть запрещено вмѣшиваться въ дѣла Бѣлорусской православной епархіи и съ него долженъ быть взысканъ денежный штрафъ, установленный сеймовою конституціею 1607 г., а нынѣшнему администратору Бѣлорусской епархіи Арсенію Берлу долженъ быть выданъ королевскій привилей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Полоцкому уніатскому архіепископу Флоріану Гребницкому должно быть строго запрещено привлекать православныхъ жителей Бѣлорусской епархіи къ частнымъ судамъ по дѣламъ, касающимся вѣры. Полоцкій уніатскій владыка дѣлаетъ это потому, что въ такихъ судахъ православные не могли ожидать и находить для себя защиты и правды, а между тѣмъ, на основаніи польскихъ законовъ, дѣла о вѣрѣ

должны были обсуждаться и рѣшаться публично на сеймахъ.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ справокъ и соображеній, наше правительство въ заключеніи своего отвѣта на представленные гр. Потоцкимъ пункты о Бѣлорусской епархіи выражало желаніе, чтобы во 1-хъ) Бѣлорусская православная епархія была оставлена въ покоѣ католиками и уніатами и всѣ ея права и владѣнія, основанныя на государственныхъ конституціяхъ и другихъ законахъ, были возстановлены, и во 2-хъ) православнымъ были возвращены и другія епархіи (Галицко-Львовская, Перемышльская, Луцкая и Холмская), существованіе которыхъ основывалось на польскихъ законахъ и которыя были насильственно отобраны отъ православныхъ и превращены въ унію.

Такой отвѣтъ на представленіе гр. Потоцкаго о претензіяхъ уніатовъ на Бѣлорусскую православную епархію былъ врученъ ему 13 августа 1731 г., а впослѣдствіи (2 сентября 1731 г.) былъ сообщенъ и нашему послу въ Варшавѣ гр. Левенвольду. Отвѣтъ, основанный на неоспоримыхъ доказательствахъ, видимо, произвелъ свое дѣйствіе. Гр. Потоцкій, а вслѣдъ за нимъ и польское правительство перестали возражать противъ дальнѣйшаго существованія въ Польшѣ православной Бѣлорусской епархіи [44]).

Къ иному результату привели переговоры нашего правительства съ уполномоченнымъ польскаго правительства по дѣлу о номинатѣ Бѣлорусской епархіи Арсеніи Берло. Графъ Потоцкій объяснялъ русскому правительству, что ни король, ни Рѣчь Посполитая не имѣютъ ничего противъ того, чтобы былъ возстановленъ въ Бѣлоруссіи православный епископъ,

по прежнимъ примѣрамъ. Но они никакъ не могутъ допустить на Бѣлорусское епископство присланнаго въ Могилевъ изъ Россіи Арсенія Берла, такъ какъ онъ во 1-хъ) происходитъ, не изъ поляковъ, т. е. польскихъ уроженцевъ и во 2-хъ) не принадлежитъ къ польскимъ шляхтичамъ, что необходимо требуется по закону для того, чтобы имѣть право на занятіе епископской каѳедры. Поэтому, говорилъ гр. Потоцкій, Арсенія Берла никакъ нельзя оставить на Бѣлорусскомъ епископствѣ и король не можетъ выдать ему требуемой привиллегіи. Но если православные обитатели Бѣлорусской епархіи изберутъ для себя какого либо другого кандидата изъ лицъ греческой вѣры, удовлетворяющихъ вышеуказаннымъ требованіямъ права, то король и республика безъ всякаго затрудненія и замедленія выдадутъ ему необходимое подтвержденіе. Русское правительство не могло не признать справедливости, по крайней мѣрѣ, чисто формальной, доводовъ, высказанныхъ подстоліемъ гр. Потоцкимъ. Поэтому, императрица повелѣла объявить гр. Потоцкому, что она принимаетъ предложенное имъ средство удовлетворенія со стороны Польши русскому правительству и православнымъ русскимъ жителямъ Бѣлоруссіи, но съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы епископъ Арсеній Берло былъ оставленъ въ Бѣлоруссіи и, не тревожимый преслѣдованіями, исполнялъ всѣ духовныя свои обязанности до тѣхъ поръ, пока будетъ избранъ и утвержденъ королемъ новый православный епископъ для Бѣлоруссіи. Гр. Потоцкій, въ свою очередь, согласился съ такимъ предложеніемъ, но только настаивалъ на томъ, чтобы Арсенію Берлу велѣно было вести себя въ Могилевѣ тихо и, кромѣ исполненія духовныхъ обязанностей, не вмѣшиваться ни

въ какія политическія дѣла. На этомъ и согласились, причемъ тогда же послано было въ Бѣлоруссію извѣщеніе о состоявшемся рѣшеніи вопроса по дѣлу Арсенія Берла, съ предложеніемъ духовенству и мірянамъ Бѣлорусской православной епархіи немедленно приступить къ избранію новаго епископа, и Арсенію Берлу оставаться въ Бѣлоруссіи до назначенія ему преемника [45]).

Теперь пора и намъ обратиться къ этому послѣднему и посмотрѣть, какъ ему жилось въ Могилевѣ въ то время, когда шли извѣстные намъ переговоры о немъ между русскимъ и польскимъ правительствами. Къ счастію, мы имѣемъ полныя, точныя и правдивыя свѣдѣнія объ этомъ, содержащіяся въ письмахъ самаго Арсенія Берла къ новгородскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу, къ нашему канцлеру гр. Г. И. Головкину и др., не говоря уже о свидѣтельствахъ стороннихъ людей.

Злоключенія и бѣдствія Арсенія Берла начались съ первыхъ же дней его прибытія въ Могилевъ. Эти злоключенія были тѣмъ болѣе тяжелы для многострадальнаго архипастыря, что они направлялись противъ него не только со стороны чужихъ, т. е. враговъ православія и русской народности, но также и со стороны своихъ, т. е. самихъ православныхъ Бѣлорусской епархіи.

Вотъ что, напр., писалъ Арсеній Берло изъ Могилева 16 апрѣля 1730 г. графу Г. И. Головкину, канцлеру коллегіи иностранныхъ дѣлъ. „Посвященъ я въ епископа 30 января преосвященнымъ архіепископомъ Кіевскимъ и сослужащимъ его преосвященству епископомъ Черниговскимъ [46]), а по посвященіи, отправленъ я изъ Кіева 24 февраля и пріѣхалъ въ Могилевъ 10 марта, по милости Божіей, безъ всякаго

злоключенія во время пути. Господа Могилевцы, въ особенности же члены ставропигіальнаго братства приняли меня не очень любовно и радостно. Подъ вліяніемъ возбудительныхъ рѣчей бывшаго генеральнаго намѣстника Бѣлорусской епархіи игумена Минскаго петропавловскаго монастыря Гедеона Шишки, („который есть всему злу начальникъ, съ Каллистомъ, бывшимъ архидіакономъ"), они согласились между собою и рѣшили: если отецъ епископъ имѣетъ у себя королевскую грамоту, то мы можемъ встрѣтить и привѣтствовать его, если же не имѣетъ, то мы не должны ни встрѣчать, ни привѣтствовать его. Однакоже знатнѣйшіе Могилевскіе мѣщане встрѣтили меня подъ городомъ, хотя я и не требовалъ этого. Въ первую же ночь, слѣдовавшую за моимъ пріѣздомъ въ Могилевъ, я долженъ былъ перенести нестерпимое оскорбленіе и поруганіе. Самыя сильныя ругательства, неизвѣстно кѣмъ—православными, или же римско-католиками—написанныя противъ меня, были расклеены и разбросаны по городу—около архіерейскаго дома, церквей и колоколенъ, окого іезуитскаго и и другихъ костеловъ польскихъ, около городскихъ башень, по улицамъ и дворамъ знатнѣйшихъ Могилевскихъ жителей и на столбѣ, находящемся у ратуши и называемомъ пренгиръ, гдѣ производилась публичная казнь надъ преступниками. Сверхъ того, на бо́льшее еще мое поруганіе, два изображенія моихъ въ облаченіи архіерейскомъ были повѣшены на веревкахъ—одно на воротахъ архіерейскаго дома, а другое—на томъ же столбѣ—пренгиръ. Эти изображенія, выданныя мнѣ Могилевскою ратушею, съ ея свидѣтельствомъ, я посылаю въ подлинникѣ—одно въ св. синодъ, а другое въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Не ограничиваясь та-

кимъ безчестіемъ и ругательствами по моему адресу, враги мои, какъ я узналъ, похваляются убить меня, нечаянно напавши гдѣ нибудь, саблями засѣчь, или изъ ружья застрѣлить, или же отравою умертвить меня. И этого можно ожидать отъ нихъ, такъ какъ нѣчто подобное они сдѣлали и съ моимъ предмѣстникомъ, преосвященнымъ Сильвестромъ Святополкъ-Четвертинскимъ, когда на него, возвращавшагося съ хутора въ Могилевъ, напалъ шляхтичъ Петръ Свяцкій и хотѣлъ его зарубить на смерть саблею, что и случилось бы, еслибъ покойный архипастырь, прикрывъ рукою голову, не допустилъ злодѣю исполнить его намѣреніе; однакоже шляхтичъ Свяцкій тогда руку епископа поранилъ и жилы перерубилъ. Посему, находясь постоянно въ опасности, я, не смотря на краткость времени, проведеннаго мною здѣсь, уже лишился здоровья, и если больше поживу здѣсь, то, безъ сомнѣнія, придется совсѣмъ разстаться съ жизнью“.

Въ особой припискѣ къ своему письму Арсеній Берло прямо и откровенно выражалъ свой безнадежный взглядъ на дальнѣйшее свое пребываніе въ Могилевѣ. „Жить мнѣ“, пишетъ онъ, „не здѣшнему уроженцу, присланному изъ россійской имперіи, что случилось въ первый разъ, никакъ невозможно въ Могилевѣ. Отсюда происходятъ и будутъ происходить всѣ насилія и ругательства на меня. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока я если не отъ рукъ своихъ преслѣдователей, то отъ постоянной скорби преждевременно окончу свою жизнь. Къ тому же я рѣшительно незнакомъ съ здѣшнимъ краемъ и съ его лукавыми обхожденіями, и мнѣ трудно управлять церковными дѣлами здѣшней епархіи, почему я не предвижу рѣшительно никакой пользы отъ своего дальнѣйшаго пребыванія здѣсь“ [47]).

Кромѣ того, въ особомъ донесеніи на имя государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ Арсеній Берло писалъ, что нѣкоторые польскіе шляхтичи въ своихъ имѣніяхъ—въ городахъ и селахъ продолжаютъ насильственно превращать православныя церкви на унію и вообще стараются всякими способами искоренять православіе. Такъ, предъ самымъ его пріѣздомъ въ Могилевъ двѣ православныхъ церкви были превращены на унію, и у него нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ и способовъ къ защитѣ своихъ православныхъ пасомыхъ отъ подобныхъ преслѣдователей. Наканунѣ пріѣзда Арсенія Берла въ Могилевъ имѣлъ мѣсто еще такой случай. Могилевскіе іезуиты прельстили было двухъ православныхъ мальчиковъ, дѣтей знатныхъ Могилевскихъ мѣщанъ, учившихся въ ихъ школѣ, и совсѣмъ было желали присоединить ихъ къ католичеству. Арсенію Берлу едва удалось, при содѣйствіи игумена Братскаго ставропигіальнаго монастыря Сильвестра, спасти несчастныхъ дѣтей.

Замѣчательно, что къ числу своихъ противниковъ и преслѣдователей въ Могилевѣ, старавшихся возбуждать противъ него польское общество и уніатовъ и вообще всякими способами вредить ему, Арсеній Берло относилъ и нѣкоторыхъ изъ среды православныхъ, даже изъ числа духовныхъ православныхъ лицъ, особенно намѣстника Бѣлорусской епархіи игумена Гедеона Шишку и архидіакона Каллиста Заленскаго. Послѣдній, по словамъ Арсенія Берла, надѣлалъ, будтобы, много зла Бѣлорусской православной епархіи при бывшемъ архипастырѣ Сильвестрѣ Святополкъ Четвертинскомъ, а Гедеонъ Шишка наканунѣ прибытія Арсенія Берла въ Могилевъ успѣлъ, будто-бы, захватить нѣкоторые важные документы Бѣлорусской

каѳедры изъ запечатаннаго сундука, гдѣ хранились, между прочимъ, королевскія привиллегіи и др. важныя бумаги. Арсеній Берло въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на этихъ дѣятелей Бѣлорусской епархіи и даже просилъ совсѣмъ задержать Каллиста Заленскаго въ Россіи и не отпускать его отсюда въ Бѣлоруссію.

Съ своей стороны, графъ Г. И. Головкинъ въ письмѣ отъ 30 іюня 1730 г. къ Арсенію Берлу старался частію успокоить его, частію же разсѣять его, быть можетъ, преувеличенныя подозрѣнія относительно нѣкоторыхъ лицъ изъ среды Бѣлорусскаго православнаго духовенства и Могилевскаго православнаго общества. Такъ, напр., гр. Головкинъ не допускалъ мысли о враждебномъ отношеніи Могилевскихъ братчиковъ къ Арсенію Берлу и особенно объ участіи въ этомъ дѣлѣ Гедеона Шишки. Гедеонъ Шишка, по словамъ нашего канцлера, среди Бѣлорусскаго православнаго духовенства пользовался репутаціею честнаго человѣка и ревнителя православія. Поэтому, онъ изъ среды всѣхъ духовныхъ лицъ Бѣлоруссіи былъ избранъ, по смерти Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, намѣстникомъ Бѣлорусской епархіи. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ, оставивши свой монастырь, добросовѣстно исполнялъ должность намѣстника и во время избранія Арсенія Берла въ епископы Бѣлорусскіе велъ себя безупречно и явилъ себя человѣкомъ вполнѣ расположеннымъ къ Россіи. Затѣмъ, уже послѣ избранія Арсенія Берла, онъ много разъ писалъ въ С.-Петербургъ и убѣдительно просилъ о скорѣйшемъ прибытіи епископа въ Бѣлоруссію, причемъ правдиво изображалъ нужды и бѣдствія епархіи, оставшейся безъ архіерея, и на свое намѣстничество смотрѣлъ, какъ на испытаніе, посланное ему отъ Бога. На

этихъ основаніяхъ гр. Головкинъ, вопреки подозрѣнію Арсенія Берла, полагалъ, что Гедеонъ Шишка былъ совершенно непричастенъ къ дѣлу распространенія въ Могилевѣ различныхъ пасквилей по адресу православнаго епископа. Эти пасквили распространялись, по мнѣнію канцлера, противниками православія, при чемъ Арсенію Берлу совсѣмъ не слѣдовало бы протестовать противъ нихъ и требовать занесенія ихъ въ ратушныя книги, но нужно было просто уничтожить ихъ и забыть о нихъ, какъ будто бы ихъ и не было совсѣмъ. „Въ польскомъ вольномъ государствѣ", замѣчалъ по этому поводу канцлеръ гр. Головкинъ, „много бываетъ подобнаго и между самими поляками, которые иногда дѣлаютъ подобныя непріятности даже своимъ королямъ. Но такъ какъ подобныхъ злодѣйствъ ничѣмъ нельзя бываетъ доказать и разыскать, то и не слѣдуетъ обращать на нихъ вниманія". Поэтому, канцлеръ гр. Головкинъ совѣтовалъ Арсенію Берлу принять мѣры къ тому, чтобъ протестаціи его были возвращены ему и даже по возможности совсѣмъ выключены изъ ратушныхъ книгъ. Въ отношеніи къ своимъ противникамъ, т. е. врагамъ православія и русской народности канцлеръ совѣтовалъ Арсенію Берлу держать себя подобно своимъ предшественникамъ и до полученія королевской утвердительной грамоты, къ исходатайствованію которой приняты были уже всѣ необходимыя мѣры, дѣйствовать на основаніи избирательной грамоты и паспорта русскаго, удостовѣренныя копіи которыхъ были отправлены къ нему. Въ случаѣ же крайняго притѣсненія и насильственнаго обращенія православныхъ монастырей и храмовъ на унію, канцлеръ совѣтовалъ Арсенію Берлу обращаться съ просьбою о помощи къ русскому полномоч-

ному послу въ Варшавѣ Бестужеву Рюмину. Далѣе, канцлеръ старался разсѣять подозрѣнія Арсенія Берла относительно бывшаго архидіакона Каллиста Заленскаго. Послѣдній, по словамъ графа Головкина, велъ себя все время послѣ смерти Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго и при избраніи ему преемника вполнѣ безупречно. Онъ же давалъ разумные и добрые совѣты нашему правительству относительно дѣлъ въ Бѣлорусской епархіи. Напротивъ, гр. Головкинъ, очевидно, со словъ Каллиста Заленскаго, предупреждалъ Арсенія Берла относительно игумена Братскаго монастыря въ Могилевѣ Сильвестра, съ которымъ тотъ успѣлъ сблизиться. Свое письмо къ Арсенію Берлу гр. Головкинъ заканчивалъ совѣтомъ жить въ полномъ согласіи съ Гедеономъ Шишкою и со всѣми остальными духовными лицами Бѣлорусской епархіи и въ совѣтѣ съ нимъ управлять духовными дѣлами этой послѣдней...

Сейчасъ приведенное нами письмо гр. Головкинъ нисколько не успокоило Арсенія, который попрежнему ко всѣмъ Бѣлоруссамъ, не исключая и православныхъ, относился подозрительно и продолжалъ настаивать на отозваніи его изъ Бѣлоруссіи. Въ письмѣ отъ 14 іюля 1730 г. Арсеній Берло пытался, напр. убѣдить гр. Головкина въ томъ, что и „лжеправославніи“, какъ онъ выражается, знатнѣйшіе Могилевскіе мѣщане были въ заговорѣ съ католиками противъ него. Доказательство такихъ своихъ подозрѣній Арсеній Берло видѣлъ, прежде всего, въ томъ, что эти „лжеправославные“ Могилевцы поддерживали постоянное знакомство съ католическими своими согражданами, бывали другъ у друга съ визитами, устраивали банкеты и совѣщались противъ него. Окончательно убѣдился Арсеній Берло въ этихъ

своихъ подозрѣніяхъ тогда, когда знатнѣйшіе Могилевскіе православные мѣщане, принадлежавшіе къ мѣстному ставропигіальному братству собрались вмѣстѣ и, явившись къ архипастырю, объявили ему, что они въ духовныхъ дѣлахъ должны подчиняться константинопольскому патріарху (собственно слѣдовало бы сказать Кіевскому митрополиту), а не Бѣлорусскому епископу, причемъ ссылались на древнія королевскія привиллеи. Вмѣсто того, чтобы признать фактъ независимости отъ мѣстной епархіальной власти ставропигіальнаго братства, быть можетъ, и не желательный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Арсеній Берло, очевидно, незнакомый съ явленіемъ ставропигіи, увидѣлъ въ дѣйствіяхъ могилевскихъ православныхъ мѣщанъ измѣну православію, распролюбіе, гордость и противоканоническое неповиновеніе архіерейской власти". На этомъ основаніи, не видя рѣшительно никакой пользы отъ своего дальнѣйшаго пребыванія въ Бѣлоруссіи, Арсеній Берло убѣдительно просилъ гр. Головкина ходатайствовать предъ императрицею и св. синодомъ о скорѣйшемъ освобожденіи его отъ послушанія въ Бѣлоруссіи и опредѣленіи хотя бы даже въ печерскій монастырь, или въ другую какую либо русскую обитель [48]).

Но и эта просьба Арсенія Берла, какъ и первая, не была исполнена. Наше правительство не теряло надежды на то, что ему удастся путемъ дипломатическихъ переговоровъ получить отъ польскаго короля утвердительную грамоту для Бѣлорусскаго епископа. А между тѣмъ положеніе этого послѣдняго съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Въ Могилевѣ были получены уже извѣстные намъ королевскіе указы о томъ, чтобы Могилевскіе православные мѣщане, подъ страходъ лишенія всѣхъ правъ и

имущества, не признавали самовольно пріѣхавшаго къ нимъ изъ Россіи епископа Арсенія Берла. Со времени полученія и оглашенія въ Могилевѣ этихъ распоряженій королевскихъ усилились козни католиковъ и уніатовъ противъ Арсенія Берло, положеніе котораго потому сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ и печальнымъ. Но наше правительство продолжало держать его въ Могилевѣ. Въ началѣ 1731 года Арсеній Берло вызывался въ Варшаву, гдѣ наше правительство, надѣясь на умъ и ловкость двухъ своихъ дипломатовъ—Вейсбаха и Левенвольда, разчитывало добиться личной аудіенціи Арсенія Берла у короля и полученія королевской привиллеи для Бѣлорусскаго епископа. Мы уже знаемъ, какими непріятностями и плачевными результатами сопровождалась эта поѣздка Арсенія Берла въ Варшаву. Здѣсь можемъ прибавить, что и во время самаго пребыванія въ Варшавѣ Арсенію Берлу, какъ видно, изъ его письма отъ 28 марта 1731 г. къ новгородскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу, пришлось перенести не мало оскорбленій и униженій. Но пусть намъ разскажетъ объ этомъ лучше самъ архипастырь. „По полученіи королевскаго паспорта на свободный проѣздъ до Варшавы“, пишетъ преосв. Арсеній Берло, „я отправился и прибылъ въ Варшаву 31 генваря. Послѣ моего пріѣзда въ Варшаву, генералъ Вейсбахъ жилъ тамъ еще цѣлую недѣлю, но не представлялъ меня ни королю, ни министрамъ. Только уже при своемъ отъѣздѣ въ Москву, онъ успокоилъ меня, сказавши, что онъ просилъ короля выдать мнѣ, согласно ходатайству русской государыни, привиллегію на Бѣлорусскую епархію, причемъ король, будто бы, обѣщалъ выдать мнѣ просимую привиллегію. Однакоже обѣщаніе короля не было исполнено. Уже послѣ

отъѣзда генерала Вейсбаха изъ Варшавы, 7 февраля графъ Левенвольдъ (новый посолъ) представилъ меня чрезъ своего секретаря г. Голембіовскаго министрамъ польскимъ—коронному маршалку Мнишку, литовскому подканцлеру князю Чарторійскому и коронному подканцлеру ксендзу Липскому, но королю меня не представлялъ. Поименованныхъ министровъ я, ссылаясь на ходатайство русской государыни, просилъ о томъ, чтобы православному русскому народу въ Польшѣ была показана милость и чтобы святое православіе впредь такъ не гналось и не преслѣдовалось, какъ то дѣлалось доселѣ. Но весь мой трудъ оказался напраснымъ и моя просьба была обращена въ смѣхъ и поруганіе. Я не только не получилъ просимаго, но мнѣ велѣно было *немедленно отправляться изъ Варшавы, на пути не посѣщать православныхъ церквей, не вступаться ни въ какія духовныя дѣла и, пріѣхавши въ Могилевъ, нигдѣ предъ тѣмъ не останавливаясь, немедленно собрать всѣ свои вещи и отправляться туда, откуда я пріѣхалъ*“. Въ Могилевѣ владыку Арсенія Берла ожидали новыя оскорбленія и униженія. Вслѣдъ за нимъ туда пришло подтвердительное королевское повелѣніе о томъ, чтобы Могилевскіе мѣщане не смѣли дальше держать у себя пріѣзжаго изъ—за границы архіерея, но выпроводили бы его немедленно изъ своего города. „24 марта“, разсказываетъ, между прочимъ, Арсеній Берло въ письмѣ къ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу, призвалъ меня Могилевскій экономъ въ замокъ и, *въ присутствіи Могилевскихъ войтовъ и всего магистрата, ругалъ и укорялъ меня, и, на основаніи королевскаго указа о томъ, чтобы Могилевскіе мѣщане не оказывали мнѣ ни чести, ни повиновенія, ни помощи, приказалъ мнѣ въ теченіи недѣли выбраться изъ Могилева: а если въ теченіи недѣли,*

сказалъ экономъ, „*не пожелаешь выѣхать, то я велю солдатамъ силою выгнать тебя съ каѳедры и всѣ вещи твои выбросить за городъ*. Послѣ того нѣсколько разъ приходили ко мнѣ Могилевскіе войты со всѣмъ магистратомъ и многими горожанами и такъ говорили: изволь, ваше преосвященство, скоро и непремѣнно уѣзжать отъ насъ, не дожидаясь большей непріятности, такъ какъ мы никакимъ образомъ не можемъ больше держать тебя у себя, потому что король грозитъ намъ лишеніемъ всѣхъ правъ и смертною казнію, если не исполнимъ его повелѣнія“ [49]).

Арсеній Берло рѣшилъ тогда выѣхать изъ Могилева въ Москву въ первыхъ числахъ апрѣля 1731 года, о чемъ онъ и писалъ Ѳеофану Прокоповичу 18 марта 1731 года. Однакоже это ему не удалось сдѣлать. Онъ попытался было выслать впередъ свои вещи, но архіерейскій обозъ былъ разбитъ шляхтичемъ Зенкевичемъ съ его приспѣшниками. Въ тоже самое время враги Арсенія Берла открыто хвалились убить его, когда онъ поѣдетъ изъ Могилева въ Россію. Арсеній вынужденъ былъ оставаться въ Могилевѣ. Но жить ему здѣсь было чрезвычайно тяжело. Не только міряне, но даже и духовенство православное перестало повиноваться и отдавать должную честь епископу, непризнанному польскимъ правительствомъ, какъ объ этомъ доносилъ Арсеній Берло св. синоду 13 мая 1731 года. „Да и священники“, писалъ онъ, „находящіеся въ Бѣлорусской епархіи и какъ будто придерживающіеся святаго православія, зная о томъ, что мнѣ не велѣно касаться управленія духовными дѣлами, не оказываютъ мнѣ никакого почтенія и повиновенія. Даже и служить публично мнѣ здѣсь нельзя, ибо когда я отслужилъ публично въ день пресвѣтлаго Христова Воскресенія, то здѣшніе ксендзы

тотчасъ же подали протестъ, заявивши въ Могилевскомъ замкѣ, что владыка—де русскій не только не выѣзжаетъ, какъ ему повелѣно королевскимъ указомъ, но дерзаетъ еще и служить. Послѣ того я, когда желаю прослужить ради своего спасенія, то служу только тайно, затворившись въ храмѣ, безъ звона и безъ всякихъ церемоній, составляющихъ необходимую принадлежность архіерейскаго богослуженія". Въ заключеніе Арсеній Берло говорилъ, что положеніе его въ Могилевѣ было рѣшительно безвыходное— и выѣзжать безъ императорскаго указа онъ не смѣлъ, но и оставаться ему тамъ не было никакой возможности. Поэтому, онъ просилъ *немедленно* рѣшить его дальнѣйшую судьбу [50]).

Однакоже преосв. Арсенію пришлось еще долго оставаться и страдать въ Могилевѣ. Канцлеръ гр. Головкинъ писалъ епископу, чтобы онъ оставался въ Могилевѣ и ѣхалъ въ Москву только въ случаѣ принужденія. „Но въ такомъ случаѣ", прибавлялъ канцлеръ, «весьма необходимо вамъ показать надлежащую твердость и выѣздомъ не торопиться, ибо нельзя ожидать, чтобы поляки, дѣйствительно, показали какой либо враждебный поступокъ въ отношеніи къ вамъ: по извѣстному польскому обыкновенію, они болѣе угрозами стращаютъ, а на самомъ дѣлѣ того не отваживаются чинить". Въ теченіи всего лѣта и осенью 1731 года въ С.-Петербургѣ происходили, какъ мы уже знаемъ, переговоры между нашимъ правительствомъ и польскимъ уполномоченнымъ гр. Потоцкимъ, между прочимъ, и по дѣлу Арсенія Берла. Переговоры закончились на томъ, что рѣшено было предложить православнымъ жителямъ Бѣлоруссіи избрать себѣ новаго епископа изъ шляхтичей— польскихъ уроженцевъ, котораго польское правитель-

ство обязывалось безпрепятственно утверждать. А пока имѣло совершиться избраніе и утвержденіе новаго православнаго архіерея для Бѣлоруссіи, Арсеній Берло долженъ былъ оставаться въ Могилевѣ и, живя тамъ тихо, исполнять однѣ только духовныя обязанности, не вмѣшиваясь ни въ какія другія дѣла. Сообщая объ этомъ результатѣ переговоровъ Арсенію Берлу, канцлеръ гр. Головкинъ писалъ ему 8 и затѣмъ 12 января 1732 года слѣдующее: „итакъ, извольте, ваше преосвященство, въ силу состоявшагося здѣсь съ гр. Потоцкимъ соглашенія, оставаться въ Могилевѣ до тѣхъ поръ, пока новый кандидатъ изъ тамошнихъ православныхъ людей не будетъ избранъ на Бѣлорусскую епархію и не получитъ королевской привиллегіи; но во все это время вы не должны вмѣшиваться ни въ какія дѣла, а вести себя тихо и исполнять одну только духовную должность“ [51]).

Каково было нашему архипастырю, поставленному въ подобное положеніе, жить въ Могилевѣ, объ этомъ мы узнаемъ изъ собственнаго его донесенія на имя императрицы Анны Іоанновны. Въ концѣ 1731 года Арсеній Берло писалъ ей слѣдующее: „шляхта бѣлорусская продолжаетъ отторгать православныя церкви къ уніи; меня, бѣднаго, нестерпимымъ ругательствомъ поносятъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ только 30 мужиковъ имѣется, превеликую обиду и разореніе чинятъ, а недавно и совсѣмъ отнять хотѣли, такъ что я, продавъ лошадей и платье свое, принужденъ былъ отплачиваться и отплатился на время; все это они дѣлаютъ для того, чтобы меня отсюда выжить. Хотя я живу здѣсь по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу для правленія духовныхъ дѣлъ и для всякихъ епархіи Бѣлорусской порядковъ, однако духовенство здѣш-

нее, зная о королевскихъ указахъ, запрещающихъ имѣть меня епископомъ, и не боясь Бога, самовольно живетъ, отчего происходитъ всенародный соблазнъ и великое безчинство: меня, мнимаго своего архіерея, ни во что вмѣняютъ, ни съ какими дѣлами ко мнѣ не обращаются, освященнаго мура отъ меня не хотѣли принимать; сверхъ того, заочно ругаютъ. Немногіе изъ нихъ твердо стоятъ въ православіи, а большинство готовы принять унію. А я всегда боленъ, а потому не могу исполнять здѣшнихъ польскихъ церемоній и политики и, какъ зарубежный человѣкъ, не знаю здѣшнихъ правъ, а теперь въ старости не могу изучить ихъ, почему и святому православію, находящемуся въ постоянномъ гоненіи, не могу принести никакой пользы и никакой помощи въ здѣшнемъ свободномъ народѣ. Слезно прошу, да повелитъ ваше императорское величество освободить меня отъ сего послушанія, которое выше моихъ силъ“ [52]).

Около года еще послѣ того Арсеній Берло вынужденъ былъ оставаться въ Могилевѣ. Только въ іюлѣ 1732 года совершились выборы новаго Бѣлорусскаго православнаго епископа, а въ концѣ того же года Арсеній Берло выѣхалъ изъ Могилева въ Россію, гдѣ онъ скоро получилъ назначеніе на Переяславскую архіерейскую каѳедру [53]).

Такъ закончилось дѣло съ отправленіемъ Арсенія Берла въ Бѣлорускую епархію. Пребываніе Арсенія Берла въ Бѣлоруссіи представляетъ безспорно печальное явленіе въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность въ XVIII в. Прежде всего, выборъ Бѣлорусскаго епископа въ лицѣ Арсенія Берла оказался крайне неудачнымъ. Арсеній былъ совершенно незнакомъ и съ исторіей православной церкви въ Польшѣ, и съ особенностями церковнаго

устройства въ Бѣлорусскомъ краѣ (напр. онъ совершенно не понималъ значенія Могилевской братской ставропигіи), и съ условіями общественно-политической жизни въ польско-литовскомъ государствѣ. Мы не обвиняемъ въ данномъ случаѣ Арсенія Берла, а только устанавливаемъ фактъ, который рѣшительно признавалъ и самъ Арсеній. Съ другой стороны, въ дѣлѣ Арсенія Берла допустило крупную и непростительную ошибку и наше правительство,— правительство императрицы Анны Іоанновны, которое при этомъ обнаружило полное незнаніе историческихъ отношеній Россіи въ Польшѣ, непониманіе истинныхъ интересовъ Россіи въ польско-литовскомъ государствѣ. Къ сожалѣнію, эта ошибка нашего правительства, въ связи съ неудачнымъ выборомъ лица для замѣщанія Бѣлорусской православной архіерейской каѳедры, имѣла весьма печальные результаты для дѣла православія и русской народности въ Польшѣ и весьма тяжело отразилась на положеніи ихъ здѣсь и въ послѣдующее время. Къ разсказамъ объ этомъ времени мы и переходимъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Избраніе новаго Бѣлорусскаго православнаго епископа и препятствія этому со стороны польскаго правительства.

Мы уже знаемъ, что русское правительство во время переговоровъ съ польскимъ уполномоченнымъ гр. Потоцкимъ лѣтомъ 1731 г. пришло къ тому обоюдному соглашенію, что Арсеній Берло долженъ былъ быть отозванъ изъ Бѣлоруссіи, а на его мѣсто Бѣлорусскіе православные жители должны были избрать себѣ новаго кандидата изъ среды польскихъ (по рожденію) православныхъ шляхтичей. При этомъ польское правительство обѣщало не дѣлать никакихъ затрудненій православнымъ Бѣлоруссамъ и безпрепятственно утвердить вновь избраннаго ими кандидата. Но ближайшее будущее показало, что польское правительство поступило въ данномъ случаѣ крайне неискренно. Оно не имѣло ни малѣйшаго желанія дать православнымъ Бѣлоруссамъ епископа и стремилось только къ тому, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отдѣлаться отъ Арсенія Берла. Разскажемъ все по порядку.

Тотчасъ же послѣ соглашенія съ гр. Потоцкимъ наша коллегія иностранныхъ дѣлъ сообщила объ этомъ Арсенію Берлу, которому велѣно было оставаться въ Могилевѣ до избранія и утвержденія новаго епископа и вести себя тихо, не вмѣшиваясь ни въ

какія постороннія дѣла, кромѣ исполненія своихъ чисто духовныхъ обязанностей. О томъ же самомъ дано было знать и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ греко-русскаго исповѣданія вѣры Бѣлорусской епархіи. Кромѣ того, особливо было написано генеральному намѣстнику Бѣлорусской епархіи игумену Гедеону Шишкѣ о томъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями означенной епархіи позаботился о скорѣйшемъ избраніи новаго кандидата на Бѣлорусскую православную архіерейскую каѳедру изъ числа польскихъ уроженцевъ—шляхтичей православнаго исповѣданія, который затѣмъ долженъ былъ немедленно быть представленъ польскому правительству для утвержденія. Съ письмами, заключавшими въ себѣ такія важныя сообщенія и рѣшенія нашего правительства, были нарочито отправлены въ Могилевъ бывшій архидіаконъ Бѣлорусской епархіи Каллистъ Заленскій, назначенный тогда уже архимандритомъ Кіево-Межигорскаго монастыря, и подполковникъ Синявинъ. Генеральный намѣстникъ Бѣлорусской епархіи игуменъ Гедеонъ Шишка, получивъ подобныя инструкціи и свѣдѣнія, тотчасъ же рѣшилъ приступить къ важному дѣлу избранія новаго епископа. 12 мая 1732 года онъ издалъ свои универсалы (общія оповѣщенія) на имя всѣхъ православныхъ монастырей и церквей Бѣлорусской епархіи, которыми приглашалъ всѣхъ православныхъ собраться 10 іюля того же года въ Могилевъ, гдѣ имѣла собраться вольная элекція новаго Бѣлорусскаго епископа. Лишь только польское общество узнало о приготовленіяхъ православныхъ къ выбору новаго епископа, какъ среди него началось волненіе. Католическое и уніатское духовенство встрепенулось, стало принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить назначенныхъ

выборовъ православнаго архіерея. 17 мая 1732 г. литовскій подстолій гр. Потоцкій, очевидно, подъ вліяніемъ заинтересованныхъ лицъ, прислалъ Гедеону Шишкѣ письмо, въ которомъ объяснялъ ему, что хотя, при его посредничествѣ, и состоялось соглашеніе съ русскимъ правительствомъ на счетъ избранія новаго Бѣлорусскаго епископа, но когда онъ, графъ Потоцкій, докладывалъ объ этомъ дѣлѣ королю, то послѣдній объявилъ ему, что заключенное имъ съ русскимъ правительствомъ соглашеніе на счетъ избранія новаго Бѣлорусскаго епископа должно быть разсмотрѣно на будущемъ сеймѣ, а въ случаѣ, еслибы сеймъ не состоялся на слѣдующемъ сенатусконсиліумѣ. Въ виду этого графъ Потоцкій предлагалъ игумену Гедеону Шишкѣ задержаться съ предположенною элекціею новаго епископа. Гедеонъ Шишка тотчасъ же поспѣшилъ сообщить объ этомъ въ С.-Петербургъ, при чемъ пояснялъ, что предложеніе гр. Потоцкаго есть ничто иное, какъ явная придирка къ православнымъ Бѣлоруссамъ и новое насиліе надъ ихъ совѣстію и правами. Прежде, объяснялъ Гедеонъ Шишка, когда умиралъ православный епископъ Бѣлорусскій, то православные жители Бѣлоруссіи никогда не дожидали разрѣшенія или указа королевскаго, но, на основаніи давнихъ коренныхъ правъ и законовъ государства, немедленно приступали къ выборамъ новаго епископа, котораго затѣмъ представляли для утвержденія королю.

Въ тоже самое время Гедеонъ Шишка отъ лица всѣхъ православныхъ жителей Бѣлоруссіи горько жаловался нашему правительству на непрекращающіяся сильныя гоненія православія и русской народности со стороны католиковъ и уніатовъ. Послѣдніе, по словамъ Гедеона Шишки, уже послѣ избранія Арсенія Берла на Бѣлорусскую епископію успѣли немалое число православныхъ церквей превратить на

унію. Сверхъ того надъ православными въ Бѣлоруссіи производились жестокія мученія и издѣвательства: *однихъ на смерть избивали, а другихъ мучили сѣченіемъ лозъ, рѣзаніемъ носовъ и ушей.* Въ это же самое время было отнято насильно множество земельныхъ угодій, принадлежавшихъ Бѣлорусской православной каѳедрѣ и различнымъ православнымъ монастырямъ и церквямъ Бѣлорусской епархіи [54]).

Между тѣмъ попытка католическаго и уніатскаго духовенства помѣшать выборамъ новаго Бѣлорусскаго православнаго епископа путемъ вмѣшательства графа Потоцкаго не удалась. Не можемъ сказать, что именно помогло православнымъ Бѣлоруссамъ и, въ частности, Гедеону Шишкѣ въ данномъ случаѣ—ихъ ли собственная энергія и рѣшительность, или же новыя инструкціи со стороны нашего правительства. Первое предположеніе болѣе вѣроятно, такъ какъ правительство императрицы Анны Іоанновны въ отношеніи къ положенію православія и русской народности въ Польшѣ вообще обнаружило мало умѣнія, быстроты и рѣшительности дѣйствій.

Но какъ бы то ни было, только назначенная элекція новаго Бѣлорусскаго епископа состоялась. Къ 10 іюля съѣхались въ Могилевъ духовные и свѣтскіе представители православной Бѣлорусской епархіи и на слѣдующій день (11 іюля 1732 года) „вольными и согласными голосами“ избрали номинатомъ Бѣлорусской епископіи архимандрита Кіево-Никольскаго пустыннаго монастыря Іосифа Волчанскаго, который былъ „прирожденный польской шляхтичъ“ [55]). Тотчасъ же была составлена избирательная грамота на имя Іосифа Волчанскаго, подписана всѣми духовными и свѣтскими православными Бѣлоруссами, принимавшими участіе въ выборахъ, и немедленно была от-

правлена въ С.-Петербургъ. Наше правительство, получивъ подлинную избирательную грамоту на имя Іосифа Волчанскаго, поспѣшило отправить ее (9 сентября 1732 г.) своему послу въ Варшавѣ гр. Левенвольду съ соотвѣтствующими инструкціями ему относительно дальнѣйшихъ мѣръ его по этому дѣлу. Въ императорскомъ рескриптѣ на имя гр. Левенвольда, прежде всего, разъяснялось ему для представленія, разумѣется, о томъ польскому правительству, почему состоялась элекція новаго Бѣлорусскаго епископа вмѣсто непризнаннаго Арсенія Берла. Хотя, говорилось въ рескриптѣ, Литовскій подстолій гр. Потоцкій и писалъ генеральному намѣстнику Бѣлорусской епархіи игумену Гедеону Шишкѣ, чтобы онъ пріостановился съ элекціею Бѣлорусскаго епископа до сейма, или сенатусконсиліума, но такъ какъ Гедеонъ Шишка еще раньше полученія письма отъ гр. Потоцкаго разослалъ свои универсалы, съ приглашеніемъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей Бѣлорусской православной епархіи на соборъ для элекціи епископа, то они и съѣхались въ іюлѣ въ Могилевъ и здѣсь 11 іюля, на основаніи сеймовыхъ конституцій, вольными и согласными голосами избрали номинатомъ Бѣлорусской епархіи архимандрита Іосифа Волчанскаго. Далѣе, послу повелѣвалось объявить о состоявшемся избраніи новаго Бѣлорусскаго епископа приличнымъ образомъ королю, примасу и другимъ лицамъ, которыхъ это дѣло касается, показать имъ подлинную избирательную грамоту на имя Іосифа Волчанскаго, подписанную православными Бѣлоруссами и затѣмъ „нашимъ (т. е. императрицы) имянемъ“ просить короля и „ревностно домогаться“, чтобы Іосифу Волчанскому, который былъ избранъ уже по желанію его королевскаго величества изъ польской націи,

по примѣру прежнихъ временъ, выдана была безъ всякаго продолженія, до отъѣзда короля въ Саксонію, обыкновенная королевская привиллегія. Послу нашему повелѣвалось употребить рѣшительно всѣ усилія и средства къ тому, чтобы получить привиллегію для вновь избраннаго Бѣлорусскаго епископа, съ употребленіемъ даже и пристойнаго числа имѣвшейся у него царской казны, если бы это оказалось необходимымъ [56]).

Графъ Левенвольдъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ данному ему порученію. Когда императорскій рескриптъ съ этимъ порученіемъ (отъ 9 сентября 1732 г.) былъ полученъ въ Варшавѣ, посолъ былъ нездоровъ. Но онъ тотчасъ же поручилъ резиденту нашему Голембіовскому сдѣлать все необходимое для полученія королевской привиллегіи Бѣлорусскому епископу. Затѣмъ при первомъ же выѣздѣ послѣ своего выздоровленія, гр. Левонвольдъ испросилъ для себя аудіенцію у короля, которая и была назначена на $^{2}/_{13}$ октября 1732 г. Во время аудіенціи нашъ посолъ подробно изложилъ все дѣло королю и просилъ его выдать утвердительную грамоту Бѣлорусскому епископу. Король обѣщалъ это сдѣлать, но, какъ оказалось потомъ, не исполнилъ своего обѣщанія и вскорѣ послѣ того уѣхалъ въ Саксонію, не подписавши привиллегіи, приготовленной на имя Іосифа Волчанскаго.

„Случилось ли это за краткостью времени, или же было сдѣлано нарочито, самъ нашъ посолъ затруднялся отвѣтить на подобный вопросъ. Впрочемъ, гр. Левенвольдъ, какъ видно изъ его реляціи (донесенія) отъ 15 октября 1732 года, болѣе склонялся въ пользу второго предположенія, т. е. что невыдача королевской грамоты Бѣлорусскому епископу до отъѣзда короля въ Саксонію было устроена нарочито.

Въ самомъ дѣлѣ, послу сначала было прямо сказано чрезъ резидента Голембіовскаго, которому онъ поручилъ внимательно слѣдить за этимъ дѣломъ, что грамота уже готова, *даже подписана королемъ* и вся остановка только за *припечатаніемъ*. Но когда король выѣхалъ изъ Варшавы и гр. Левенвольдъ сталъ домогаться грамоты, то подканцлеръ князь Чарторыйскій объявилъ ему, что „*король подписалъ здѣсь только необходимѣйшія и важнѣйшія дѣла, а привиллегію и прочія дѣла взялъ съ собою въ Саксонію, откуда они, послѣ подписанія, и будутъ присланы*“.

Графъ Левенвольдъ теперь серьезно сомнѣвался въ томъ, чтобы это могло случиться и особенно въ скоромъ времени. Дѣло въ томъ, что изъ личныхъ переговоровъ его съ подканцлеромъ княземъ Чарторыйскимъ выяснилось, что привиллегія на имя вновь избраннаго Бѣлорусскаго православнаго епископа не была еще и готова, что даже не рѣшенъ былъ вопросъ о томъ, выдавать ли ее и, если выдавать, то въ какой формѣ. Когда нашъ посолъ началъ настаивать на томъ, чтобы обѣщанную привиллегію для Бѣлорусскаго епископа отослали въ Саксонію къ королю для подписи, то князь Чарторыйскій разсказалъ ему, между прочимъ, слѣдующее. Король спрашивалъ у него, отчего происходитъ то, что, съ одной стороны, коронный маршалокъ и Липскій объ отправленіи привиллегіи, а, съ другой стороны, папскій нунцій объ удержаніи ея набили мнѣ уши? Князь Чарторыйскій объяснилъ это королю, который, будто, тогда только и согласился подписать грамоту. Итакъ, замѣтилъ князь Чарторыйскій, теперь нѣтъ никакого препятствія къ выдачѣ королевской привиллегіи Бѣлорусскому епископу, кромѣ того, что остается только рѣшить вопросъ о томъ, на основаніи какого

договора и въ какой формѣ эта привиллегія можетъ быть выдана, *такъ какъ необходимо еще прежде изслѣдовать,* имѣютъ ли жители Бѣлорусской епархіи право и власть постоянно избирать себѣ епископовъ, или же право нареченія здѣсь, какъ и въ другихъ епископіяхъ, принадлежитъ королю, какъ „регалія“. Въ заключеніе князь Чарторыйскій заявилъ, что единственно изъ желанія сдѣлать угодное русской императрицѣ онъ приметъ мѣры къ тому, *чтобы грамота была написана и отправлена къ референдарію* (секретарю) Дембовскому, который одинъ изъ польскихъ министровъ поѣхалъ съ королемъ въ Саксонію.

Графъ Левенвольдъ предвидѣлъ въ будущемъ возможность еще одного затрудненія со стороны польскихъ министровъ при выдачѣ королевской привиллегіи, именно когда имѣлъ возникнуть вопросъ о томъ, какою печатью должна была быть скрѣплена привиллегія. Еслибы избрали малую литовскую печать, которая находилась въ распоряженіи подканцлера князя Чарторыйскаго, то послѣдній, какъ духовное лицо римско—коталической церкви, могъ бы счесть „припечатаніе“ грамоты православному епископу предосудительнымъ для себя и, такимъ образомъ, выдача привиллегіи снова могла бы быть задержана. Поэтому, гр. Левенвольдъ рѣшилъ добиваться чтобы къ привиллегіи Бѣлорусскому епископу была приложена „большая литовская печать“, которая находилась въ распоряженіи регимептарія [57]) и канцлера князя Вишневецкаго,-министровъ болѣе расположенныхъ, по мнѣнію гр. Левенвольда, къ Россіи [58]).

26 октября 1732 г. гр. Левенвольдъ снова писалъ въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, что дѣло о выдачѣ королевской грамоты Бѣлорусскому епископу, благодаря его заботамъ и содѣйствію нѣкоторыхъ

польскихъ министровъ (великаго коронного маршалка, подканцлера Минскаго и Кіевскаго воеводы) наладилось. Привиллегія для Бѣлорусскаго епископа была написана и отправлена къ королю въ Саксонію для подписи. Посолъ имѣлъ теперь твердую увѣренность, что подписанная королемъ грамота должна была скоро получиться, и тогда онъ, припечатавъ ее при помощи канцлера князя Вишневецкаго, еслибы князь Чарторыйскій сталъ противодѣйствовать этому, надѣялся немедленно доставить столь желанную привиллегію по назначенію [59]).

Но увѣренность гр. Левенвольда оказалась и на сей разъ весьма преждевременною. Нашъ посолъ слишкомъ положился на легкія и широковѣщательныя обѣщанія польскихъ министровъ, которыя всегда въ отношеніи къ православному русскому населенію государства не шли дальше простыхъ словъ. Король Августъ II возвратился изъ Саксоніи въ Польшу, не подписавъ отправленной къ нему грамоты для Бѣлорусскаго епископа. Нашему послу въ королевской канцеляріи объяснили, что подписаніе той грамоты король вмѣстѣ съ другими бумагами отложилъ до своего возвращенія въ Польшу. Но и послѣ возвращенія въ Варшаву король еще не сразу собрался подписать грамоту для Бѣлорусскаго епископа и такъ, не подписавши ея, скончался 1 февраля 1733 года.

Вслѣдъ затѣмъ въ Польшѣ наступило безкоролевье, смѣнившееся уже извѣстными намъ большими смутами въ государствѣ, которыя происходили вслѣдствіе борьбы двухъ противниковъ изъ-за королевскаго престола. Польскому правительству во все это время было не до Бѣлорусскаго православнаго епископа. У правительства тогда было много своихъ серьезныхъ заботъ. Съ другой стороны, и русскому

правительству нельзя было выступать въ это смутное время со своимъ ходатайствомъ о выдачѣ королевской подтвердительной грамоты избранному еще 11 іюля 1732 г. въ Бѣлорусскіе епископы Іосифу Волчанскому. Только уже тогда, когда населеніе государства сравнительно успокоилось, наше правительство сдѣлало напоминаніе новому польскому королю, занявшему престолъ при поддержкѣ Россіи, о давнемъ обѣщаніи польскаго правительства выдать грамоту Іосифу Волчанскому на Бѣлорусское епископство. Русскимъ посломъ въ Варшавѣ въ это время былъ уже баронъ Кейзерлингъ, смѣнившій гр. Левенвольда. Онъ приложилъ немало энергіи и старанія къ полученію привиллегіи для Іосифа Волчанскаго. 5 января 1736 г. баронъ Кейзерлингъ доносилъ нашему правительству, что имъ, наконецъ, была получена отъ короля желанная привиллегія, которую онъ предполагалъ передать „Бѣлорусскимъ исповѣдникамъ греческаго закона“. Но рескриптомъ 27 января 1736 г. ему повелѣно было представить подлинную привиллегію въ С.-Петербургъ, гдѣ она и была вручена вновь посвященному тогда Бѣлорусскому епископу Іосифу Волчанскому [60]).

Весьма серьезныя услуги православію и русской народности оказалъ при полученіи привиллегіи для Іосифа Волчанскаго еще нашъ капелланъ при Варшавскомъ посольствѣ іеромонахъ Сильвестръ Каховскій, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ о томъ [61]).

Изъ всей этой исторіи полученія королевской грамоты для Бѣлорусскаго православнаго епископа лучше всего можно видѣть, какъ относилось польское правительство къ православію и русской народности, какія прямо невѣроятныя препятствія оно старалось ставить при всякомъ удобномъ случаѣ православнымъ русскимъ людямъ на пути къ достиженію

ими своихъ цѣлей и желаній. Потребовалось болѣе 7 лѣтъ для того только, чтобы, при энергичной поддержкѣ со стороны русскаго правительства, получить королевскую привиллегію для Бѣлорусскаго православнаго епископа, каѳедра котораго существовала на основаніи коренныхъ началъ польскаго государственнаго законодательства, и это послѣ торжественнаго обѣщанія польскаго правительства русскому, что оно не будетъ дѣлать никакихъ препятствій къ утвержденію на Бѣлорусской архіерейской каѳедрѣ лица, законно избраннаго и удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ права.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Преслѣдованія православія и русской народности въ Бѣлоруссіи при Іосифѣ Волчанскомъ.

Избранный въ 1735 году и посвященный въ епископскій санъ въ 1736 г., Іосифъ Волчанскій не сразу отправился въ Бѣлоруссію. Въ маѣ 1737 г. онъ былъ еще въ Россіи. Предъ самымъ отправленіемъ своимъ въ Могилевъ Іосифъ Волчанскій усиленно просилъ св. синодъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о возможномъ огражденіи его отъ „нападокъ, поруганій, неповинныхъ гоненій и озлобленій“ со стороны католиковъ и уніатовъ. Іосифъ Волчанскій просилъ, чтобы наше правительство писало въ этомъ смыслѣ о немъ какъ своимъ представителямъ въ Польшѣ, такъ и самому польскому королю [62]).

Не смотря на принятыя заблаговременно мѣры, Іосифу Волчанскому пришлось весьма тяжело въ Бѣлоруссіи. На его глазахъ Бѣлорусская православная епархія постепенно умалялась, вслѣдствіе насильственнаго отобранія православныхъ церквей на унію. 7 сентября 1739 г. Іосифъ Волчанскій съ великимъ прискорбіемъ писалъ въ Россію, что кромѣ тѣхъ мѣстъ православныхъ церквей, которыя отняты на унію при его предшественникѣ (Сильвестрѣ Свя-

тополкъ Четвертинскомъ), уже послѣ его смерти до пріѣзда его самого въ Бѣлоруссію и при немъ много православныхъ церквей были насильственно захвачены уніатами. Такъ, въ 1737 г. въ Гомельской протопопіи было отобрано у православныхъ 4 церкви, въ 1738 г. въ той же протопопіи была отнята еще одна церковь, и три церкви въ самомъ городѣ Гомелѣ были сожжены, причемъ православнымъ было запрещено возобновлять сгорѣвшія церкви. Много православныхъ церквей было захвачено въ это время и въ другихъ частяхъ Бѣлорусской епархіи, напр., въ Шкловскомъ графствѣ, въ Дубровской, Мстиславской и др. протопопіяхъ. По собраннымъ къ 7 сентября 1739 года Іосифомъ Волчанскимъ свѣдѣніямъ, всего въ Бѣлорусской епархіи къ этому времени было захвачено 114 православныхъ церквей. Изъ этого слѣдуетъ, писалъ, между прочимъ, въ своемъ донесеніи Іосифъ Волчанскій, что скоро и весь небольшой остатокъ Бѣлорусской епархіи отойдетъ на унію, и православнаго епископа не за чѣмъ и не на чѣмъ будетъ содержать, если только могущественнѣйшая россійская держава не окажетъ помощи здѣшнему православію [63]).

Наше правительство, по ходатайству св. синода, 22 сентября 1739 г. приказало своему резиденту въ Варшавѣ Голембіовскому, чтобы онъ вмѣстѣ съ министрами старался всѣми способами облегчить положеніе гонимыхъ православныхъ въ Польшѣ, въ частности, исходатайствовать имъ свободу въ совершеніи богослуженія и въ постройкѣ и починкѣ ветхихъ храмовъ. Въ отвѣтъ на это приказаніе Голембіовскій доносилъ, что онъ, будто бы, много разъ писалъ польскимъ министрамъ, особенно примасу и вдовствующей княгинѣ Радзивиллъ, на которыхъ пра-

вославные больше всего жаловались, обвиняя ихъ въ насильственномъ отнятіи церквей и запрещеніи возобновлять ветхія церкви, но всѣ его старанія не имѣли никакого успѣха. Польскіе министры отвѣчали представителю русскаго правительства, что жалобы православныхъ должны быть направлены на сеймъ, гдѣ онѣ будутъ разсмотрѣны и удовлетворены. Голембіовскій отъ себя прибавлялъ, что ссылка министровъ на сеймъ согласна съ закономъ, но тѣмъ не менѣе, еслибы министры пожелали, то они легко могли бы помочь великому горю русскихъ православныхъ людей.

При своемъ донесеніи, Голембіовскій, который, какъ природный полякъ и католикъ, былъ весьма сомнительнымъ защитникомъ православныхъ русскихъ людей, представлялъ обширный перечень обидъ и насилій, которыя потерпѣли православные жители разныхъ мѣстностей Западной Руси въ самое послѣднее время. Этотъ перечень („реестръ“) обидъ доставилъ ему Варшавскій капелланъ іеромонахъ Сильвестръ Каховскій, который при этомъ выражалъ слѣдующія горячія пожеланія всѣхъ православныхъ западно-руссовъ. Желанія православныхъ сводились къ тому, чтобы 1) ихъ насильно не обращали въ унію, а храмовъ ихъ не отбирали въ томъ случаѣ, еслибы какой либо изъ православныхъ священниковъ переходилъ въ унію; 2) изъ—за проступковъ отдѣльныхъ православныхъ священниковъ церкви не отбирались на унію и 3) погорѣвшія и обветшавшія церкви православныя дозволено было возобновлять и поправлять.

Доводя о всѣхъ обидахъ, какія дѣлались православнымъ въ Польшѣ и о желаніяхъ этихъ послѣднихъ русскому правительству, Голембіовскій выражалъ свое мнѣніе, что лучшаго способа къ удовле-

творенію желаній православныхъ западно-руссовъ и къ прекращенію гоненій на нихъ онъ не можетъ придумать, какъ назначеніе спеціальной смѣшанной коммисіи, съ участіемъ въ ней православныхъ членовъ, которая бы занялась разсмотрѣніемъ всѣхъ жалобъ православныхъ. Къ счастію, русское правительство на этотъ разъ не поддалось на іезуитскій совѣтъ, разсчитанный на то, чтобы дѣло православія и русской народности на долгіе годы похоронить въ коммисіи, какъ это и случилось впослѣдствіи. Теперь же наше правительство поступило иначе. 29 ноября 1739 г. оно предписало своему министру при польскомъ дворѣ резиденту Голембіовскому сдѣлать новыя рѣшительныя представленія польскому правительству по поводу продолжавшихся сильныхъ гоненій на православныхъ. Эти гоненія, разсчитанныя на окончательную гибель православія и русской народности, были тѣмъ болѣе прискорбны, по словамъ нашего правительства, что само оно старалось всячески соблюдать интересы и пользу подданныхъ Польши. Нашему послу и резиденту рекомендовалось приложить „радѣтельнѣйшее стараніе для исходатайствованія полнаго удовлетворенія православнымъ во всѣхъ ихъ обидахъ“.

Въ отвѣтъ на это приказаніе резидентъ Голембіовскій 27 декабря 1739 г. писалъ въ Петербургъ, что онъ нѣсколько разъ и говорилъ и даже, „имѣлъ немалыя ссоры“ съ великимъ короннымъ канцлеромъ по поводу жалобъ православныхъ западно-руссовъ, доказывая ему, что насильственное отобраніе православныхъ храмовъ на унію и притѣсненіе русскихъ людей за ихъ вѣру противны не только договору о вѣчномъ мирѣ, но и многократному подтвержденію этого договора равно какъ и многимъ древнимъ и новымъ

королевскимъ грамотамъ, изданнымъ въ пользу православныхъ. На всѣ эти представленія Голембіовскаго канцлеръ, будто бы, отвѣчалъ, что онъ во время отсутствія короля самъ не можетъ ничего сдѣлать для облегченія участи православныхъ, но, по возвращеніи короля, надѣется исполнить всѣ желанія ихъ, такъ чтобы жалобы православныхъ совершенно прекратились [64]).

Какъ польское правительство исполнило эти послѣднія обѣщанія своего министра, лучше всего можно видѣть изъ донесенія преосв. Іосифа Волчанскаго св. синоду отъ 27 апрѣля 1740 г. „Слезно прошу“, писалъ, между прочимъ, онъ, „скорое и крѣпкое, *какъ злѣ страждущимъ*, подати защищеніе, или уволите мя отъ сего послушанія, понеже мнѣ, при моихъ не потому уже лѣтахъ и слабосильномъ здравія состояніи, отнюдь никакими мѣрами самому собою удержать ежечасно умаляющагося святаго православія невозможно“ [65]).

Вѣроятно, во исполненіе этой просьбы Іосифа Волчанскаго онъ, въ 1742 г. былъ переведенъ изъ Бѣлоруссіи и назначенъ первымъ архіепископомъ вновь учрежденной тогда Московской епархіи [66]). Гоненія на православныхъ въ Бѣлоруссіи продолжались и послѣ ухода Іосифа Волчанскаго, какъ увидимъ впослѣдствіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Преслѣдованія православныхъ въ Литвѣ и особенно въ Вильно.

Кромѣ Бѣлоруссіи, гоненія на православныхъ западно-руссовъ въ разсматриваемое нами время съ особенною силою происходили въ Литвѣ. Въ главномъ литовскомъ городѣ Вильно существовалъ православный св. духовскій монастырь. Св. Духовскій монастырь занималъ главное мѣсто въ ряду всѣхъ литовскихъ православныхъ монастырей. Въ немъ постоянно жилъ игуменъ, иначе называвшійся старшимъ и бывшій начальникомъ мѣстныхъ окрестныхъ православныхъ монастырей, которые составляли одно цѣлое, т. н. Виленское старшинство. При св. духовскомъ же монастырѣ находилось крестоносное братство, въ числѣ членовъ котораго были всѣ главные и лучшіе ревнители православія въ цѣломъ краѣ. Виленское св. духовское братство въ разсматриваемое нами время было первымъ и самымъ вліятельнымъ въ ряду другихъ православныхъ западно-русскихъ братствъ. Вмѣстѣ съ Слуцкимъ и Могилевскимъ братствомъ св. духовское Виленское братство съ изумительною стойкостію и рѣдкимъ самоотверженіемъ продолжало великую борьбу съ католичествомъ и уніей, стоя во главѣ всего западно-русскаго право-

славнаго народа, группировавшагося въ братскіе союзы. Старшимъ братчикомъ и руководителемъ св. духовскаго братства былъ обыкновенно игуменъ— старшій Виленскаго св. духовскаго монастыря. Занимая такое важное и отвѣтственное положеніе, игуменъ Виленскаго св. духовскаго монастыря являлся обыкновенно главнымъ представителемъ всего литовскаго православнаго духовенства и населенія предъ русскимъ и польскимъ правительствомъ, равно какъ и предъ Кіевскимъ митрополитомъ, который былъ начальственнымъ архипастыремъ всего православно-русскаго населенія Литвы.

Въ виду всего этого на должность Виленскихъ старшихъ назначались обыкновенно выдающіяся по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ лица изъ среды православнаго монашества. Большею частію на Виленское старшинство избирались молодые иноки изъ числа воспитанниковъ Кіевской Академіи. Одни изъ нихъ, какъ увидимъ сейчасъ, ознаменовали свое служеніе въ Вильно самоотверженнымъ терпѣніемъ и стойкостію, безропотно неся выпадавшій на ихъ долю крестъ и утѣшая всю свою паству въ ея скорбяхъ. Другіе изъ числа Виленскихъ старшихъ явили рѣдкую мудрость и замѣчательный тактъ въ отстаиваніи дорогого достоянія западно-русскаго народа – его православной вѣры. Наконецъ, еще нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались истинными мучениками за свою горячую любовь къ вѣрѣ и народности. Виленскіе старшіе вмѣстѣ съ ихъ монастыремъ были постоянно предметомъ особенной ненависти и преслѣдованій со стороны католиковъ и уніатовъ. Исключительно важное положеніе, какое занимали они среди православнаго духовенства и населенія Литвы, не только не избавляло ихъ отъ преслѣдованій, но,

наоборотъ, привлекало къ нимъ еще большее вниманіе враговъ православія и русской народности, которые употребляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы уничтожить такой важный центръ православія въ Литвѣ, какимъ безспорно былъ св. духовскій Виленскій манастырь.

Въ самомъ началѣ разсматриваемаго нами сейчасъ періода времени Виленскій св. духовскій монастырь находился въ печальномъ положеніи. Незадолго предъ тѣмъ (въ 1710 г.) въ св. духовскомъ монастырѣ закрыта была архимандрія, причемъ вмѣсто архимандритовъ стали управлять обителью и братствомъ игумены съ званіемъ „старшихъ“. Послѣ же смерти игумена—старшаго Пафнутія Подлужевича (17 ноября 1720 г.) не стало и старшихъ въ Виленскомъ св. духовскомъ монастырѣ, въ которомъ начались разные непорядки и нестроенія [67]). Во всѣхъ этихъ несчастіяхъ св. духовскаго Виленскаго монастыря были не безучастны католики и уніаты, которые желали всякими способами повредить монастырю и разстроить его. Скоро поняли это и сами православные и начали потому заботиться о возстановленіи надлежащаго порядка въ своемъ монастырѣ. Еще въ 1722 г. намѣстникъ и братія монастыря жаловались св. синоду на притѣсненія отъ Виленскаго католическаго епископа и уніатовъ, причемъ просили принять ихъ, „яко издавна имущихъ ставропигію отъ святѣйшихъ патріарховъ,“ въ свое пастырское и отеческое покровительство, дать имъ „предводителя, отца старшаго“, такъ какъ ихъ монастырь въ это время не имѣлъ игумена и отъ этого въ немъ происходили безпорядки. Св. синодъ тогда же исполнилъ желаніе и просьбу братіи Виленскаго св. духовскаго монастыря, причемъ Кіевскому архіепископу Варлааму

Ванатовичу поручено было посвятить въ монастырь св. духовскій достойнаго игумена [68]). Вскорѣ послѣ того, именно въ 1725 г. братство Виленскаго св. духовскаго монастыря снова жаловалось на притѣсненія, чинившіяся обители съ разныхъ сторонъ, причемъ просили св. синодъ дать имъ, хотя на время, какого либо богобоязненнаго и доморадѣтельнаго настоятеля, такъ какъ, по смерти почтеннаго о. Подлужевича, старшины Виленскаго, они „обрѣтались, яко овцы безъ пастыря“ [69]). Св. синодъ 7 марта 1726 г. рѣшительно приказалъ кіевскому архипастырю немедленно избрать изъ кіевскихъ іеромонаховъ „достойнаго, опытнаго и непоколебимо преданнаго православію“ и, посвятивъ его въ игумены, отправить въ Виленскій св. духовскій монастырь. Этотъ игуменъ—старшій долженъ былъ, по мысли св. синода, бдительно охранять монастырь отъ всякихъ бѣдствій и гоненій, не допуская насильственнаго обращенія православныхъ въ унію и ходатайствуя за нихъ предъ правительствомъ [70]).

Игуменомъ Виленскаго св. духовскаго монастыря на этотъ разъ былъ избранъ Клеопа Силичъ. Онъ былъ достойнымъ руководителемъ православно-литовскаго духовенства и народа въ борьбѣ за вѣру и народность. Не ограничиваясь энергичною защитою своихъ единовѣрцевъ на мѣстѣ, Клеопа Силичъ въ 1730 г. предпринялъ нарочитое путешествіе въ Россію съ цѣлію ходатайства за православныхъ западно-руссовъ предъ новою русскою императрицею. 22 октября 1730 г. онъ лично представлялся въ Измаиловѣ государынѣ, причемъ вручилъ ей челобитную. Въ этой челобитной Клеопа Силичъ свидѣтельствовалъ о крайне тяжеломъ положеніи православныхъ въ Литвѣ, которыхъ принуждали судебными процессами,

несправедливыми приговорами, лишеніемъ имущества и др. подобными средствами къ переходу на унію. „Послѣ Господа Бога“, писалъ Клеопа Силичъ, „мы не имѣемъ иной помощи, кромѣ вашего императорскаго величества. Изволь, государыня, подвигнуть свою десницу на заступленіе почти погибающаго въ Литвѣ православія, давши инструкціи полномочному послу своему, чтобы онъ принялъ мѣры къ прекращенію насилій надъ православіемъ, противныхъ союзнымъ договорамъ Россіи съ Польшею“ [71]).

Ближайшимъ сотрудникомъ Клеопы Силича былъ іеромонахъ Амвросій Юшкевичъ, жившій при немъ въ св. духовскомъ Виленскомъ монастырѣ въ качествѣ проповѣдника. Въ концѣ 1731 г. этотъ Амвросій Юшкевичъ, по сильному желанію и просьбѣ Виленскихъ монаховъ и братчиковъ, былъ назначенъ старшимъ Виленскаго св. духовскаго монастыря. Амвросій Юшкевичъ явился однимъ изъ самыхъ значительныхъ дѣятелей въ Западной Руси на пользу православія и русской народности. Его трехлѣтнее пребываніе въ Литвѣ прошло въ непрерывной борьбѣ съ противниками, сопровождавшейся тяжкими страданіями и даже мученіями Амвросія.

Гоненія на православныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стояніе за нихъ Амвросія Юшкевича начались тотчасъ же послѣ пріѣзда его въ Вильно. Вотъ что писалъ объ этомъ 13 февраля 1732 г. кіевскому архіепископу (впослѣдствіи митрополиту) Рафаилу Заборовскому самъ Амвросій Юшкевичъ: „Помощію Всемогущаго Бога и Вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, въ самое бездорожье, едва только 14 декабря 1731 года съ большимъ трудомъ, съ великими неудобствами и бѣдствіями, мы пріѣхали въ литовскій городъ Вильно. Здѣсь мы съ честію и ра-

достію были приняты всѣми православными жителями города. Всѣ они до единаго,—пишу по совѣсти, —кромѣ противниковъ, вознося руки свои вверхъ, горячо благодарили Бога и ваше преосвященство, своего архипастыря, за то, что вы заявили свое милостивое вниманіе и призрѣніе къ нимъ, находящимся въ крайнемъ гоненіи, и прислали къ нимъ, по ихъ просьбѣ, всѣхъ насъ и особенно меня назначили на Виленское старшинство, чего они не ожидали. Но недолго продолжалась наша радость. Вскорѣ съ великою скорбію сообщили намъ печальную новость, что многіе православные безъ всякаго повода и непристойно были призываемы въ консисторію римско-католической капитулы. Здѣсь ихъ обвиняли въ томъ, что родители ихъ, живущіе въ другихъ городахъ, находятся въ послушаніи римскому костелу, хотя на самомъ дѣлѣ они только недавно—одинъ добровольно, другіе, подъ вліяніемъ совращеній, а иные путемъ насилій приняли католическую вѣру. И вотъ дѣтей этихъ родителей, отданныхъ для обученія купеческому искусству въ Вильно, воспитанныхъ въ православной вѣрѣ и до послѣдняго времени безпрепятственно содержавшихъ православіе, безпокоятъ, призываютъ въ судъ и силою принуждаютъ принимать католическую вѣру. На судѣ устно постановили, чтобы всѣ эти православные жители Вильно не смѣли ходить въ православный храмъ; въ противномъ случаѣ имъ сильно угрожали великимъ трибуналомъ, который начнется тотчасъ послѣ праздника Пасхи. Мы старались всѣми мѣрами успокоить несчастныхъ нашихъ единовѣрцевъ, но пока нисколько не успѣли въ этомъ. Противники согласились не прекращать своихъ нападеній до тѣхъ поръ, пока они, чего не дай Боже, не достигнутъ своей цѣли. Сознавая такую

великую опасность, просимъ ваше преосвященство подать намъ руку помощи, чтобы всѣ ваши здѣшнія овцы не были расхищены и отторгнуты отъ православной церкви, просимъ васъ писать о нашемъ бѣдствіи въ гоненіяхъ противъ насъ русской императрицѣ, прося у нея защиты, такъ какъ если отъ нея не будетъ оказана намъ помощь, то мы отчаяваемся удержать здѣсь православіе, потому что враги всѣми силами и способами усиливаются искоренить православную вѣру въ Литвѣ“ [72]).

Вскорѣ послѣ того, въ мартѣ—апрѣлѣ 1732 года, Амвросій Юшкевичъ вмѣстѣ съ другими подчиненными ему игуменами православныхъ монастырей въ Литвѣ снова просили помощи у кіевскаго митрополита, такъ какъ ихъ продолжали жестоко преслѣдовать католики. „Немного изъ числа Виленскихъ жителей остались вѣрными православной церкви,“ писали при этомъ игумены митрополиту; „но и тѣхъ наши противники усиливаются обратить въ свою римско-католическую церковь... Виленскій бискупъ Михаилъ Зенковичъ запретилъ многимъ достаточнымъ членамъ православнаго Виленскаго братства ходить въ православный храмъ, подъ угрозою утраты ими чести и имѣнія, единственно потому только, что ихъ родители, будто бы, исповѣдуютъ католическую вѣру. Если у него отецъ или мать исповѣдуютъ православную вѣру, то и дѣти ихъ, говорятъ, должны слѣдовать вѣрѣ своихъ родителей. Или еслибы кто либо и былъ рожденъ отъ благочестивыхъ, т. е. православныхъ родителей, но случайно былъ крещенъ въ римскомъ костелѣ, а потомъ былъ воспитанъ въ правилахъ православной церкви, то и такой, говорятъ, долженъ быть католикомъ. Неудивительно было бы даже и это,“ замѣчали при семъ православные игу-

мены; „но прискорбно особенно то, что противники наши не представляли и не могли представить никакихъ документальныхъ доказательствъ въ пользу своихъ претензій“ [73]).

Кіевскій архіепископъ (впослѣдствіи митрополитъ) Рафаилъ Заборовскій исполнилъ просьбу Амвросія Юшкевича и другихъ православныхъ литовскихъ игуменовъ. Онъ донесъ св. синоду о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, какимъ подвергались православные въ Литвѣ, причемъ сообщилъ синоду копію съ извѣстныхъ уже намъ донесеній Амвросія Юшкевича. Св. синодъ, въ свою очередь, просилъ русское правительство въ лицѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, чтобы оно, съ одной стороны, поручило представителямъ нашего правительства въ Польшѣ принять необходимыя мѣры къ защитѣ православныхъ литовскихъ жителей, и съ другой стороны, сообщилъ св. синоду тѣ договоры Россіи съ Польшею, на которыхъ основывалось положеніе православныхъ русскихъ жителей въ Польшѣ и отношеніе русскаго правительства къ нимъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ 27 іюня 1732 года приказала русскому послу въ Варшавѣ Левенвольду сдѣлать представленіе польскому правительству, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, по поводу гоненій на православныхъ въ Литвѣ и потребовать принятія неотложныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію этихъ гоненій, причемъ для свѣдѣнія Левенвольда были сообщены ему донесенія Амвросія Юшкевича кіевскому архіепископу [74]).

Кто нибудь можетъ подумать и сказать, что на гоненія и преслѣдованія жаловались сами православные, причемъ они, по естественнымъ побужденіямъ и съ понятными намѣреніями, могли сгущать краски и описывать свое положеніе, какъ гонимыхъ, пре-

увеличенно. Дѣйствительно, подобныя явленія встрѣчаются сплошь и рядомъ тамъ, гдѣ борются противники. Но къ описываемому нами событію подобныя предположенія не имѣютъ никакого отношенія. Свѣдѣнія о томъ, что православные жители Литвы въ данное время подвергались самымъ несправедливымъ обидамъ и тяжкимъ преслѣдованіямъ за вѣру, мы имѣемъ и изъ такихъ источниковъ, которые не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію въ преувеличеніи или искаженіи событій.

Вотъ что, напр., писалъ 18 іюля 1732 года, королевскій генералъ Іосифъ Каминскій въ своей оффиціальной обдукціи (освидѣтельствованіи) разбоя и обидъ, произведенныхъ въ Виленскомъ св. духовскомъ монастырѣ людьми, подосланными Ошмянскимъ стольникомъ Марціаномъ Познякомъ.

Этотъ послѣдній явился въ іюнѣ 1732 года въ Вильно, въ качествѣ депутата (уполномоченнаго) отъ Ошмянскаго повѣта (уѣзда). Пріѣхавъ въ Вильно со многими своими людьми и слугами, Познякъ началъ домогаться, чтобы ему была отведена квартира въ св. духовскомъ православномъ монастырѣ, желая этимъ не только причинить матеріальный убытокъ православнымъ, но и унизить ихъ предъ католическимъ духовенствомъ. Такъ какъ однакоже, на основаніи польскихъ правъ, православные монастыри были освобождены отъ постоянной повинности, то виленскій св. духовскій монастырь отказалъ Позняку въ его незаконномъ требованіи. Тогда Познякъ сдѣлалъ слѣдующее. Онъ остановился рядомъ съ св. духовскимъ монастыремъ, причемъ послалъ своихъ служителей дѣлать постоянныя безпокойства и непріятности православнымъ, особенно во время совершенія божественной литургіи. Такъ, напр., 19 іюня

1732 года люди Позняка, по его наученію, съ цѣлью поруганія надъ православными, повыбивали окна въ храмѣ и въ самый алтарь набросали камней. Затѣмъ въ полночь на 27 іюня люди того же самаго Позняка, по его наученію, произвели въ полномъ смыслѣ слова разбойническое нападеніе на св. духовскій монастырь. Они, прежде всего, оторвали крестъ съ колокольчикомъ отъ воротъ, затѣмъ окна въ воротахъ и самыя ворота саблями порубили, святыя иконы, бывшія на воротахъ, ободрали и на малые лоскутки изорвали. Когда перепуганные православные монахи стали спрашивать у нападавшихъ, за что они такъ поступаютъ съ ихъ монастыремъ, то злодѣи, ничего не отвѣчая, одного инока безъ всякаго состраданія саблями изрубили, другихъ монаховъ также били, за бороды и за волосы рвали и, безпощадно надругаясь, по землѣ ихъ таскали. Когда же монахи послѣ стали просить защиты и суда у Позняка, то онъ, надѣясь на свое положеніе уполномоченнаго (депутата), вмѣсто всякаго удовлетворенія, сталъ бранить монаховъ всякими самыми оскорбительными словами, грозя сдѣлать ихъ монастырю еще большее разореніе. Не удовлетворившись этимъ, Познякъ привлекъ св. духовскихъ монаховъ по закону, не подлежавшихъ свѣтскому суду, на судъ трибунала, гдѣ, какъ депутатъ, дѣлалъ имъ невыразимыя притѣсненія и обиды, добившись въ концѣ концовъ такого постановленія, что монахамъ нельзя было и выходить изъ своего монастыря. Вопреки всякой справедливости и всякимъ законамъ, Познякъ окружалъ трибунальными караульными людьми монастырь и держалъ всѣхъ въ заперти. Когда же монахи стали домогаться, чтобы разслѣдованіе всего происшедшаго въ ихъ монастырѣ было произведено при свидѣтеляхъ, то Познякъ, чрезъ своихъ

служителей, которые производили разбойничье нападеніе на монастырь, объявилъ всѣмъ, что еслибы кто либо сталъ свидѣтелемъ въ его дѣлѣ съ православными монахами, то онъ будетъ взятъ и посаженъ въ тюрьму. И, дѣйствительно, всѣхъ, согласившихся быть свидѣтелями въ дѣлѣ св. духовского монастыря, онъ потомъ долго держалъ въ тюремномъ заключеніи [75]).

Но на этомъ не прекратились обиды св. духовскому монастырю со стороны насильника. 19 августа 1732 г. на ѣхавшаго съ монахомъ Іеронимомъ Дверницкимъ старшаго монастыря игумена Амвросія Юшкевича напали подосланные Познякомъ служители его и другіе люди недалеко отъ города Вильно, насильно схватили ихъ, сколько хотѣли, били ихъ, надругались надъ ними, затѣмъ, взяли подъ стражу, для большаго поруганія надъ монашескою честью, публично черезъ весь городъ вели ихъ въ тюрьму. Уже въ то время, когда Амвросій Юшкевичъ съ монахами своими сидѣли подъ караулами, подосланные Познякомъ служители и стражники били ихъ, за бороду рвали, бросали въ болото—каналъ, порвавши при этомъ на Амвросіи платье, стоившее 20 битыхъ ефимковъ. Отъ всѣхъ этихъ мученій, издѣвательствъ и побоевъ старшій виленскій Амвросій Юшкевичъ едва—едва не умеръ, не смотря на это, его, полумертваго, цѣлый день продержали подъ карауломъ, причемъ все это поругательство надъ нимъ производилось публично передъ „жидами“ для большаго соблазна. А монаха Іеронима Дверницкаго Познякъ отдалъ, кромѣ того, на судъ трибунала, причемъ монахи не могли вести дѣла съ Познякомъ, какъ судьею, и не могли представить оправданія. Дверницкій нѣсколько недѣль просидѣлъ въ тюрьмѣ, закованный въ

желѣзо, и монахи вынуждены были заложить церковное серебро за 100 ефимковъ для того, чтобы выкупить Дверницкаго, который едва отъ голода не умеръ.

Королевскій генералъ Іосифъ Каминскій при свидѣтеляхъ провѣрялъ всѣ эти жалобы Амвросія Юшкевича и монаховъ Виленскаго св. духовскаго монастыря, причемъ все до мельчайшихъ подробностей подтвердилось [76]).

Кромѣ нравственныхъ мученій, всѣ подобныя притѣсненія и преслѣдованія православныхъ въ Литвѣ причиняли имъ громадные матеріальные убытки и сопровождались разореніемъ ихъ монастырей и церквей.

Амвросій Юшкевичъ пытался было добиться справедливости въ Польшѣ, но скоро потерялъ всякую надежду на это. Весною 1732 года онъ отправился лично въ столицу русскаго государства, чтобы тамъ искать помощи разоренному своему монастырю у церковной власти и защиты всѣмъ своимъ единовѣрцамъ у русскаго правительства.

Въ маѣ 1733 года онъ отъ лица всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ православныхъ жителей литовскаго края жаловался св. синоду на неимовѣрныя притѣсненія отъ католиковъ, причемъ писалъ слѣдующее: „не имѣемъ мы никакого способа содержать святое благочестіе ради великаго на насъ гоненія отъ римлянъ, которые всякими и тайными и явными средствами усиливаются отнять у насъ вѣру“. При этомъ Амвросій Юшкевичъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ случаевъ преслѣдованія православныхъ, описывалъ еще слѣдующіе примѣры. Обозный великаго княжества Литовскаго Огинскій, пріѣхавши въ 1731 г. въ Вильно, одного православнаго монаха, „чиномъ

діакона“, въ церковной оградѣ людямъ своимъ велѣлъ поймать и за волосы днемъ публично отвести въ свой дворъ; а потомъ посадилъ его въ тюрьму, гдѣ три дня голодомъ морилъ его, выпустивши несчастнаго только послѣ особаго ходатайства Виленскаго бискупа.

Православнымъ русскимъ людямъ именно тѣмъ, которые заболѣвали и были близки къ смерти, католики не давали покоя, постоянно приставали къ нимъ, насильно заставляя ихъ принимать католическую вѣру, устрашая ихъ мукою всякою и адомъ и и говоря, что иначе не могутъ они спастись, какъ если только ихъ папу признаютъ главою церкви, потому что онъ одинъ, т. е. папа имѣетъ у себя ключи царствія небеснаго и потому кто ему поклонится и признаетъ его общимъ пастыремъ, тому онъ отворитъ небо. Амвросій Юшкевичъ разсказывалъ при этомъ два недавно бывшихъ случая, когда мужья католики силою заставляли своихъ умиравшихъ женъ принимать причастіе отъ католическихъ ксендзовъ, а нашихъ православныхъ священниковъ прогоняли изъ своихъ домовъ, угрожая имъ насиліями и даже смертью.

„Справедливости и суда мы не можемъ нигдѣ найти здѣсь“, писалъ въ заключеніе своей просьбы-жалобы Амвросій Юшкевичъ. При этомъ онъ разсказывалъ, какъ сама Виленская ратуша въ недавнее предъ тѣмъ время отняла у св. духовскаго монастыря два его дома, изъ коихъ одинъ давно принадлежалъ монастырю, который болѣе 100 лѣтъ платилъ за него подати, а другой недавно былъ пріобрѣтенъ монастыремъ за деньги [77]).

Одновременно съ этимъ Амвросій Юшкевичъ просилъ ходатайства св. синода предъ русскимъ правительствомъ, съ одной стороны, объ увеличеніи по-

собія отъ казны виленскому св. духовскому монастырю [78]), а, съ другой стороны, о привлеченіи Варшавскаго капеллана, т. е. іеромонаха, служившаго въ Варшавѣ при русской посольской церкви, къ дѣлу защиты православныхъ жителей Польши отъ преслѣдованій ихъ за вѣру и посредничества въ сношеніяхъ ихъ съ представителями русскаго правительства въ Польшѣ, которые бывали иногда изъ числа лицъ иностраннаго происхожденія и неправославнаго вѣроисповѣданія [79]).

Просьбы Амвросія Юшкевича были исполнены. Высочайшею грамотою отъ 12 сентября 1733 г. Виленскому св. духовскому монастырю велѣно было выдать изъ т. н. палестинской суммы 300 рублей единовременно и потомъ ежегодно выдавать ему изъ тойже суммы по 100 рублей вмѣсто 50 рублей, которые выдавались ему прежде, на основаніи грамоты императора Петра I отъ 29 февраля 1708 года. Въ это же самое время Варшавскому капеллану іеромонаху Сильвестру Каховскому велѣно было помогать всѣмъ русскимъ жителямъ польско-литовскаго государства въ дѣлахъ, касающихся вѣры [80]).

Съ такимъ успѣхомъ Амвросій Юшкевичъ возвратился изъ своей поѣздки въ Россію къ мѣсту своего служенія. Но теперь онъ сдѣлался еще болѣе ненавистнымъ для католиковъ. Послѣдніе начали такъ сильно преслѣдовать его, что ему необходимо было спасаться. Въ 1734 году его перевели изъ Вильно въ Москву архимандритомъ въ Симоновъ монастырь. Впослѣдствіи онъ, сдѣлавшись архіепископомъ Новгородскимъ и членомъ св. синода, былъ самымъ горячимъ защитникомъ православныхъ русскихъ жителей Польши предъ русскимъ правительствомъ.

Преемникомъ Амвросія Юшкевича въ должности Виленскаго старшаго игумена св. духовскаго мона-

стыря и блюстителя интересовъ православія въ литовскомъ краѣ былъ *Іеронимъ Волчанскій*. Онъ былъ родней (младшій братъ) уже извѣстнаго намъ бѣлорусскаго епископа Іосифа Волчанскаго. Какъ уроженецъ польскаго государства и хорошій знатокъ польскихъ законовъ и обычаевъ, а, съ другой стороны, какъ человѣкъ образованный (онъ учился въ Кіевской Академіи) и глубоко убѣжденный и преданный православію и русской народности человѣкъ, Іеронимъ Волчанскій явился достойнымъ замѣстителемъ Амвросія Юшкевича. Хотя онъ и не терпѣлъ такихъ физическихъ мученій, какимъ подвергался Амвросій Юшкевичъ, но тѣмъ не менѣе и онъ былъ истиннымъ страдальцемъ за православіе и русскую народность. Какъ мужественный и непоколебимый воинъ Христовъ, онъ 8 лѣтъ стоялъ на стражѣ православія въ Вильно и оставилъ этотъ важный постъ для того только, чтобы перемѣнить его на другой еще болѣе важный, трудный и отвѣтственный — на епископство Бѣлорусское.

Скажемъ о дѣятельности Іеронима Волчанскаго въ должности Виленскаго старшаго, игумена св. духовскаго монастыря, продолжавшейся (дѣятельности) до самаго конца разсматриваемаго нами періода времени и даже далѣе (до 1742 г.) и *тѣсно связанной съ преслѣдованіями православныхъ въ Литвѣ*.

Лѣтомъ 1736 года Іеронимъ Волчанскій выступилъ защитникомъ подчиненнаго ему, какъ игумену Виленскаго св. духовскаго монастыря, минскаго петропавловскаго монастыря. Этотъ послѣдній еще въ февралѣ 1734 года подвергся слѣдующему разбойническому нападенію со стороны католическихъ обитателей минскаго округа. Староста Михневскій нѣкто Петръ Щесновичъ, согласившись съ нѣсколькими другими

польскими шляхтичами (мелкими дворянами) и захвативъ съ собою многочисленную вооруженную челядь (дворню), ночью напали на православный петропавловскій монастырь, ворвались въ храмъ, ограбивъ церковное серебро и разныя украшенія на иконахъ, игумена монастыря Валеріана Ляховицкаго и другихъ иноковъ били, мучили и тиранили, палили, напр., имъ глаза, волосы изъ бороды и головы клочьями вырывали, привязывали нѣкоторыхъ монаховъ къ лошадямъ и тащили ихъ по площади, и, наконецъ, препроводили ихъ подъ караулъ при полковничьей хоругви. Однимъ изъ послѣдствій такого страшнаго насилія, учиненнаго надъ минскимъ православнымъ монастыремъ, была преждевременная смерть игумена и нѣкоторыхъ иноковъ монастыря. Монастырь самъ въ свое время сдѣлалъ заявленіе властямъ и суду о произведенномъ на него разбойничьемъ нападеніи. Но Іеронимъ Волчанскій, съ своей стороны, вступивъ въ должность и познакомившись съ однимъ дѣломъ, въ которомъ минскому монастырю до того времени не дано было никакого удовлетворенія, возбудилъ въ судѣ дѣло противъ дерзкихъ обидчиковъ православной обители [81]). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, имѣлъ ли Іеронимъ Волчанскій какой либо успѣхъ въ своей дѣятельности на защиту минскаго петропавловскаго монастыря.

Вскорѣ послѣ того, въ іюлѣ того же 1736 года Іерониму Волчанскому предстала необходимость судебнымъ порядкомъ защищать интересы своего Виленскаго св. духовскаго монастыря и православной церкви въ Литвѣ вообще. Возбужденныя имъ 20 іюля 1736 г. судебныя жалобы чрезвычайно любопытны въ томъ отношеніи, что раскрываютъ намъ, къ какимъ недостойнымъ средствамъ прибѣгали католическіе ксендзы въ своей борьбѣ съ православіемъ.

Дѣло происходило такъ. Въ Вильно жилъ православный русскій дворянинъ Самуилъ Толоконскій-Пашкевичъ. Фамилія Толоконскихъ-Пашкевичей, видимо, была древняя и въ литовскомъ краѣ хорошо извѣстная и почитаемая, между прочимъ, за свою преданность православію и русской народности. Вѣроятно, изъ этой же фамиліи происходилъ и бывшій въ свое время (1686—1698 г.) старшимъ Виленскаго св. духовскаго монастыря Петръ Пашкевичъ-Толоконскій. Изъ обстоятельствъ дѣла, кромѣ того, можно заключить, что Самуилъ Толоконскій - Пашкевичъ былъ богатымъ человѣкомъ.

Но какъ бы то ни было, только онъ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1736 года сильно занемогъ. По приглашенію его самого, или, быть можетъ, членовъ его семьи, при больномъ находились безотлучно іеромонахи св. духовскаго монастыря —Герасимъ Долбинскій и Никодимъ Томиловичъ. Но католическому духовенству Вильно почему то желалось завладѣть душею умиравшаго русскаго православнаго человѣка (можетъ быть, потому, что съ этимъ связано было завладѣніе имѣніемъ умиравшаго?). И вотъ что они для этого дѣлаютъ. Два іезуита—Георгій Борщъ и Александръ Кащищъ -неожиданно являются въ домъ больного, имѣя съ собою всѣ принадлежности для причащенія св. таинъ. Подойдя къ больному, они спросили его относительно членовъ вѣры и, между прочимъ, предложили ему такой чисто іезуитскій вопросъ: желалъ ли бы онъ умереть въ истинной вѣрѣ и, вѣруя во все то, что далъ намъ для вѣры Господь Іисусъ Христосъ и Его апостолы, желалъли бы онъ въ этой вѣрѣ и умереть? Само собою разумѣется, что больной отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, именно, что онъ такъ вѣровалъ и те-

перь вѣруетъ и въ этой истинной своей вѣрѣ безъ всякаго сомнѣнія и колебанія желалъ бы и умереть. Іезуитамъ этого только и нужно было. Они тотчасъ же отправились къ своему начальнику (оффиціалу) и заявили ему, что Самуилъ Толоконскій-Пашкевичъ принялъ римско-католическую вѣру. Оффиціалъ тотчасъ же послалъ двухъ свѣтскихъ ксендзовъ въ домъ Самуила Толоконскаго-Пашкевича и велѣлъ имъ выгнать изъ его дома православныхъ іеромонаховъ. Посланные заявили свѣтской власти и, захвативъ съ собою вооруженную стражу, отправились 3 іюля 1736 года въ домъ Самуила Толоконскаго-Пашкевича. Стража окружила домъ умирающаго, а ксендзы, ворвавшись въ самый домъ, стали отгонять православныхъ іеромонаховъ отъ больного и силою выталкивать ихъ изъ дома, причемъ ихъ били и рвали на нихъ одежду. Особенно отличались при этомъ насиліи надъ православными иноками Кощицъ и Гостовскій, которые, браня избиваемыхъ иноковъ, кричали: *„вы хуже жидовъ и вѣра ваша хуже жидовской вѣры.“*. Два дня послѣ того ксендзы, поддерживаемые возбужденною, благодаря ихъ же стараніямъ, толпою, держали въ осадѣ домъ Самуила Пашкевича и жившихъ въ немъ. Но монахи св. духовскаго монастыря все таки не уступали и отсидѣлись въ домѣ умершаго единовѣрца. Тогда озлобленная толпа, руководимая ксендзами и поддерживаемая вооруженною стражею, бросилась на самый монастырь, ворвавшись въ церковную ограду и произвела въ обители большія насилія и разоренія.

Іеронимъ Волчанскій 20 іюля 1736 года подалъ въ судъ жалобу, въ которой, ссылаясь на то, что умершій Самуилъ Толоконскій Пашкевичъ не переходилъ въ католическую вѣру, подробно описывалъ

насилія, причиненныя католическими ксендзами св. духовскому монастырю, и требовалъ наказанія виновныхъ и законнаго удовлетворенія обиженнымъ [82]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ чѣмъ закончилось и это дѣло. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1736 года Іерониму Волчанскому пришлось снова путемъ суда защищать интересы Минскаго петропавловскаго монастыря. На этотъ разъ католиками была нанесена сильная обида Прилуцкому монастырю, который находился въ вѣдѣніи игумена минскаго петропавловскаго монастыря. Ближайшими сосѣдями (по владѣнію землей) Прилуцкаго монастыря были два брата Ивановскихъ, изъ которыхъ одинъ—Георгій – былъ Вислицкимъ старостою, а другой — Іосифъ — Минскимъ городничимъ. Братья Ивановскіе, какъ истые поляки и католики, съ величайшею ненавистію относились къ своему сосѣду — Прилуцкому монастырю и старались всѣми способами повредить этому послѣднему. Уже при Іеронимѣ Волчанскомъ храмъ этого монастыря былъ обновленъ, съ затратою на это немалой суммы денегъ. Но Ивановскіе не дозволили накрыть обновленнаго храма и прогнали мастеровъ, которые были призваны монастырскими властями для устройства крыши. Оставаясь безъ кровли въ теченіи лѣта и осени, храмъ сильно пострадалъ отъ дождей и вообще непогоды. Но и этого издѣвательства надъ православнымъ монастыремъ было мало для Ивановскихъ. Они ждали удобнаго случая для того, чтобы примѣрно проучить ненавистныхъ имъ схизматицкихъ чернецовъ. И вотъ, наконецъ, случай этотъ представился. Въ фольваркѣ Стуколичахъ, принадлежавшемъ минскому монастырю, проживалъ мастеровой человѣкъ Григорій Соколовскій. Этотъ послѣдній принялъ къ себѣ въ избу на сохраненіе церковныя вещи,

уворованныя Даніиломъ Швагеромъ и Петромъ Кравцемъ и принадлежавшія Минскому петропавловскому монастырю. Вещи были найдены, и Соколовскій сознался въ преступленіи, но потомъ скрылся въ Прилуки. Его приняли подъ свое покровительство братья Ивановскіе. Іеромонахъ Минскаго монастыря Діонисій Исаевичъ былъ посланъ въ Прилуки для розысковъ Соколовскаго. Соколовскій далъ знать объ этомъ пану Ивановскому. Тогда Іосифъ Ивановскій посылаетъ своего слугу Ижашковскаго и приглашаетъ къ себѣ іеромонаха Діонисія. Когда послѣдній, ничего не подозрѣвая, явился на дворъ къ Ивановскому, то послѣдній съ угрозами сталъ требовать у него возвращенія своихъ сапоговъ, которые были въ работѣ у Соколовскаго и отобраны были у него послѣ того, какъ онъ пойманъ былъ въ воровствѣ и храненіи монастырскихъ уворованныхъ вещей. Діонисій обѣщалъ сейчасъ же выдать Соколовскому его вещи и отправился въ монастырь съ его слугою. Но въ тоже самое время Ивановскій послалъ толпу вооруженныхъ слугъ, которые, имѣя во главѣ того же самаго вора Соколовскаго, избивъ Діонисія и другихъ монаховъ, ворвались въ монастырь и храмъ и ограбили все монастырское имущество. Это было 11 октября 1736 года. А на другой день Ивановскій прислалъ своего слугу сказать іеромонаху Діонисію, что если онъ не прійдетъ добровольно къ нему на дворъ, то его приведутъ силою. Діонисій, боясь дальнѣйшихъ насилій, вынужденъ былъ идти къ Соколовскому, который, угрожая его избить, заставилъ его подписать какую-то бумагу, не сказавши, что въ ней было написано. Іеронимъ Волчанскій 13 октября 1736 г. подалъ въ судъ жалобу на такія дѣйствія Ивановскаго, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ еще

бо̀льшихъ какихъ либо непріятностей и обидъ монастырю [83]). Впослѣдствіи шляхтичамъ Ивановскимъ удалось всякими нечестивыми способами закрыть Прилуцкій православный монастырь и завладѣть его имуществами [84]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Преслѣдованія православныхъ въ Слуцкѣ.

Извѣстно, что однимъ изъ важныхъ центровъ православія и русской народности въ Польшѣ былъ Слуцкъ, съ принадлежавшимъ къ нему округомъ. Здѣсь было наиболѣе многочисленное православно-русское населеніе сравнительно съ другими мѣстностями Западной Руси. Здѣсь же находилась знаменитая Слуцкая Троицкая архимандрія, въ которой жилъ архимандритъ. Слуцкій архимандритъ именовался намѣстникомъ православнаго Кіевскаго митрополита. Какъ таковой, онъ пользовался особенными правами, которыя дѣлали его начальникомъ цѣлаго округа со многими монастырями и приходскими церквями. Такимъ образомъ, Слуцкій архимандритъ, бывшій духовнымъ пастыремъ многочисленнаго собранія православныхъ русскихъ людей, занималъ положеніе, подобное уже извѣстному намъ положенію Виленскаго старшаго. Въ виду этого на должность Слуцкихъ архимандритовъ Кіевскіе архипастыри избирали обыкновенно иноковъ съ выдающимися умственными и нравственными способностями и обладавшихъ особенными достоинствами.

По смерти архимандрита Ѳеодосія Волкевича, съ дѣятельностію котораго мы уже знакомы по прежъ-

нимъ разсказамъ, въ 1732 году архіепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ на должность Слуцкаго архимандрита былъ опредѣленъ Іосифъ Оранскій, послѣ предварительнаго избранія его всѣмъ Слуцкимъ православнымъ духовенствомъ и Преображенскимъ братствомъ и по полученіи согласія на это избраніе отъ владѣтельнаго Слуцкаго князя Іеронима Радзивилла [85]). Іосифу Оранскому Богъ привелъ впослѣдствіи много потрудиться на пользу всей вообще православной церкви въ Польшѣ въ качествѣ главнаго члена особой коммиссіи, которая предполагалась для разбора всѣхъ жалобъ православныхъ на своихъ обидчиковъ и для удовлетворенія ихъ во всѣхъ нанесенныхъ имъ обидахъ. Сейчасъ мы разсмотримъ дѣятельность Іосифа Оранскаго, какъ архимандрита Слуцкаго и защитника православнаго духовенства и населенія Слуцкой архимандріи.

Съ первыхъ же дней служенія Іосифа Оранскаго въ должности Слуцкаго архимандрита начались для него большія непріятности, вслѣдствіе притѣсненія отъ противниковъ православія. Еще при прежнихъ архимандритахъ, во время непріятельскихъ нашествій, всѣ документы Слуцкой архимандріи, которыми доказывались права ея на владѣніе разными имуществами, въ видахъ бо́льшей сохранности, были переданы въ архивъ владѣтельныхъ князей Слуцка. Между тѣмъ, какъ только Іосифъ Оранскій явился въ Слуцкъ, отъ него потребовали, чтобы онъ представилъ всѣ т. н. фундушевыя записи, данныя монастырю еще древними Слуцкими князьями Олельковичами. Въ случаѣ непредставленія документовъ, архимандриту грозили, что у монастыря будутъ отобраны всѣ земли, которыми онъ, по словамъ Іосифа Оранскаго, безпрепятственно владѣлъ впродолженіи 300 и болѣе

лѣтъ. Іосифъ Оранскій, познакомившись съ дѣломъ и допросивъ знающихъ свидѣтелей передачи монастырскихъ документовъ въ княжескій архивъ, заявилъ объ этомъ князю, но ему отвѣчали, что „такихъ документовъ въ архивѣ не имѣется“. Іосифъ Оранскій оказался въ безпомощномъ положеніи, о чемъ и поспѣшилъ извѣстить своего начальника—Кіевскаго архипастыря [86]).

Между тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ, находившихся въ вѣдѣніи Слуцкаго архимандрита, начались сильныя и жестокія преслѣдованія православныхъ. Такъ, въ томъ же 1733 г. въ селѣ Заблудовѣ болѣе 60 человѣкъ православныхъ насильственнѣйшимъ образомъ были обращены въ унію. Такъ же точно насильственно въ самомъ Слуцкѣ погостъ воскресенскій былъ присоединенъ Слуцкимъ уніатскимъ парохіаномъ къ уніатскому николаевскому приходу, равно какъ безъ всякаго права былъ отнятъ погостъ у православной церкви св. Григорія.

Такія насилія заставили Іосифа Оранскаго искать защиты у представителя русскаго правительства въ Варшавѣ. Въ началѣ 1739 года онъ обратился съ просьбою о томъ къ русскому послу гр. Левенвольду. Въ своей жалобѣ онъ, кромѣ перечисленныхъ нами сейчасъ недавнихъ насилій надъ православными въ Слуцкомъ округѣ, разсказываетъ еще о слѣдующихъ событіяхъ подобнаго рода, имѣвшихъ мѣсто прежде, до прибытія Іосифа Оранскаго въ Слуцкъ. Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ прокураторъ Слуцкой коллегіи Рачинскій причинилъ разныя мученія священнику воскресенской церкви въ Слуцкѣ Ѳомѣ Томачевскому. А въ 1732 году староста Копыльскій Янъ Пенскій *затравилъ собаками* почтеннѣйшаго іерея Іоанна Вероботовича. Тому же самому священнику

причинялъ разныя мученія арендаторъ села Бобовки Берковичъ, не допуская его въ приходъ, который онъ желалъ обратить въ унію. [87]).

Въ томъ же 1733 г. шляхтичемъ Комаровскимъ была насильственно обращена въ унію еще одна православная церковь, находившаяся въ вѣдѣніи Слуцкаго архимандрита, именно церковь с. Жбланъ [88]).

Такъ какъ изъ Варшавы не было никакой помощи, то Іосифъ Оранскій лѣтомъ 1735 года, кажется, отправлялся самъ лично въ Кіевъ, гдѣ подробно докладывалъ архіепископу Рафаилу Заборовскому о чрезвычайно тягостномъ положеніи православія и русской народности въ Слуцкомъ краѣ и просилъ у него совѣта и помощи [89]).

Архіепископъ Рафаилъ Заборовскій убѣждалъ Іосифа Оранскаго отстаивать, сколько возможно, интересы православной церкви и обращаться въ особенно важныхъ случаяхъ за помощью къ русскому послу въ Варшавѣ. Онъ, кромѣ того, самъ написалъ гр. Левенвольду, нашему послу въ Варшавѣ, причемъ просилъ его обратить вниманіе на жалкое положеніе православно-русскаго духовенства и народа въ Польшѣ и защитить его, на основаніи польскихъ правъ и договоровъ Россіи съ Польшею, отъ великихъ преслѣдованій и обидъ. На этомъ основаніи и архимандритъ Іосифъ Оранскій 23 мая 1736 г. просилъ гр. Левенвольда о томъ же самомъ, причемъ письмо свое на этотъ разъ онъ передавалъ чрезъ русскаго дворянина Іоанна Гулевича, котораго рекомендовалъ нашему послу, какъ великаго и убѣжденнаго ревнителя православной вѣры. Гулевичъ, по просьбѣ архимандрита Іосифа Оранскаго, имѣлъ словесно и обстоятельно изложить послу какъ самыя обиды, какія терпѣли православные въ Слуцкѣ, такъ и ихъ желанія [90]). Къ

сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, насколько успѣшна была миссія Гулевича. Скорѣе всего, можно думать, она прошла безслѣдно. Объ этомъ говорятъ ясно вскорѣ послѣ того совершившіяся въ Слуцкѣ событія.

Въ 1737 году въ с. Грабовѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Тамъ была православная церковь, находившаяся въ вѣдѣніи священника воскресенской Петраковской (въ Петраковѣ же была и протопопія, подчиненная Слуцкому архимандриту) церкви. И вотъ въ 1737 г. уніатскій плебанъ въ Петраковѣ Іосифъ Василевскій захватилъ силою Грабовскую церковь, посадилъ тамъ своего уніатскаго священника и всѣхъ грабовскихъ прихожанъ объявилъ уніатами. Архимандритъ Іосифъ Оранскій, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же написалъ плебану Василевскому, съ требованіемъ возвратить захваченную церковь православнымъ. Но плебанъ Василевскій не только церкви не возвратилъ, но даже и не отвѣтилъ ничего архимандриту.

Въ томъ же самомъ 1737 году сгорѣла православная церковь въ м. Рубежевичахъ. Благодаря усердію мѣстнаго приходскаго священника, который пожертвовалъ для храма свой собственный срубъ, церковь, при участіи прихожанъ, скоро была построена. Но когда православные уже собирались освятить ее, неожиданно явился Кейдановскій плебанъ Ѳома Стацевичъ для того, чтобы отъ имени Виленскаго католическаго бискупа объявить запрещеніе православнымъ жителямъ м. Рубежевичъ строить новый храмъ вмѣсто погорѣвшаго. Увидѣвъ же, что новая церковь уже почти совершенно готова, онъ бросился къ Рубежевицкому арендатору и, взявъ съ

собою людей, до основанія построенную церковь разорилъ и дерево велѣлъ порубить на куски. Архимандритъ Іосифъ Оранскій пытался было помочь православнымъ Рубежевицкимъ жителямъ въ этомъ дѣлѣ мѣстными средствами, но совершенно безуспѣшно. Слуцкая владѣтельная княгиня отвѣтила архимандриту, что она не препятствуетъ строить церковь въ Рубежевичахъ, но не желаетъ изъ-за этого и подъ клятву попасть, такъ какъ бискупъ сильно интересуется этимъ дѣломъ. „Просите себѣ бискупа“, сказала княгиня архимандриту, „я вамъ напишу даже и рекомендательное письмо.“ И, дѣйствительно, Слуцкая княгиня писала Виленскому бискупу, котораго архимандритъ Іосифъ Оранскій просилъ о возвращеніи Грабовской и построеніи Рубежевицкой православныхъ церквей, но бискупъ отвѣтилъ на это, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Іосифъ Оранскій, потерявъ всякую надежду добиться чего либо у посла Левенвольда, обратился съ просительнымъ письмомъ къ русскому резиденту въ Варшавѣ Голембіовскому. Прося у него помощи въ дѣлѣ Гробовской и Рубежевицкой церквей, архимандритъ Іосифъ Оранскій безплодно взывалъ къ свободѣ вѣроисповѣданій и конституціи, которою любили хвалиться на словахъ поляки. „Какая же это свобода вѣроисповѣданія“, писалъ онъ, „столько разъ дозволенная намъ сеймами Рѣчи Посполитой, когда у насъ готовую церковь насильно отнимаютъ, а другихъ не дозволяютъ поправлять? И что жъ то за сила недавно подтвержденнаго привилея нынѣ счастливо царствующаго короля Августа третьяго, государя нашего милостиваго, когда и чернила подписи его еще не засохли на его привилею, а тутъ уже противорѣчатъ ему?“ [91])

Голембіовскій написалъ отъ себя письмо Виленскому бискупу, которое и вручилъ посланнымъ отъ Слуцкаго архимандрита. Этотъ послѣдній снарядилъ нарочитое посольство изъ своихъ монаховъ къ Виленскому бискупу, которому отправили письмо резидента Голембіовскаго, причемъ и самъ просилъ о справедливомъ рѣшеніи дѣла по поводу Грабовской и Рубежевицкой православныхъ церквей. Виленскій бискупъ поступилъ неискренно и недобросовѣстно: на словахъ онъ заявилъ посланнымъ Іосифа Оранскаго, что онъ совершенно напрасно безпокоилъ его, такъ какъ онъ никогда не запрещалъ строить церковь въ Рубежевичахъ, а въ письмѣ говорилъ совсѣмъ другое, что онъ, будто бы, еще не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о происшедшемъ въ Рубежевичахъ, причемъ совѣтовалъ Слуцкому архимандриту привлечь уніатскихъ плебановъ къ суду. Но Іосифъ Оранскій совершенно вѣрно разсуждалъ, что ему нельзя было такъ поступать, такъ какъ пришлось бы имѣть дѣло съ тѣми, на кого жалуешься. Поэтому, онъ снова просилъ защиты и поддержки у Голембіовскаго [92]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Іосифъ Оранскій возбудилъ общее дѣло о безпрепятственномъ построеніи и возобновленіи православными своихъ храмовъ и объ отмѣнѣ всѣхъ запрещеній и стѣсненій, существовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ такомъ смыслѣ онъ составилъ особые пункты, въ которыхъ изложилъ желанія и нужды православныхъ русскихъ жителей Польши. Пункты эти онъ переслалъ Варшавскому капеллану іеромонаху Сильвестру Каховскому, котораго просилъ передать ихъ русскому послу и просить этого послѣдняго, чтобы онъ на предстоявшемъ сеймѣ пред-

ложилъ ихъ польскому правительству и поддержалъ просьбы православныхъ. Но и здѣсь дѣло православныхъ окончилось неудачею. Сильвестръ Каховскій 21 апрѣля 1739 г. писалъ Слуцкому архимандриту Іосифу Оранскому, что присланные ему пункты онъ въ свое время вручилъ послу, который, съ своей стороны, передалъ ихъ секретарю. Но, не смотря на всѣ старанія Сильвестра Каховскаго, дѣло не могло имѣть успѣха уже по одному тому, что и самый предполагавшійся сеймъ польскій не состоялся. Сами же министры польскіе, по словамъ Каховскаго, не рѣшились дать позволеніе православнымъ возобновлять церкви въ Слуцкомъ княжествѣ на томъ, будто бы, основаніи, что Слуцкая княгиня была почти владѣтельною удѣльною *княгинею* и потому они не пожелали пойти противъ нея. Сильвестръ Каховскій утѣшалъ Іосифа Оранскаго только тѣмъ, что обѣщалъ просить нашъ св. синодъ, чтобы онъ снова возбудилъ сильное ходатайство за православныхъ предъ польскимъ дворомъ чрезъ нашего посла [93]).

Но такія обѣщанія давали мало утѣшенія и успокоенія, потому что горькая дѣйствительность слишкомъ чувствительно давала знать о себѣ православнымъ жителямъ Слуцкой области. Вскорѣ послѣ того, напр., 15 іюня 1739 года Виленскій бискупъ Михаилъ Зѣнкевичъ получилъ отъ Слуцкаго плебана ложное извѣстіе, что, будто бы, православные жители Слуцка устроили новую церковь въ Царовцахъ, а другія двѣ церкви—воскресенскую приходскую и въ женскомъ ильинскомъ монастырѣ—собирались поправлять, издалъ строгій приказъ на имя всѣхъ правовѣрныхъ католиковъ своей епархіи—духовныхъ и мірскихъ. Въ этомъ своемъ приказѣ (ингибиціи) онъ запретилъ дозволять православнымъ строить или починять свои

церкви, а всѣхъ виновныхъ въ нарушеніи этого его запрещенія онъ велѣлъ привлечь къ его епископскому суду [94]).

Архимандритъ Іосифъ Оранскій сообщилъ своему архипастырю полную копію бискупскаго запрещенія, причемъ подробно описывалъ ему и другія несносныя обиды и притѣсненія, какія дѣлались надъ православными въ Слуцкой области. Свои жалобныя писанія архимандритъ Іосифъ Оранскій заканчивалъ, между прочимъ, слѣдующими словами: „Насъ обвинилъ Слуцкій плебанъ совершенно напрасно. Въ Царовцахъ православные не строили церкви, но только послѣ того, какъ сгорѣла церковь, они на ея мѣстѣ поставили каплицу для того, чтобы не отняли у нихъ католики и мѣста и приходъ, поставивъ тамъ свой крыжъ. Обветшавшую воскресенскую церковь только подважили для того, чтобы поправить фундаментъ. Въ женскомъ монастырѣ православные колокольню, а не церковь собирались исправлять. Злоба противниковъ приводитъ насъ къ постоянному плачу. Жидамъ школы и татарамъ мечети не только старыя исправлять, но и новыя на новыхъ мѣстахъ строить позволяютъ, а намъ, православнымъ, отъ начала христіанства въ этомъ государствѣ имѣющимъ права на свободное исповѣданіе своей вѣры, запрещаютъ исправить не только церковь, но и колокольню“ [95]).

Запрещеніе православнымъ починять старыя и строить новыя церкви, помимо нравственнаго ущерба, соединено было еще и съ другими важными неудобствами для нихъ. Дѣло въ томъ, что монастырскія и приходскія земли и другія недвижимыя имущества были записаны въ дарственныхъ грамотахъ и другихъ документахъ на имя самихъ монастырскихъ и приходскихъ храмовъ. Поэтому, если только храмъ

не возобновлялся, то сосѣдніе владѣльцы изъ числа католиковъ старались обыкновенно завладѣть имуществами, записанными на тотъ или другой православный храмъ. Такое именно дѣло имѣлъ Іосифъ Оранскій и въ своемъ Слуцкомъ монастырѣ. Здѣсь была древняя каменная церковь во имя св. Троицы, построенная еще князьями Олельковичами. Въ началѣ XVII в. онъ былъ разоренъ во время непріятельскаго нашествія. 20 декабря 1720 года, по стараніямъ архимандрита Ѳеодосія Волковича, король Августъ II разрѣшилъ православному духовенству и населенію Слуцка обновить эту церковь [96]). Но при Ѳеодосіи Волковичѣ церковь была достроена только по окна. А затѣмъ перемѣнились владѣльцы Слуцкаго княжества, причемъ новые владѣльцы князья Радзивиллы объявили Іосифу Оранскому, чтобы онъ не только не достраивалъ церкви, но даже и одного камня не смѣлъ положить. Какъ ни старался архимандритъ Іосифъ Оранскій, сколько ни просилъ онъ и Кіевскаго архипастыря и представителей русскаго правительства въ Варшавѣ о помощи ему въ этомъ дѣлѣ, ему никакъ не удалось добиться отмѣны жестокаго и несправедливаго запрещенія. Церковь стояла недостроенная и постепенно разрушалась. Архимандритъ Іосифъ Оранскій серьезно опасался, что князья Радзивиллы могли отобрать у монастыря и тѣ земли, какія были записаны на троицкую церковь [97]).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Преслѣдованія православныхъ на Подляшьѣ въ Плоцкѣ, Витебскѣ и др. мѣстахъ Западной Руси:

Мы видѣли, какія преслѣдованія и обиды терпѣли православные въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и Слуцкой области. Но здѣсь православно-русское населеніе имѣло хоть какую либо защиту. Оно, по крайней мѣрѣ, могло сообщать Кіевскому архипастырю и представителямъ русскаго правительства о своихъ обидахъ и притѣсненіяхъ. Съ другой стороны, въ этихъ мѣстахъ и сами католики и уніаты вели себя хоть сколько-нибудь сдержанно въ отношеніи къ православнымъ, потому что боялись отвѣтственности за свои дѣйствія, насколько, разумѣется, отвѣтственность и боязнь ея существовала въ Польшѣ въ XVIII в. Но были такія глухія мѣстности въ Польшѣ, съ русскимъ православнымъ населеніемъ, гдѣ не могло быть и рѣчи о защитѣ гонимыхъ русскихъ, равно какъ и о боязни отвѣтственности за ихнія обиды, сдѣланныя имъ. Здѣсь существовалъ полнѣйшій произволъ въ отношеніи къ русскимъ православнымъ людямъ, и эти послѣдніе здѣсь были въ полномъ смыслѣ слова беззащитны. Они это и чувствовали и сознавали, и потому кротко и безропотно переносили всякія оскорбленія, обиды и преступленія. Только изрѣдка, при

какихъ либо исключительныхъ обстоятельствахъ, притомъ всегда съ величайшими предосторожностями и въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ они осмѣливались дать знать о своемъ тяжкомъ положеніи русскому правительству и просить у него помощи. Но тѣмъ болѣе дороги для насъ эти голоса русскихъ православныхъ страдальцевъ.

На самой западной окраинѣ Западной Руси, на границѣ съ собственно польскою („ляшскою“) землею, по р. Бугу расположена была мѣстность, называвшаяся *подляшьемъ*. Мѣстность эта была малоплодородная, изобилова́ла болотами и была населена преимущественно бѣдными жителями преимущественно смѣшаннаго происхожденія. Было здѣсь и русское населеніе, среди котораго съ давнихъ временъ пріютились и православныя монашескія обители. Положеніе этихъ послѣднихъ и прежде, и въ разсматриваемое нами время было самое безотрадное.

Вотъ какъ простыми и незатѣйливыми словами описывали свое положеніе сами иноки этихъ монастырей въ своей челобитной, поданой 29 мая 1729 г. императору Петру II іеромонахомъ Брестскаго монастыря Тимоѳеемъ Куракинымъ. „Въ польскомъ королевствѣ,“ такъ начинаютъ свою жалобную челобитную монахи, „въ великомъ княжествѣ литовскомъ, въ городѣ Брестѣ находится монастырь преподобнаго Симеона Столпника. Въ этомъ монастырѣ былъ славный почитаемый и блаженный игуменъ Аѳанасій, который за святое православіе пострадалъ отъ богомерзкихъ ляховъ и уніатовъ. Мощи его нетлѣнныя и доселѣ почиваютъ въ монастырѣ [98]). И какъ въ древности, такъ и теперь нечестивые ляхи и уніаты преслѣдуютъ насъ даже до смерти, желая своею враждебною рукою окончательно искоренить святое

православіе и превратить его на свою богомерзкую унію. Съ этою цѣлію они преслѣдуютъ нашу святую Брестскую обитель и подчиненныя ей: Бѣльскую николаевзкую, Яблоченскую онуфріевскую, Дрогочинскія—спасскую и троицкую, которыя процвѣтаютъ здѣсь, какъ пшеница среди тернія. Какъ волки, преслѣдуютъ нечестивые ляхи и уніаты насъ, какъ агицевъ, насильно похищаютъ овецъ нашей православной церкви и въ свою богомерзкую унію обращаютъ. И отъ того ихъ насилія, обидъ и наруганій православнымъ обителямъ, находящимся въ здѣшней странѣ, безъ протекціи вашего императорскаго величества невозможно удержаться въ своей вѣрѣ". Челобитная подляшскихъ иноковъ заканчивалась слѣдующимъ слезнымъ прошеніемъ: „всемилостивѣйшій государь! слезно просимъ ваше императорское величество, изволь повелѣть написать полномощную грамоту вашего императорскаго величества къ его королевскому величеству польскому и Рѣчи Посполитой и къ послу вашего императорскаго величества, находящемуся при его королевскомъ величествѣ, о защитѣ нашей, о нашихъ бѣдствіяхъ, чтобы наши святыя православныя обители мерзостію не запустѣли и мы, какъ овцы волками, не были расхищены."

Въ подтвержденіе своихъ словъ, подляшскіе монахи разсказывали цѣлый рядъ насилій и преслѣдованій, какимъ подвергались православные монастыри и жители подляшья.

Такъ, напр., однажды въ 1724 году православные жители Бреста хоронили одного своего единовѣрца. Когда погребальная процессія шла мимо уніатскаго монастыря, то оффиціалъ Литвинскій вмѣстѣ съ своими людьми взлѣзъ на колокольню и началъ

оттуда бросать камнями и дрекольями въ процессію. Всѣ православные люди разбѣжались и остались только священники. Одному священнику уніаты перебили камнемъ руку, такъ что онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не могъ владѣть ею. Вообще противники православныхъ не давали этимъ послѣднимъ погребать тѣлъ своихъ умершихъ по обрядамъ своей церкви, для совершенія исповѣди и браковѣнчанія привлекали православныхъ къ себѣ силою. Нѣкоторыя деревни, принадлежавшія Брестскому монастырю и населенныя православными, отобрали уніаты себѣ, „такъ какъ мы“, замѣчали о себѣ челобитчики, „самые убогіе люди и не можемъ имъ сопротивляться и ни откуда не имѣемъ никакой помощи.“

Въ Дрогичинѣ однажды іезуитскіе студенты напали на погребальную процессію православныхъ, тѣло мертвое бросили въ болото, людей, сопровождавшихъ процессію, избили, свѣчи поломали, хоругви и кресты забрали и больше полугода держали у себя, священниковъ также избили и ризы на нихъ подрали, такъ что они простоволосыми должны были убѣгать и спасаться въ монастырѣ. Въ другой разъ (въ 1734 году) іезуитскіе студенты напали на іеромонаховъ Дрогичинскаго монастыря, сопровождавшихъ тѣло умершаго, били ихъ, драли за волосы, вырывали бороды и забрали насильно хоругви и ризы.

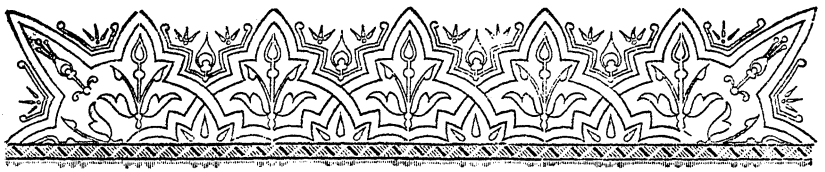
Въ 1732 году православные жители Дрогичина устроили процессію для освященія воды на рѣкѣ въ день Богоявленія. Во время самой церемоніи водоосвященія іезуитскіе студенты, по наущенію своего начальника, бросили мертвую гнилую собаку въ воду; тоже самое они продѣлали и въ праздникъ Успенія Богоматери.

Однажды въ 1733 г. іезуитскіе студенты напали на православныхъ дрогичинскихъ монаховъ во время чтенія псалтири надъ умершимъ, бросали въ нихъ камнями, окна въ домѣ, гдѣ лежалъ умершій, побили, едва людямъ головъ не проломили и въ заключеніе всего не пустили нести тѣло умершаго въ церковь троицкаго монастыря.

Одинъ разъ въ Дрогичинѣ имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе, особенно краснорѣчиво характеризующее отношеніе католиковъ къ мѣстному православному населенію. Шла по городу погребальная православная процессія. Начальникъ іезуитской коллегіи Ушинскій посылаетъ своихъ студентовъ, съ приказаніемъ разогнать процессію. Студенты напали на православныхъ, мертвое тѣло опрокинули, свѣчи, бывшія въ рукахъ братчиковъ, повырывали („24 свѣчи, каждая вѣсомъ въ 2 фунта“, прибавляли жалобщики) и отослали въ свой іезуитскій костелъ, схвативъ хоругвь и, оторвавши отъ нея древко и крестъ, били ими людей и наругались надъ самымъ изображеніемъ Господа Іисуса Христа, рѣзали его ножами и кололи, приговаривая: „почему жъ ты, схизматицкій Боже, не мстишь за Свою обиду?“ Затѣмъ долго еще они по рынку таскали хоругвь и крестъ, всячески издѣваясь надъ ними, такъ что православные едва только ночью могли розыскать и собрать клочки изодранной хоругви. Монахи, сопровождавшіе процессію, отъ страха убѣжали и скрылись въ погребѣ, гдѣ и просидѣли цѣлый день. Сдѣлавши все это, начальникъ іезуитовъ пошелъ въ городское управленіе и заявилъ протестацію на православныхъ въ томъ, что они смѣютъ устраивать погребальныя процессіи, а отъ православныхъ протестаціи не захотѣли совсѣмъ принять.

Въ Яблоченскомъ монастырѣ католики производили подобныя же насилія надъ православными: насильно отобрали на унію четыре приходскихъ храма, которые были приписаны къ монастырю, насильно приводили православныхъ къ исповѣди, одного 30-ти лѣтняго „хлопца“, крещеннаго въ Яблоченскомъ монастырѣ, насильно перекрестили по своему обряду, многихъ, состоявшихъ въ бракѣ, вѣнчали вновь и т. п. Въ 1727 году католики совсѣмъ хотѣли было отобрать Яблоченскій монастырь на унію и только едва-едва православные монахи и братство успѣли отстоять свою обитель [99]).

Подобныя же насилія надъ православными производились въ другихъ мѣстахъ Западной Руси, напр., въ Полоцкѣ и Витебскѣ [100]), Бѣльскѣ, Пинскѣ и др. Въ Бѣльскѣ, напр., публично было запрещено православнымъ совершать какія бы то ни было процессіи, вслѣдствіе чего многіе православные вынуждены были перемѣнить свой законъ на уніатскій [101]). А въ Пинскѣ здѣшній староста Владиславъ Ельскій, сговорившись съ уніатскимъ епископомъ Ѳеофиломъ Годебскимъ, препятствовалъ всячески богоявленскому монастырю возстановить свои документы, которые сгорѣли во время пожара [102]).



ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Способы и средства, какими западно-руссы защищали свою вѣру и народность.

Сильны и тяжки были преслѣдованія, какимъ подвергались православные западно-руссы за свою вѣру и народность въ разсматриваемое нами время. А между тѣмъ они теперь были еще болѣе беззащитны, чѣмъ прежде.

Не было теперь у православныхъ западно-руссовъ ни сильнаго и вліятельнаго православнаго дворянства, которое бы могло защищать ихъ интересы на сеймикахъ и главныхъ сеймахъ. Не осталось у нихъ къ этому времени ни одной болѣе или менѣе важной школы, гдѣ бы молодое поколѣніе русскихъ людей могло воспитываться въ правилахъ родной вѣры и въ любви къ своей народности. Не было теперь у православныхъ западно-руссовъ и такихъ опытныхъ и знающихъ польскіе законы и права дѣятелей, которые бы могли давать имъ совѣты и руководственныя указанія въ безконечныхъ процессахъ, какіе они вынуждены были постоянно вести съ своими обидчиками, отстаивая свое послѣднее достояніе — храмы Божіи и ихъ имущества.

Чѣмъ же, какими средствами и способами защищались теперь православные въ борьбѣ съ своими преслѣдователями?

Чаще всего православные западно-руссы и теперь, какъ прежде, искали помощи и защиты у правительства единовѣрной Россіи. Къ сожалѣнію, какъ можно было видѣть это и изъ нашихъ предыдущихъ разсказовъ, русское правительство со времени смерти Петра I не оказывало уже такой сильной защиты православнымъ западно-руссамъ, какую они имѣли при Петрѣ I. Преемники этого послѣдняго и сами не всегда прочно чувствовали себя на престолѣ и къ тому же не понимали всей сущности и важныхъ отношеній Россіи къ православнымъ подданнымъ Польши. Иногда своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ во внутреннія отношенія православныхъ западно-руссовъ, съ нарушеніемъ основныхъ требованій польскаго права и законодательствъ, наше правительство приносило даже вредъ вмѣсто пользы дѣлу православія и русской народности въ Западной Руси, какъ это было, напр., при избраніи и отправленіи въ Могилевъ Арсенія Берла на мѣсто умершаго Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго.

Вліянію Россіи на дѣла православія и русской народности въ Западной Руси въ разсматриваемое нами время сильно вредилъ еще неудачный выборъ представителей русскаго правительства въ Варшавѣ—посланниковъ и резидентовъ. Большей частію они въ это время избирались изъ среды лицъ иностраннаго происхожденія (Вейсбахъ, Кейзерлингъ, Левенвольдъ, Голембіовскій и др.) и притомъ неправославнаго вѣроисповѣданія. Понятно, что подобные представители русскаго правительства въ Польшѣ рѣшительно не понимали тѣхъ жалобъ и просьбъ, съ какими постоянно обращались къ нимъ православные жители Польши, тѣмъ болѣе, что и самыя полити-

ческія отношенія Россіи къ Польшѣ были имъ часто совершенно неизвѣстны. Обстоятельства измѣнились нѣсколько къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ, по иниціативѣ Виленскаго старшаго Амвросія Юшкевича, посредникомъ въ сношеніяхъ православныхъ западно-руссовъ съ русскимъ посланникомъ въ Польшѣ былъ сдѣланъ нашъ капелланъ, т. е. посольскій іеромонахъ въ Варшавѣ[103]). Іеромонахъ Сильвестръ Коховскій, служившій въ данное время въ Варшавѣ капелланомъ, былъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ помощниковъ и совѣтниковъ для православныхъ жителей Западной-Руси.

Были въ это время и братства въ Западной-Руси, хотя они дѣйствовали теперь не съ такою уже энергіею и—главное—не съ такимъ единодушіемъ, какъ прежде. Самымъ главнымъ изъ числа западно-русскихъ православныхъ братствъ оставалось Виленское св. духовское братство. Оно принимало дѣятельное участіе въ жизни своего св. духовскаго монастыря, а чрезъ него простирало свое доброе вліяніе и на другія обители и на все вообще православно-русское населеніе Литовскаго края. Въ сношеніяхъ Виленскаго старшинства съ русскимъ правительствомъ св. духовское Крестоносное братство всегда выступало рядомъ съ монашескою братіей[104]). Сохранились и продолжали свою дѣятельность на пользу православія и русской народности также Могилевское богоявленское и Слуцкое преображенское братства. Могилевское братство, къ которому принадлежали знатнѣйшіе граждане Могилева, ревниво оберегало свою ставропигію и связанныя съ нею права, между прочимъ, и право непосредственной зависимости отъ Кіевскаго митрополита[105]). Въ тоже самое время оно, равно какъ и Могилевское преображенское братство принимали

живое участіе во всѣхъ выдающихся событіяхъ мѣстной православной церкви, напр., въ выборахъ Бѣлорусскаго епископа, Слуцкаго архимандрита [106]) и т. п. Изъ прочихъ западно-русскихъ православныхъ братствъ наибольшую энергію проявило Пинское, которое получило теперь подтвержденіе своего устава отъ кіевскаго архипастыря, и Минское петропавловское, хотя дѣятельность ихъ сосредоточивалась главнымъ образомъ на заботахъ о монастыряхъ, подъ покровомъ которыхъ они существовали.

Важную помощь православнымъ западно-руссамъ, терпѣвшимъ сильныя преслѣдованія и гоненія отъ католиковъ и уніатовъ, оказывали еще кіевскіе архипастыри, подъ духовною властію которыхъ находилась по прежнему вся православная церковь, остававшаяся въ предѣлахъ польско-литовскаго государства. Особенно мы должны сказать это относительно архіепископа (впослѣдствіи митрополита) Рафаила Заборовскаго. Онъ съ большимъ умѣніемъ обыкновенно выбиралъ людей для опредѣленія на отвѣтственныя должности Слуцкихъ архимандритовъ, Виленскихъ старшихъ и игуменовъ другихъ православныхъ монастырей. Съ другой стороны, онъ, видимо, умѣлъ руководить всѣхъ этихъ представителей западно-русской православной церкви въ ихъ защитѣ православія и русской народности отъ преслѣдованій со стороны враговъ. Наконецъ, онъ всегда охотно и притомъ въ сильныхъ выраженіяхъ возбуждалъ ходатайства предъ св. синодомъ и русскимъ правительствомъ о разныхъ нуждахъ западно-русскихъ православныхъ людей.

Необходимо упомянуть еще и о томъ, что Кіевская Академія какъ прежде, такъ и теперь продолжала свою высокую историческую службу на пользу

православія и русской народности въ Западной Руси. Кіевская Академія, прежде всего, давала въ своихъ стѣнахъ пріютъ всѣмъ „заграничнымъ“ юношамъ, т. е. сыновьямъ заграничныхъ священниковъ и другихъ православныхъ жителей Западной Руси. Всѣ они охотно принимались въ Кіевской Академіи и здѣсь получали образованіе въ истинномъ духѣ православной вѣры и русской народности. Съ другой стороны, Кіевская Академія въ лицѣ своихъ питомцевъ доставляла Западной Руси самыхъ главныхъ борцевъ за православіе и русскую народность, напр., Іосифа и Іеронима Волчанскихъ, Іосифа Оранскаго, Амвросія Юшкевича и др.

Но самою главною опорою для православныхъ западно-руссовъ въ ихъ борьбѣ за вѣру и народность служили и теперь, какъ и прежде, все таки глубокая любовь и непоколебимая преданность ихъ своей отеческой вѣрѣ и своей народности. Безъ этого главнаго условія были бы безполезны всѣ прочіе способы и средства борьбы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Западная Русь въ годы царствованія въ Россіи императрицы Елизаветы Петровны.

(1741—1761 г.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая характеристика положенія православнаго западно-русскаго населенія Польши въ годъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Годы царствованія въ Россіи императрицы Елизаветы Петровны составляютъ, безъ сомнѣнія, особенную эпоху въ исторіи борьбы многострадальной Западной Руси за свою вѣру и народность. Хотя перемѣна правленія въ Россіи была внѣшнимъ событіемъ по отношенію къ борьбѣ Западной Руси за свои религіозныя и человѣческія права, но тѣмъ не менѣе, благодаря преобладающему вліянію, какое пріобрѣла къ данному времени Россія на свою сосѣдку—Польшу, эта перемѣна могла имѣть, при извѣстныхъ условіяхъ, и, дѣйствительно, имѣла рѣшающее и опредѣляющее значеніе для положенія православнаго западно-русскаго населенія Польши при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Какъ дочь Петра I, какъ убѣжденная русская патріотка и, наконецъ, какъ женщина глубоко религіозная[107]), императрица Елизавета Петровна не могла не обратить самаго серьезнаго вниманія на положеніе православнаго русскаго народа въ сосѣднемъ государствѣ, которое было связано съ Россіею союзными договорами и на которое Россія могла оказывать желательное воздѣйствіе. И, дѣйствительно, императрица Елизавета, какъ только познакомилась съ истиннымъ положеніемъ православно русскаго населенія Польши, начала принимать всякія возможныя мѣры и прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы облегчить бѣдствія своихъ единовѣрныхъ подданныхъ польско-литовскаго государства.

Ознакомленію императрицы Елизаветы Петровны съ истиннымъ положеніемъ западно-русскаго православнаго населенія Польши содѣйствовалъ нашъ св. синодъ. Св. синодъ теперь и самъ впервые могъ узнать подлинную истину о состояніи православно-русскаго дѣла въ Польшѣ и о положеніи остатковъ православной русской церкви, находившейся въ польско-литовскомъ государствѣ. Этому способствовало слѣдующее благопріятное обстоятельство. Въ средѣ членовъ св. синода въ первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны явились такіе архипастыри, какъ напр., Новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, или Московскій архіепископъ Іосифъ Волчанскій. Оба они служили раньше въ Западной Руси—одинъ въ должности старшаго игумена Виленскаго св. духовскаго монастыря[108]), а другой въ санѣ Бѣлорусскаго (Могилевскаго) епископа[109]). Оба они, благодаря этому, непосредственно и опытно знали истинное положеніе православно-русской народности и собственными глазами видѣли всѣ тѣ преслѣдованія,

какимъ подвергались русскіе люди въ Польшѣ за свою вѣру и народность, причемъ одинъ изъ нихъ (Амвросій Юшкевичъ) самъ былъ въ числѣ потерпѣвшихъ не только гоненія, но даже и мученія. Наконецъ, оба эти архипастыри, по переселеніи своемъ въ предѣлы Россіи, не прерывали самыхъ живыхъ и непосредственныхъ сношеній съ русскими дѣятелями въ Западной Руси, причемъ у одного изъ нихъ (Іосифа Волчанскаго) родной братъ былъ Бѣлорусскимъ епископомъ. Православные западно-руссы смотрѣли на этихъ двухъ архипастырей, какъ на особенно близкихъ и даже родныхъ себѣ, обращались къ нимъ за помощью во всѣхъ своихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ, постоянно сообщали имъ о всемъ, происходившемъ въ Западной Руси. Понятно, что Амвросій Юшкевичъ и Іосифъ Волчанскій, будучи лично знакомы съ положеніемъ Западной Руси и постоянно получая точныя свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ тамъ, знакомили и остальныхъ членовъ св. синода съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Западной Руси, которая для многихъ изъ нихъ была совершенно невѣдомою страною. Въ тоже самое время Амвросій Юшкевичъ и Іосифъ Волчанскій могли давать и, дѣйствительно, давали истинное освѣщеніе всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя отъ времени до времени возникали въ св. синодѣ по вопросамъ, касавшимся Западной Руси и православнаго населенія ея.

Но этого мало. Съ восшествіемъ на царскій престолъ императрицы Елизаветы Петровны измѣнились отношенія св. синода къ верховной власти. До того времени почти совсѣмъ не было непосредственныхъ сношеній св. синода съ правителями и правительницами русскаго государства. Сношенія эти происходили при посредствѣ или временщиковъ, или дру-

гихъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Понятно, что голосъ высшаго церковнаго правительства, при такихъ условіяхъ не всегда могъ доходить до слуха государя, или государыни въ подлинномъ видѣ.

Императрица Елизавета Петровна, какъ государыня благочестивая и въ высшей степени набожная, относилась съ глубокимъ уваженіемъ и къ св. синоду и была весьма внимательна ко всѣмъ вообще церковнымъ дѣламъ. Св. синодъ получилъ теперь возможность непосредственно доводить до свѣдѣнія государыни о важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и, съ другой стороны, имѣя истинное представленіе о положеніи православнаго населенія Польши, св. синодъ употребилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы обратить вниманіе императрицы на это важное дѣло. Есть основаніе думать, что св. синоду удалось это вполнѣ и, благодаря этому, отношеніе русскаго правительства къ вопросу о положеніи православно-русскаго населенія Польши радикально измѣнилось.

Перемѣна отношеній русскаго правительства къ этому вопросу со времени императрицы Елизаветы Петровны особенно ясно обнаруживается въ слѣдующихъ двухъ направленіяхъ. До того времени всѣми дѣлами, касавшимися православной русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ, завѣдывала у насъ коллегія иностранныхъ дѣлъ. Эта послѣдняя рѣшала всѣ дѣла, возникавшія по данному вопросу, и свои рѣшенія сообщала св. синоду только для свѣдѣнія. Отъ св. синода требовались иногда еще различныя справки по дѣламъ, касавшимся православной церкви въ Польшѣ, опредѣленіе духовныхъ лицъ на различныя іерархическія должности въ Западной Руси и отпускъ денежныхъ средствъ на содержаніе по-

добныхъ лицъ. Такимъ образомъ, св. синодъ въ дѣйствительности былъ почти совершенно устраненъ отъ участія въ рѣшеніи и направленіи дѣлъ, касавшихся православной церкви въ Польшѣ, до царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Пользуясь благопріятнымъ настроеніемъ этой послѣдней, въ отношеніи къ церкви, св. синодъ рѣшился выступить съ протестомъ противъ такого порядка вещей. Св. синодъ, послѣ долгихъ усилій и даже прямой борьбы, добился, наконецъ, того, что государыня приказала коллегіи иностранныхъ дѣлъ сообщать св. синоду точныя свѣдѣнія о дѣлахъ, касавшихся православнаго населенія Польши, и эти свѣдѣнія, принимать во вниманіе при рѣшеніи дѣлъ, а важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ разсматривать и рѣшать въ соединенныхъ собраніяхъ св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Но этого мало. Св. синодъ въ царствованіе Елизаветы Петровны не только успѣлъ отстоять свои законныя права на живое и непосредственное участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся Западной Руси, но и, чувствуя подъ собою прочную почву, рѣшилъ распространить свое вліяніе даже и на такія дѣла по вопросу о положеніи православнаго русскаго населенія Польши, которыя подлежали вѣдѣнію собственно гражданскаго правительства. Должно замѣтить, что со времени кончины императора Петра I, и особенно при Аннѣ Іоанновнѣ, самую бо́льшую ненормальность въ отношеніяхъ нашего правительства къ дѣлу о населеніи Западной Руси составляло то, что агентами нашего правительства въ Польшѣ были лица нерусскаго происхожденія и неправославнаго вѣроисповѣданія. Понятно, что русскіе послы и резиденты въ Варшавѣ изъ среды католиковъ и протестантовъ не

могли быть успѣшными исполнителями распоряженій русскаго правительства по дѣламъ о положеніи православнаго населенія Западной Руси уже по одному тому, что они сами не понимали и не знали сущности этихъ дѣлъ и были совершенно незнакомы съ исторіей края и его отношеній къ Россіи. Тѣ же изъ нихъ, какъ, напр., резиденты Голембіовскій и Ржичевскій, бывшіе не только католиками, но и природными поляками, которые понимали дѣла и были прекрасно знакомы съ исторіею Западной Руси и ея внутреннимъ положеніемъ, нерѣдко дѣйствовали въ явный ущербъ интересамъ православія и русской народности, маскируя свои сомнительные поступки льстивыми словами и широковѣщательными обѣщаніями.

Св. синодъ, близко и хорошо знакомый съ такимъ положеніемъ дѣлъ, открылъ глаза на него и императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ прямо просилъ государыню о назначеніи русскимъ посланникомъ въ Варшаву русскихъ православныхъ людей, которые одни только могли понимать положеніе дѣлъ въ Западной Руси и быть искренними защитниками православно-русскаго населенія въ Польшѣ. Императрица Елизавета Петровна вполнѣ согласилась съ такимъ взглядомъ на дѣло и стала назначать послами въ Польшу преимущественно русскихъ православныхъ людей (Бестужева Рюмина, Волконскаго, Воейкова) и, кромѣ того, за всѣми дѣйствіями своихъ пословъ въ Польшѣ сама слѣдила весьма внимательно, побуждая ихъ своими рѣшительными приказаніями отстаивать интересы православно-русскаго дѣла въ Польшѣ. Такой образъ дѣйствій правительства императрицы Елизаветы Петровны не могъ, разумѣется, не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на положеніи православно-русскаго населенія въ Польшѣ.

Но насколько политическія отношенія Россіи къ Польшѣ въ годы царствованія Елизаветы Петровны были благопріятны для православно-русскаго дѣла въ польскомъ государствѣ, настолько безнадежно печально было внутреннее состояніе этого послѣдняго въ данномъ отношеніи. Во все это время польскимъ королемъ оставался уже извѣстный намъ Августъ III. Онъ систематически избѣгалъ серьезныхъ занятій по управленію государствомъ. Не зная исторіи своего государства и не понимая внутренняго положенія его, король Августъ III не могъ защитить своихъ православно-русскихъ подданныхъ отъ произвола и насилій, хотя бы даже и желалъ того. На всѣ требованія и просьбы русской императрицы Августъ III обыкновенно отвѣчалъ обѣщаніями, которыхъ бо́льшею частію не исполнялъ, потому что не могъ исполнить ихъ. Благодаря полному бездѣйствію высшей правительственной власти, въ странѣ водворился страшнѣйшій хаосъ и настало полное господство произвола и насилія. Слабодушный король, часто и подолгу проживавшій въ родной Саксоніи, былъ совершенно безсиленъ сдѣлать что либо съ польскими магнатами, которые въ своихъ владѣніяхъ распоряжались, какъ хотѣли. Суда и правды обиженнымъ рѣшительно негдѣ было искать. Сеймы обыкновенно срывались и распускались, не сдѣлавъ никакихъ постановленій. Въ 1749 г. былъ совершенно беззаконо прерванъ даже высшій трибуналъ [110]).

Само собою понятно, какъ должно было отразиться подобное состояніе польскаго государства на положеніи православно-русскаго населенія его. Лишенное законной защиты со стороны высшей власти и суда, это послѣднее совершенно отдавалось на волю

богатой владѣльческой шляхты и всего остальнаго польскаго общества — распущеннаго, безпорядочнаго и безпокойнаго въ своей массѣ. Благодаря этому, въ Западной Руси и въ годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны, не смотря на энергичную защиту и представленія ея правительства, не смотря на то, что между русскимъ и польскимъ государствами существовали въ общемъ мирныя и добрыя отношенія, продолжались гоненія и преслѣдованія православныхъ, подобныя тѣмъ, какія мы видѣли раньше. Многіе русскіе православные жители Польши, не имѣя силъ терпѣть эти преслѣдованія, оставляли родныя мѣста и переселялись въ русское государство. Правительство императрицы Елизаветы Петровны охотно принимало гонимыхъ единовѣрцевъ и населяло ими свободныя области южной Россіи. Къ этому именно времени относится одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ заселенія русскими выходцами изъ Польши Лѣвобережья и Слободской Украины.

Единственную свѣтлую точку въ мрачной картинѣ положенія православно-русскаго народа въ Польшѣ въ годы царствованія Елизаветы Петровны составляетъ то, что въ это время среди православнаго населенія Польши являются вполнѣ достойные архипастыри. Іеронимъ Волчанскій и Георгій Конисскій, бывшіе въ годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны Бѣлорусскими епископами, съ честію, съ полнымъ самоотверженіемъ и съ рѣдкимъ умѣньемъ исполняли свое важное служеніе. Они, и особенно второй изъ нихъ, были истинными пастырями ввѣреннаго имъ многострадальнаго стада и достойными руководителями не только Бѣлоруссіи, гдѣ онъ архіерействовалъ, но даже и всей Западной Руси въ борьбѣ за вѣру и народность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заступничество правительства императрицы Елизаветы Петровны за православныхъ западно-руссовъ и сношеніе его съ польскимъ правительствомъ по этому дѣлу.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императрица Елизавета Петровна получила самыя печальныя свѣдѣнія о положеніи православныхъ въ Польшѣ. Русскій посланникъ въ Варшавѣ Кейзерлингъ и резидентъ Голембіовскій доносили императрицѣ, что православные жители Польши, вопреки договорамъ Россіи съ Польшею, подвергаются разнымъ преслѣдованіямъ за вѣру, у нихъ отбираются церкви на унію, имъ запрещается починять ветхіе храмы и строить новые вмѣсто сгорѣвшихъ, ихъ принуждаютъ всякими способами переходить въ унію, причемъ поляки позволяютъ себѣ дѣлать всякія насилія надъ православными до убійствъ включительно. Императрица пожелала знать, что прежде дѣлалось нашимъ правительствомъ для облегченія тяжкой участи православныхъ жителей Польши. Ей сообщили, что наше правительство неоднократно ходатайствовало за православныхъ подданныхъ польско-литовскаго государства, но совершенно безуспѣшно. Поляки не только не прекращали, но современемъ еще болѣе усиливали гоненія на православныхъ. Импера-

трица тогда приказала составить рескриптъ отъ ея имени русскому послу въ Варшавѣ, который и былъ отправленъ къ нему 17 августа 1742 г. Государыня, прежде всего, сослалась на долгъ совѣсти своей, которая побуждала ее, какъ императрицу, русскаго государства, обязавшагося договоромъ о вѣчномъ мирѣ съ Польшею покровительствовать и защищать единовѣрныхъ подданныхъ этой послѣдней, выступить на защиту русскихъ православныхъ людей, которыхъ преслѣдовали за вѣру, отбирали у нихъ храмы и лишали ихъ всѣхъ правъ. Далѣе императрица говорила, что присущее ей человѣколюбіе не позволяетъ ей спокойно видѣть и слышать, какъ ея единовѣрцы въ Польшѣ оскорблялись въ самыхъ священныхъ своихъ чувствахъ, причемъ, помимо грабежей, разоренія и всякихъ неслыханныхъ притѣсненій, ихъ лишали способовъ къ совершенію богослуженія и душевному спасенію. Наконецъ, императрица указывала въ особенности на то, что всѣ подобныя нарушенія союзныхъ договоровъ и требованій чувства человѣколюбія совершались въ Польшѣ именно надъ ея единовѣрцами: „что съ ними, благочестивыми (т. е. православными) происходитъ“, замѣчала при этомъ императрица, „то и ея касается, и она обязана стоять за этихъ людей и ходатайствовать за нихъ“. Руководясь всѣми, указанными сейчасъ соображеніями и побужденіями, императрица Елизавета Петровна повелѣла своему послу въ Варшавѣ собрать всѣ свѣдѣнія о происходившихъ въ Польшѣ преслѣдованіяхъ православныхъ, равно какъ и о всѣхъ прежнихъ представленіяхъ нашего правительства польскому по данному вопросу и затѣмъ отъ имени императрицы „наикрѣпчайше“ потребовать отъ польскаго короля и его министровъ, чтобы

всѣ дѣла, касающіяся православныхъ жителей Польши были внимательно разсмотрѣны и справедливо рѣшены, все, незаконно отнятое у нихъ, было снова возвращено имъ и, наконецъ, имъ предоставлено было пользоваться спокойно всѣми тѣми правами, какія принадлежали имъ по законамъ польскаго государства и союзнымъ договорамъ Польши съ Россіею.

Исполняя это повелѣніе государыни, нашъ посолъ въ Варшавѣ Кейзерлингъ 26 августа и 20 декабря 1742 г. просилъ короля сдѣлать распоряженія и принять мѣры къ прекращенію насилій надъ православными жителями польскаго государства и, сверхъ того, назначить особую коммиссію для разслѣдованія всѣхъ обидъ, когда либо причиненныхъ православнымъ ихъ противниками. Польскій король чрезъ одного изъ своихъ министровъ отвѣчалъ (31 августа 1742 г.) русскому послу, что нунцію папскому былъ отправленъ королевскій указъ, которымъ требуется прекратить притѣсненія и гоненія православныхъ католиками и особенно іезуитами и католическими студентами. Нунцій, будто бы, обѣщалъ писать объ этомъ въ Римъ и выражалъ надежду, что будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ удовлетворенію ходатайства русской императрицы и самыя жалобы православныхъ жителей Польши на свое угнетенное положеніе прекратятся [111]). Какъ можно было и ожидать, на основаніи прежнихъ примѣровъ, подобный отвѣтъ остался простымъ обѣщаніемъ. Въ дѣйствительности, польское правительство не приняло, или, правильнѣе, не могло принять мѣръ не только къ полному прекращенію, но даже и къ ослабленію безчеловѣчныхъ преслѣдованій православныхъ въ Польшѣ. Въ Вильно, Бѣлоруссіи и на Подляшьи былъ совершенъ рядъ жестокихъ насилій надъ православными,

съ отобраніемъ у нихъ монастырей, храмовъ и съ обращеніемъ многихъ въ унію. Не имѣя другой защиты, православные жители Польши обращались съ мольбами о помощи и заступленіи къ русской государынѣ и ея правительству.

Императрица Елизавета Петровна съ необыкновеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ относилась ко всѣмъ такимъ просьбамъ гонимыхъ западно-руссовъ. Тремя рескриптами (19 января, 16 августа и 19 ноября 1743 года) она повелѣвала своему послу въ Варшавѣ довести до свѣдѣнія польскихъ министровъ содержаніе жалобъ православныхъ жителей Польши, обстоятельно познакомить ихъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ ихъ государствѣ, и рѣшительно даже съ угрозою военнаго подкрѣпленія своихъ домогательствъ, притомъ совмѣстно съ другими государствами, требовать прекращенія дальнѣйшихъ преслѣдованій православныхъ жителей Польши.

Римско-католики и уніаты, духовные и свѣтскіе люди, читаемъ въ одномъ изъ этихъ рескриптовъ, не обращая никакого вниманія на договоры и королевскія привиллегіи, допускаютъ такія гоненія и преслѣдованія въ отношеніи къ единовѣрнымъ намъ православнымъ людямъ, какихъ и турки не позволяли себѣ въ своемъ государствѣ относительно христіанъ, дѣлаютъ такія обиды православнымъ и обходятся съ ними такъ жестоко и безчеловѣчно, какъ будто бы люди эти не принадлежали къ христіанскому обществу, службы Божіи ихъ были преступленіемъ, а ихъ монастыри и церкви были какими либо соблазнительными домами. Тоже отношеніе къ православнымъ ясно показываетъ, что католики и уніаты задались цѣлію совершенно уничтожить православную вѣру и русскій народъ въ польскомъ государствѣ. Но такія

дѣйствія католическихъ и уніатскихъ жителей Польши должны считаться ничѣмъ инымъ, какъ прямымъ нарушеніемъ договора о вѣчномъ мирѣ Россіи съ Польшею, явнымъ нарушеніемъ вѣры и закона православнаго исповѣданія и пренебреженіемъ къ ходатайству русской императрицы за своихъ несчастныхъ и бѣдныхъ единовѣрцевъ, что особенно больно и прискорбно было для нашей государыни. Въ виду этого императрица приказывала своему послу, чтобы онъ въ самыхъ сильныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ потребовалъ отъ польскихъ министровъ принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ немедленному прекращенію гоненій на православныхъ и удовлетворенія справедливыхъ желаній и просьбъ этихъ послѣднихъ, особенно же возвращенія насильно и незаконно отнятыхъ у нихъ монастырей и церквей. Имѣя въ виду обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ отговорки польскихъ министровъ, откладывавшихъ дѣла о православныхъ до слѣдующихъ сеймовъ, трибуналовъ и сенатусъ — консиліумовъ, императрица приказывала своему послу требовать отъ польскихъ министровъ, чтобы они теперь же, немедленно приняли дѣйствительныя и рѣшительныя мѣры къ прекращенію безчеловѣчныхъ преслѣдованій православныхъ въ польскомъ государствѣ. Въ противномъ случаѣ, велѣла объявить польскимъ министрамъ, что дальнѣйшее гоненіе на православныхъ она будетъ считать явнымъ и сознательнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ ея хадатайствамъ за своихъ единовѣрцевъ, основаннымъ на взаимныхъ договорахъ, и потому вынуждена будетъ прибѣгнуть къ другимъ болѣе важнымъ и сильнѣйшимъ средствамъ защиты православныхъ жителей польскаго государства. При этомъ правительство русское выражало увѣренность въ томъ, что другіе ино-

странные дворы, одинаково заинтересованные въ судьбѣ своихъ единовѣрцевъ, наравнѣ съ православными подвергавшихся въ Польшѣ стѣсненіямъ въ своихъ религіозныхъ правахъ, поддержатъ требованія русскаго двора [112]).

Не ограничиваясь вышеизложенными приказаніями послу, императрица Елизавета Петровна 24 ноября 1743 года отправила грамоту польскому королю Августу III. Упомянувъ о томъ, что она и прежде просила чрезъ своего посла о защитѣ православныхъ подданныхъ его отъ преслѣдованій за вѣру и народность, императрица затѣмъ выражала глубокое сожалѣніе по поводу того, что православные не только не получили никакого облегченія, но въ послѣднее время подвергаются еще большимъ обидамъ и оскорбленіямъ. „Они“, писала императрица королю Августу III, „лишаются своихъ монастырей, церквей и всякихъ вообще способовъ, необходимыхъ для свободнаго содержанія вѣры и соблюденія обрядовъ церковныхъ и вообще находятся въ такомъ стѣсненіи, что у нихъ осталась одна только тѣнь прежнихъ правъ и преимуществъ, торжественно обѣщанныхъ и подтвержденныхъ имъ“. Въ заключеніе императрица, ссылаясь на всегдашнія дружественныя отношенія Россіи къ польской республикѣ, просила короля польскаго обратить вниманіе на положеніе своихъ православныхъ подданныхъ и сдѣлать распоряженіе о разсмотрѣніи ихъ жалобъ и удовлетвореніи ихъ просьбъ и желаній [113]).

Рѣшительный рядъ требованій русской императрицы заставилъ, повидимому, польскаго короля выйдти изъ своего обычнаго спокойнаго и равнодушнаго отношенія къ дѣлу о положеніи православныхъ западно-

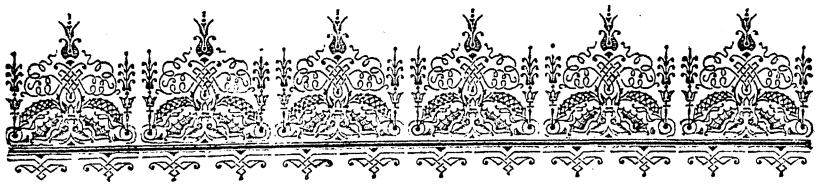
руссовъ. Король, кажется, попытался было принять нѣкоторыя мѣры къ облегченію участи православныхъ подданныхъ его, но, къ сожалѣнію, совсѣмъ неудачно. По крайней мѣрѣ, нашъ посолъ въ Варшавѣ Кейзерлингъ 10 декабря 1743 года доносилъ своей государынѣ, что онъ, согласно ея повелѣніямъ, докладывалъ королю о положеніи православныхъ подданныхъ его и король, будто-бы, не одинъ разъ выражалъ свое неудовольствіе министрамъ по этому поводу. Отъ имени короля, будто-бы, польскіе министры не одинъ разъ внушали католическому духовенству, чтобы оно снисходительно относилось къ православнымъ и въ этомъ же направленіи вліяло на свою паству. Но все это, по словамъ Кейзерлинга, не имѣло никакого дѣйствія и притѣсненія православныхъ продолжались попрежнему и даже усилились. Самъ Кейзерлингъ объяснялъ это крайнимъ фанатизмомъ поляковъ, поощряемыхъ къ тому же безнаказаннымъ злоупотребленіемъ свободы. Кейзерлингъ былъ убѣжденъ, что одинъ король безъ сейма не могъ облегчить тяжелое положеніе своихъ православныхъ подданныхъ. По основнымъ законамъ польскаго государства, распоряженія короля могли имѣть силу обязательнаго для всѣхъ гражданъ закона только тогда, когда сеймъ подтвердилъ ихъ. А между тѣмъ на благополучный исходъ дѣла о преслѣдованіяхъ православныхъ на сеймѣ нельзя было разсчитывать [114]).

Съ своей стороны, король Августъ III отвѣчалъ (4 января 1744 года) изъ Саксоніи императрицѣ, что, если принесенныя жалобы православныхъ окажутся справедливыми, то онъ прикажетъ изслѣдовать ихъ и затѣмъ прекратить преслѣдованія. Хотя король надѣялся рѣшить это дѣло по своемъ возвращеніи въ Варшаву, но тѣмъ не менѣе, желая показать свою

полную готовность исполнить желанія императрицы, какъ своей „пріятельницы и сосѣдки“, онъ теперьже предписывалъ великому коронному канцлеру тщательно разобрать настоящее дѣло и поскорѣе облегчить положеніе православно-русскихъ жителей Польши [115]).

Но распоряженія короля были безрезультатны, и надежды его оказались совершенно напрасными. Какъ видно изъ позднѣйшаго донесенія русскаго посла Кейзерлинга (отъ 9 апрѣля 1744 г.), польскіе министры, на предписаніе короля о внимательномъ разслѣдованіи дѣла касательно православныхъ и о скорѣйшемъ облегченіи ихъ участи, отвѣчали ему слѣдующее. Оба канцлера и гетманы, по соглашенію съ представителями католическаго и уніатскаго духовенствъ въ Польшѣ, заявляли королю, что имъ, будтобы, ничего неизвѣстно о преслѣдованіяхъ и обидахъ православныхъ, жалобы которыхъ они считаютъ неосновательными, осуждая ихъ, какъ преступниковъ права, за то, что они, будучи, польскими подданными, не обращаются къ своему суду, а направляютъ свои жалобы къ чужому правительству. При этомъ польскіе министры, по соглашенію съ представителями католическаго и уніатскаго духовенства въ Польшѣ, предлагали назначить особую спеціальную коммиссію для разслѣдованія жалобъ православныхъ жителей польскаго государства [116]).

Къ сожалѣнію, наше свѣтское правительство, не смотря на предостереженія св. синода, неосторожно схватилось за эту комиссію, которая оказалась въ сущности только однимъ изъ средствъ оттянуть разслѣдованіе дѣла о православныхъ западно-руссахъ. Познакомимся съ поучительною исторіею этой пресловутой коммиссіи.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Проэктъ учрежденія коммиссіи въ Варшавѣ для разбора жалобъ православныхъ жителей Польши.

Мысль объ учрежденіи коммиссіи въ Варшавѣ для разбора жалобъ православныхъ жителей Польши была подсказана, безъ сомнѣнія, не тѣми, кто былъ искренно расположенъ къ православнымъ западнорусcамъ. Мысль эта начинаетъ проглядывать въ очень раннихъ донесеніяхъ нашего резидента Голембіовскаго русскому правительству. Голембіовскій, краснорѣчиво росписавшій въ этихъ своихъ донесеніяхъ свою ревностную и усердную дѣятельность на пользу православныхъ жителей Польши, въ дѣйствительности, какъ полякъ и католикъ, былъ убѣжденнымъ врагомъ православія и русской народности. Особенно не любилъ онъ западно-русскаго духовенства. Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы уронить въ глазахъ нашего правительства западнорусскихъ духовныхъ православныхъ дѣятелей, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые могли быть полезными, по его мнѣнію, для дѣла православія въ Западной Руси. Но, какъ ловкій и опытный дипломатъ, онъ дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ хитро и бо̀льшею частію прикрываясь голосомъ и отзывами другихъ лицъ. Такъ, напр., при одномъ изъ своихъ

донесеній коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ началѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны (отъ 9 марта 1743 г.) Голембіовскій приложилъ любопытное письмо уніатскаго пинскаго епископа Булгака къ нему, Голембіовскому. Епископъ Булгакъ, бывшій горячимъ противникомъ православія, всю вину и отвѣтственность за несчастное положеніе православно-русской церкви въ Польшѣ сваливалъ на православное западно-русское духовенство, особенно на игуменовъ монастырскихъ, которые, по его словамъ, не имѣли надъ собою никакого начальства и потому дѣлали то, что̀ хотѣли [117]).

Ссылаясь на свидѣтельство уніатскаго епископа, Голембіовскій тогда еще предлагалъ употребить такой способъ для улучшенія положенія православныхъ въ Западной Руси, который будто бы, проэктированъ еще при императорѣ Петрѣ I. Избранное въ С.-Петербургѣ или же въ Кіевѣ духовное лицо, по проэкту Голембіовскаго, должно было отправиться въ Польшу въ качествѣ коммиссара императрицы, осмотрѣть всѣ монастыри и церкви православныя, провѣрить на мѣстахъ обиды и преслѣдованія православныхъ, составить законныя жалобы и домогаться по нимъ суда и справедливости въ государственныхъ учрежденіяхъ Польши, и въ случаѣ неуспѣха отправиться въ Варшаву и тамъ уже вмѣстѣ съ русскими министрами искать справедливаго рѣшенія дѣла.

Такимъ образомъ, Голембіовскій совѣтовалъ повторить уже извѣстную намъ исторію съ отправленіемъ русскаго коммиссара въ Бѣлоруссію въ лицѣ Рудаковскаго, но только съ существенными измѣненіями, не въ пользу православнаго дѣла. Само собою понятно, что если даже свѣтское лицо, притомъ съ такими качествами, какими обладалъ Руда-

ковскій, при поддержкѣ такого государя, какъ Петръ I, едва могъ справиться съ порученнымъ ему важнымъ и сложнымъ дѣломъ, то что же могла сдѣлать „духовная персона“ хотя бы даже и „искусная полатыни и попольски читать и писать и знавшая всѣ догматы церковные и разности въ религіяхъ“, какъ расписывалъ ее самъ Голембіовскій? И однакоже наша коллегія иностранныхъ дѣлъ рѣшила было принять предложеніе Голембіовскаго, который, по нашему мнѣнію, имѣлъ въ виду единственно только затянуть дѣло, какъ именно предложеніе, клонившееся „къ лучшей пользѣ людей греческаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ“ [118]). Къ счастію, св. синодъ нашъ, благодаря, вѣроятно, разъясненіямъ Амвросія Юшкевича и Іосифа Волчанскаго, разгадалъ цѣли Голембіовскаго и рѣшительно отклонилъ его предложеніе. Это обстоятельство только еще больше обострило взаимныя отношенія св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

А между тѣмъ правительство Елизаветы Петровны, побуждаемое просьбами св. синода и жалобами православныхъ западно-руссовъ, продолжало слать рескриптъ за рескриптомъ нашимъ дипломатамъ въ Варшавѣ, съ требованіемъ, чтобы они въ „крѣпчайшихъ“ и „сильнѣйшихъ“ выраженіяхъ домогались прекращенія жестокихъ преслѣдованій православныхъ и удовлетворенія ихъ законныхъ желаній. Положеніе Голембіовскаго, поставленнаго буквально между двухъ огней, дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. Напрасно онъ старался внушить нашему правительству, что „въ Польшѣ, какъ свободной республикѣ, необходимо стараться быть всѣмъ пріятнымъ и, сколько можно, терпѣливѣе сносить всякое противное слово“. Отъ него требовали

не такихъ словъ, а рѣшительныхъ дѣйствій въ защиту гонимыхъ православныхъ. Въ концѣ 1743 г. было предъявлено императрицею Елизаветою Петровною польскому королю и правительству категорическое, съ сильными угрозами, въ случаѣ неисполненія его, требованіе разсмотрѣть дѣло православныхъ западно-руссовъ и принять дѣйствительныя мѣры къ прекращенію гоненій на нихъ. Тогда польскіе министры, по соглашенію съ высшими представителями католическаго и уніатскаго духовенства въ Польшѣ, не видя никакого другого выхода, пустили въ ходъ мысль объ учрежденіи особой коммиссіи для разсмотрѣнія жалобъ православныхъ. Голембіовскій схватился, какъ говорятъ, обѣими руками за эту мысль и сталъ поддерживать. Быть можетъ, подъ его вліяніемъ, и посолъ русскій въ Варшавѣ Кейзерлингъ также признавалъ предложенную польскими министрами коммиссію необходимою. Но уже и онъ не скрывалъ своихъ опасеній, какъ бы эта коммиссія, если бы только при ней не было человѣка, который бы умѣлъ говорить за обиженныхъ и ослаблять всѣ хитрости и отговорки противной стороны, не принесла вреда православнымъ вмѣсто пользы [119]). Св. синодъ, съ своей стороны, отнесся отрицательно къ проэкту коммиссіи, считая ее простою отговоркою поляковъ. Ссылаясь на слова Голембіовскаго, что и „десять человѣкъ министровъ ничего не помогутъ въ дѣлѣ православныхъ жителей Польши, если только ихъ представленія не будутъ подкрѣплены силою нѣсколькихъ тысячъ войскъ“, св. синодъ настаивалъ на активномъ и рѣшительномъ вмѣшательствѣ въ дѣло православныхъ западно-руссовъ. Сверхъ того св. синодъ выражалъ желаніе, чтобы вице-канцлеръ, какъ членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ,

явился въ синодъ для общаго обсужденія и рѣшенія дѣла о положеніи православныхъ западно-руссовъ [120]).

Коллегія иностранныхъ дѣлъ отрицала возможность и необходимость всякаго вмѣшательства русскаго правительства во внутреннее дѣло сосѣдняго государства, хотя бы и близкое всякому русскому человѣку. Осуждая выраженіе Голембіовскаго, какъ неосмотрительное и произвольное, коллегія настаивала на прямомъ образѣ дѣйствій нашего правительства, которое старалось помогать своимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ „только пристойными рекомендаціями и заступленіями добродѣтельнымъ образомъ, иногда, впрочемъ, и крѣпкими представленіями, но безъ всякихъ угрозъ войсками, что̀ никакой пользы православнымъ все равно не могло бы принести“. При этомъ коллегія, извѣщая св. синодъ о томъ, что скоро имѣлъ быть въ Польшѣ сеймъ, предлагала отправить туда способнаго человѣка для основательнаго и обстоятельнаго представленія сейму, по дѣлу о православныхъ жителяхъ Польши. Совѣщаніе вице-канцлера съ св. синодомъ коллегія, подъ разными предлогами, отклоняла. Св. синодъ, съ своей стороны, не согласился съ коллегіею и указомъ предлагалъ ей, чтобы 25 іюня 1744 г. вице-канцлеръ вмѣстѣ съ другими членами коллегіи явился въ засѣданіе синода для общаго разсужденія о положеніи православныхъ въ Польшѣ. Однако же коллегія не исполнила этого требованія св. синода [121]).

Тогда синодъ, руководимый, видимо, Амвросіемъ Юшкевичемъ, рѣшилъ добиться своего другими средствами. 23 іюля 1744 г. св. синодъ представилъ свой докладъ императрицѣ. Здѣсь онъ, прежде всего, указывалъ на то, что православные жители Польши постоянно притѣсняются и преслѣдуются, а польскіе

министры и богатые магнаты, когда имъ говорятъ объ этомъ, отвѣчаютъ, что имъ ничего неизвѣстно о жалобахъ православныхъ на свое положеніе. Св. синодъ, далѣе, выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы представители русскаго двора въ Варшавѣ—Кейзерлингъ, какъ лютеранинъ, а Гелембіовскій, какъ католикъ, могли со всѣмъ усердіемъ и съ полною искренностію защищать православную церковь и ея членовъ, которымъ не вполнѣ удобно и естественно было искать помощи у подобныхъ лицъ. На этомъ основаніи св. синодъ просилъ государыню удалить вышеуказанныхъ представителей русскаго государства въ Варшавѣ и послать туда русскаго и православнаго человѣка, причемъ прямо указывали на гр. М. П. Бестужева Рюмина, который служилъ прежде въ Польшѣ и знакомъ былъ съ дѣломъ о православныхъ западно-руссахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ св. синодъ настаивалъ на необходимости обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла о положеніи православныхъ жителей Польши въ соединенномъ собраніи св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ [122]).

Императрица исполнила просьбу и желаніе св. синода. 27 іюля 1744 г. М. П. Бестужевъ Рюминъ былъ назначенъ русскимъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву [123]). Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было устроить соединенную конференцію св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Конференція состоялась 27 августа 1744 г. Здѣсь разсуждали о средствахъ къ улучшенію положенія православныхъ въ Польшѣ. Коллегія настаивала на необходимости домогаться учрежденія коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ. Св. синодъ не вѣрилъ въ пользу коммиссіи и стоялъ за то, чтобы всѣ дѣла о положеніи православныхъ западно-руссовъ были переданы въ пол-

ное вѣдѣніе послу. Послѣ большихъ преній члены св. синода уступили въ этомъ дѣлѣ, причемъ съ православной стороны членами въ предполагаемую коммиссію былъ предназначенъ Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій, какъ человѣкъ, способный, укорять поляковъ за „многія показанныя съ польской стороны ругательства и безчеловѣчія“. Въ тоже самое время рѣшено было, по настоянію членовъ св. синода, вмѣнить въ обязанность и предоставить право находившемуся въ Варшавѣ при русскомъ послѣ іеромонаху Сильвестру Каховскому принимать жалобы православныхъ западно-руссовъ, и, по разсмотрѣніи, доставлять ихъ посланнику, донося о томъ же и своему духовному начальству.

Воспользовавшись рѣдкимъ событіемъ совмѣстнаго съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ разсужденія по вопросу о положеніи православныхъ въ Польшѣ, св. синодъ предложилъ, съ своей стороны, цѣлый проэктъ мѣръ и способовъ для его улучшенія. Св. синодъ предлагалъ нашему правительству домогаться у Польши 1) возстановленія трехъ православныхъ западно-русскихъ епархій (галицко-львовской, перемышльской и луцкой), насильственно обращенныхъ въ унію послѣ заключенія договора о вѣчномъ мирѣ 1686 г.; 2) возвращенія православнымъ всѣхъ монастырей и церквей, отобранныхъ у нихъ послѣ 1686 г.; 3) изданія конституціи (опредѣленія) на сеймѣ о воспрещеніи всѣмъ преслѣдовать православныхъ, принуждать ихъ въ унію путемъ запрещенія имъ строить новыя и обновлять старыя церкви, отбирать у православныхъ церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ только священникъ изъявлялъ желаніе перейти въ унію; 4) выдачи Бѣлорусскому епископу королевской привиллегіи, безъ согласія и не ожидая сейма

и т. п. Св. синодъ выражалъ также желаніе, чтобы коллегія иностранныхъ дѣлъ обсудила и другія средства для защиты договора 1686 г., въ случаѣ еслибы вышеуказанные способы оказались безполезными. На такихъ только условіяхъ св. синодъ соглашался примириться съ проэктомъ коллегіи о необходимости домогаться учрежденія коммиссіи, на которую синодъ смотрѣлъ совершенно иначе. Онъ готовъ былъ признать пользу и цѣлесообразность ея въ томъ только случаѣ, если ей будетъ предоставлено право не только разбирать жалобы православныхъ, но и наказывать ихъ обидчиковъ и возвращать имъ отнятое насильственно. Съ своей стороны, коллегія иностранныхъ дѣлъ предлагала болѣе вѣрное, по ея мнѣнію, средство. Нашему правительству слѣдовало, по мнѣнію коллегіи, добиваться изданія на предстоявшемъ сеймѣ такой конституціи (постановленія), которая бы, подтверждая всѣ прежнія права и свободу православнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ, давала бы королю власть удовлетворять законныя желанія и просьбы православныхъ, не откладывая ихъ, по обыкновенію, отъ сейма до сейма. Всѣ эти предложенія и постановленія соединеннаго собранія св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ рѣшено было хранить до времени въ тайнѣ [124]).

Согласіе нашего правительства на учрежденіе коммиссіи въ Варшавѣ для разбора жалобъ православныхъ нисколько не утѣшило православныхъ западно-руссовъ. Лучшіе изъ числа западно-русскихъ православныхъ дѣятелей не ожидали отъ этой коммиссіи никакихъ добрыхъ результатовъ для русскаго дѣла. Самъ слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій, котораго предположено было назначить въ комиссію со стороны православныхъ, просилъ уволить его отъ

коммиссіи, ссылаясь на то, что ему некому было поручить своихъ монастырей, и что это назначеніе только еще болѣе озлобитъ поляковъ противъ него [125]). Въ дѣйствительности же онъ просто не вѣрилъ въ успѣхъ задуманнаго дѣла. Ближайшее будущее показало, что онъ, равно какъ и всѣ другіе, невѣрившіе въ успѣхъ коммиссіи, были совершенно правы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учрежденіе Варшавской коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ и безрезультатный конецъ ея.

Въ 1744 году состоялся въ Гродно польскій сеймъ. Наше правительство дѣятельно готовилось къ нему. Королевскій дворъ и министры польскіе обѣщали нашему послу свое содѣйствіе въ достиженіи намѣченныхъ имъ цѣлей. Но, къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ разсчетамъ не суждено было осуществиться. Гродненскій сеймъ 1744 года, какъ доносилъ впослѣдствіи своему правительству нашъ посолъ, „по разнымъ причинамъ и по всегдашнему несогласію поляковъ между собою втуне пустыми спорами безъ разрыву самъ собою исчезъ безъ всякаго для самихъ поляковъ постановленія и заключенія, по прошествіи опредѣленнаго шестинедѣльнаго срока“. Само собою разумѣется, что и предложенія нашего правительства по дѣлу о православныхъ западно-руссахъ не могли быть предъявлены сейму и разсмотрѣны имъ.

Но тѣмъ не менѣе Бестужевъ Рюминъ настоялъ на разсмотрѣніи претензій православно-русскаго населенія Польши послѣ сейма. Въ Гродно, послѣ сейма, состоялся т. н. сенатусъ-консиліумъ, на которомъ и было рѣшено учредить особую коммиссію для

разсмотрѣнія жалобъ православныхъ западно-руссовъ. Въ составъ комиссіи было назначено 12 членовъ, изъ коихъ было 2 бискупа и 10 свѣтскихъ чиновниковъ,—всѣ католики. Поляки не желали допущенія даже и такой коммиссіи. Распоряженіе о назначеніи ея всячески задерживалось и было поднесено королю для подписанія наканунѣ его отъѣзда изъ Польши въ Саксонію. Это было сдѣлано только въ угоду Бестужеву Рюмину и послѣ усиленныхъ домогательствъ съ его стороны. Польскіе чиновники, побуждаемые къ тому, безъ сомнѣнія, католическимъ духовенствомъ, стали теперь употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы затормозить дѣятельность коммиссіи и сдѣлать ее безрезультатною. Усилія ихъ, какъ сейчасъ увидимъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ и коммиссія осталась совершенно безрезультатною.

Впрочемъ, православные западно-руссы, особенно тѣ изъ нихъ, которые понимали дѣло, сами были недовольны учрежденіемъ коммиссіи въ указанномъ составѣ для разбора жалобъ православнаго населенія Польши. Большинство лицъ изъ среды западно-русскаго православнаго духовенства не ожидали рѣшительно никакой пользы для православныхъ отъ этой коммиссіи. Такъ, напр., Варшавскій капелланъ, іеромонахъ Сильвестръ Каховскій 26 января 1745 года писалъ слѣдующее по поводу коммиссіи. „Коммиссія для разсмотрѣнія обидъ, причиненныхъ намъ и православію, уже назначена. Но когда она начнется, еще нельзя сказать. По моему мнѣнію, придется ждать нѣсколько лѣтъ, и ничего изъ этого не будетъ... Коммиссарами съ польской стороны назначены всѣ знатные люди. Не знаю, кто могъ бы быть назначенъ съ нашей стороны. Если справедливо, что отъ насъ назначается архимандритъ Слуцкій Іосифъ

Оранскій, къ которому св. синодъ и меня присоединяетъ, то этого, по моему мнѣнію, невозможно допустить, ибо мы будемъ стоять предъ польскими комиссарами, какъ слуги и челобитчики. Слѣдовало бы прислать изъ Россіи двухъ знаменитыхъ архіепископовъ, или епископовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ свѣтскихъ способныхъ и знающихъ здѣшнія права людей. О. Іосифъ Оранскій могъ бы быть хорошимъ коммиссаромъ съ нашей стороны, но онъ часто болѣетъ. Такъ, недѣли двѣ тому назадъ онъ былъ въ Варшавѣ, по приглашенію г. Бестужева Рюмина для предполагавшагося участія въ коммиссіи: но, заболѣвъ, онъ пролежалъ у меня цѣлую недѣлю и потомъ уѣхалъ въ свой монастырь, находящійся въ 80 миляхъ отсюда. Мнѣ необходимо отказаться отъ комиссіи, потому что я не знаю польскаго языка и совсѣмъ неспособенъ къ тому дѣлу, на которое меня призываютъ“ [126]).

При своемъ письмѣ Сильвестръ Каховскій прилагалъ и самое королевское повелѣніе о коммиссіи, какъ доказательство того, что надежды православныхъ на эту коммиссію были совершенно напрасны. Православные должны были доказывать предъ коммиссіей свои права на отнятые у нихъ монастыри и церкви посредствомъ представленія подлинныхъ документовъ и свидѣтелей. Но эти требованія оказывались совершенно невыполнимыми для православныхъ по той простой причинѣ, что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ при этомъ Сильвестръ Каховскій, „кто отнялъ православные монастыри и церкви, у тѣхъ остались и архивы съ документами; свидѣтелей же православные не могли представить, такъ какъ никто не соглашался быть свидѣтелемъ

въ пользу православныхъ, боясь преслѣдованій и наказаній отъ своихъ господъ—католиковъ".

Такъ же мрачно и безнадежно смотрѣлъ на учрежденную коммиссію и Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій. „Мнѣ думается", доносилъ онъ св. синоду, „что коммиссія обѣщаетъ намъ, православнымъ, весьма плохіе плоды. Умалчиваютъ о самыхъ главныхъ гонителяхъ и обидчикахъ нашихъ—католикахъ. Говорятъ только о насъ и уніатахъ, а католиковъ, уже много лѣтъ умывающихъ руки въ крови православныхъ и православныя церкви насильно въ унію обращающихъ, хотятъ сдѣлать чистыми. Но уніаты только—орудіе, а дѣйствительные обидчики и разорители православія—католики. Кромѣ того, нашимъ противникамъ предоставлено полное право выбирать удобное время и мѣсто для коммиссіи, а наша сторона, яко овча, на заколеніе поведется. Уніаты уже разсѣялись по трибуналамъ розыскивать въ королевскихъ метрикахъ и земскихъ судахъ документовъ противъ насъ и, несомнѣнно, найдутъ, хотя бы и вновь написанные акты; у насъ же всѣ спятъ, а кто не спитъ и знаетъ, гдѣ имѣются необходимые намъ документы, ничего не могутъ сдѣлать, потому что или совсѣмъ не допустятъ до книгъ, или же, взявши деньги, скажутъ, что искали, но ничего не нашли въ своихъ книгахъ. Уніаты и ихъ единомышленники, какъ бы готовясь на генеральную битву, бѣгаютъ по всѣмъ сенаторамъ, прося у нихъ помощи и защиты, а мы къ кому можемъ обратиться здѣсь? Съ противной стороны въ коммиссію назначены большіе и сильные господа, которые имѣютъ при себѣ весьма сильныхъ въ судебныхъ дѣлахъ капелановъ—іезуитовъ и многихъ юристовъ; у насъ же никого нѣтъ. Поэтому, какъ захотятъ противники, такъ и пове-

дутъ дѣла въ коммиссіи. Съ нашей стороны необходимо было бы назначить, по крайней мѣрѣ, трехъ знатныхъ свѣтскихъ людей. А если это не будетъ сдѣлано, то коммиссія не принесетъ намъ никакой пользы. Наоборотъ, станутъ еще больше наругаться надъ нами, и будутъ тогда послѣдняя горшая первыхъ. Уже и теперь нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ хвалятся, говоря: будутъ они, т. е. православные помнить непрошенную коммиссію до страшнаго суда“ [127]).

Опасенія Сильвестра Каховскаго и Іосифа Оранскаго слишкомъ скоро стали оправдываться. Поляки старались возможно больше затянуть дѣло съ открытіемъ коммиссіи. Для этого они воспользовались, прежде всего, отсутствіемъ короля. Рѣшено было не открывать дѣятельности коммиссіи до возвращенія короля изъ Саксоніи. Самъ Бестужевъ Рюминъ, который прежде стоялъ за учрежденіе коммиссіи, теперь начиналъ сомнѣваться въ ея пользѣ. Главными виновниками всѣхъ тормозовъ въ дѣлѣ коммиссіи онъ считалъ лицъ католическаго духовенства и особенно іезуитовъ. „Всѣ такія постоянно устраиваемыя затрудненія и препятствія въ дѣлѣ удовлетворенія справедливыхъ желаній православныхъ“, доносилъ онъ своему правительству „ясно показываютъ, какъ мало склонны поляки дать удовлетвореніе православнымъ, равно какъ и то, что, вслѣдствіе великой ревности примаса и другихъ епископовъ, особенно іезуитовъ, какъ главнѣйшихъ гонителей, нельзя ничего добраго ожидать православнымъ отъ коммиссіи. Однакоже теперь необходимо потерпѣть до тѣхъ поръ, пока откроется коммиссія и опредѣлится, будетъ ли она имѣть какой либо успѣхъ. Въ случаѣ же, если и тогда не будетъ дано удовлетворенія православнымъ,

отъ усмотрѣнія русской императрицы будетъ зависѣть принятіе другихъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для прекращенія преслѣдованій православнаго народа въ Польшѣ“ [128]).

Однако весьма долго пришлось терпѣть и ожидать открытія коммиссіи. Православное западно-русское духовенство и теперь смотрѣло на коммиссію, какъ на лишній поводъ затянуть дѣло разсмотрѣнія жалобъ православныхъ. Также смотрѣлъ на коммиссію и св. синодъ. Въ теченіи всего 1745 года коммиссія не открывала своихъ дѣйствій. Въ 1746 году предполагался сеймъ. Не смотря на то, что св. синодъ, на основаніи отзывовъ Бѣлорусскаго епископа Іеронима Волчанскаго, архимандрита Слуцкаго Іосифа Оранскаго и Сильвестра Каховскаго, заявилъ свое рѣшительное несочувствіе учрежденію коммиссіи, отъ которой не ожидалъ никакой пользы, кромѣ безконечнаго затягиванія дѣла, и настаивалъ на томъ, чтобы нашему послу было предписано домогаться у польскаго правительства удовлетворенія православныхъ на основѣ положеній, какія были установлены во время соединеннаго собранія св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1744 г., коллегія оставалась при своемъ убѣжденіи и приказала Бестужеву Рюмину требовать у короля и сейма открытія дѣятельности коммиссіи [129]).

Бестужевъ Рюминъ, дѣйствительно, подалъ королю меморіалъ въ этомъ смыслѣ наканунѣ сейма. Но представители православнаго западно-русскаго духовенства не явились въ Варшаву на сеймъ. Бестужевъ Рюминъ сердился на нихъ за это и усиленно призывалъ ихъ въ Варшаву. Онъ написалъ Бѣлорусскому епископу, что православнымъ самимъ слѣ-

дуетъ явиться къ королю, какъ его подданнымъ, а не домогаться всего чрезъ однихъ только русскихъ министровъ. „Я“, писалъ Бестужевъ Рюминъ, „какъ чужестранный министръ, могу только ходатайствовать за васъ, но вы сами должны объявлять и доказывать свои обиды отъ противниковъ“.

Но Бѣлорусскій епископъ Іеронимъ Волчанскій не рѣшался ѣхать изъ Могилева на сеймъ. Онъ не имѣлъ для того ни средствъ, ни указаній отъ своего начальства, ни желанія, такъ какъ никакой пользы не видѣлъ отъ своей поѣздки въ Варшаву. „Что одинъ я“, писалъ онъ Бестужеву Рюмину впослѣдствіи, „могъ сдѣлать тамъ для облегченія притѣсненій православнымъ, которыя (притѣсненія) продолжаются съ весьма давнихъ временъ, не имѣя къ тому же ни дѣйствительнаго голоса въ коммиссіи, ни позволенія со стороны св. синода, безъ чего я никакъ не могъ рѣшиться принять участіе въ такомъ важномъ общественномъ дѣлѣ. А самое главное заключается въ томъ, что православная религія и всѣ исповѣдники ея, живущіе въ Польшѣ, а не въ одной только Бѣлорусской епархіи, должны пользоваться свободою на основаніи публичныхъ договоровъ, заключенныхъ съ россійскою монархіею. Въ сохраненіи этихъ договоровъ заинтересована вся Россія, и наблюденіе за ненарушимымъ содержаніемъ договоровъ лежитъ на обязанности русскихъ министровъ. Если только будутъ строго соблюдаться договоры, то и вѣра православная и всѣ мы, ея исповѣдники, будемъ пользоваться полнымъ миромъ и спокойствіемъ“.

Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій также не явился на сеймъ, вслѣдствіе перенесенной имъ передъ тѣмъ тяжкой болѣзни (горячки), отъ которой

онъ, по собственнымъ его словамъ, „едва только началъ приходить въ себя и учиться ходить, какъ малый ребенокъ.“

Нашъ резидентъ въ Варшавѣ –Голембіовскій воспользовался этимъ для того, чтобы свалить всю вину за неудачный исходъ дѣла православныхъ во время сейма 1766 года на самихъ же православныхъ и, въ частности, на православное западно-русское духовенство. Исповѣдники всѣхъ другихъ вѣръ, доносилъ онъ нашему правительству, стараются во время сейма защищать свои интересы. Одни только православные, при всѣхъ ихъ притѣсненіяхъ, когда король и чины республики соберутся вмѣстѣ и настанетъ благопріятное для заявленія ихъ жалобъ время, совсѣмъ молчатъ, и ни одна живая душа изъ нихъ обыкновенно не появляется въ это время здѣсь. Такъ, и на сеймъ 1746 г. не явился никто изъ православныхъ, когобы можно было представить королю и министрамъ, какъ самоличнаго и непосредственнаго челобитчика. Дѣло о православной вѣрѣ можно бы было возбудить въ самомъ началѣ сейма и, не смотря на то, что сеймъ не состоялся, можно было исходатайствовать въ пользу православныхъ разныя статьи, если-бы только кто-нибудь изъ нихъ лично присутствовалъ на сеймѣ“. Присутствіе представителя православнаго духовенства Голембіовскій признавалъ необходимымъ уже по одному тому, что уніатское духовенство всегда являлось на сеймы и старалось всячески опровергать жалобы православныхъ на производимыя ими обиды. А министры польскіе ловко пользовались этимъ и старались откладывать дѣла православныхъ на послѣдующее время“ [130]).

Послѣднія соображенія Голембіовскаго были справедливы. Но совершенно напрасно сваливалъ онъ на

православное духовенство всю вину за неудачный исходъ дѣла православныхъ на сеймѣ 1746 г. Православные рѣшительно ничего не могли добиться отъ этого сейма, который, по установившемуся въ Польшѣ обычаю, былъ сорванъ.

Впрочемъ, король, уже по окончаніи сейма, предъ своимъ отъѣздомъ въ Саксонію, приказалъ возобновить коммиссію для разбора жалобъ православныхъ, назначенную еще въ 1744 г. Коммиссія должна была открыть свои дѣйствія, тотчасъ по возвращеніи короля, сначала въ Варшавѣ, а потомъ въ Литвѣ, напр., въ Минскѣ. Такое повелѣніе короля состоялось вслѣдствіе усиленнаго домогательства гр. Бестужева Рюмина, который былъ убѣжденнымъ сторонникомъ коммиссіи и, кажется, вѣрилъ въ ея пользу для православныхъ.

Но дѣйствительность не оправдала ожиданій нашего посла. Коммиссія медленно приступала къ своимъ занятіямъ. Въ самомъ началѣ коммиссія едва и совсѣмъ не разстроилась. Предсѣдатель и духовные члены коммиссіи (съ польской стороны) не желали принимать участія въ дѣятельности коммиссіи, такъ какъ въ королевскомъ повелѣніи было сказано, что если гдѣ нибудь по слѣдствію будетъ установленъ фактъ насильственнаго захвата православныхъ церквей, то таковыя подлежали возвращенію. Бестужеву Рюмину съ большимъ трудомъ удалось успокоить недовольныхъ, причемъ рѣшено было въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгать къ посредничеству самого короля. Коммиссія въ 1746 г. имѣла только одно засѣданіе, послѣ чего рѣшено было отложить занятія ея до апрѣля 1747 г. Но Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій, бывшій главнымъ членомъ коммиссіи

со стороны православныхъ, просилъ отсрочить собранія коммиссіи до 6 ноября 1747 г. Онъ имѣлъ въ виду дать православнымъ западно-руссамъ время и возможность собрать точныя свѣдѣнія о преслѣдованіяхъ православныхъ и предоставить ихъ коммиссіи въ основательномъ письменномъ изложеніи. Коммиссія, дѣйствительно, разослала свои указы по всѣмъ мѣстамъ Западной Руси и приглашала всѣхъ обиженныхъ подавать ей свои жалобы.

Агенты нашего правительства въ Польшѣ съ торжествомъ доносили въ Россію о такихъ дѣйствіяхъ коммиссіи и всячески росписывали свои заслуги для православныхъ. Особенно усердствовали въ этомъ дѣлѣ Голембіовскій, утѣшительно утверждавшій, что назначеніемъ коммиссіи для удовлетворенія православныхъ сдѣлано рѣшительно все, что только могъ сдѣлать такой конституціонный государь, какъ король польскій.

Но представители православнаго духовенства въ Западной Руси продолжали отрицательно относиться и къ самой коммиссіи и ко всей дѣятельности ея. По ихъ отзывамъ, коммиссія могла и даже должна была повести въ будущемъ не къ улучшенію, но именно къ ухудшенію положенія православныхъ въ Польшѣ.

Дѣйствительно, обстановка и условія дѣятельности коммиссіи оказывались положительно невозможными по отношенію къ православнымъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ заключеніямъ Бѣлорусскаго епископа Іеронима Волчанскаго о дѣятельности коммиссіи.

Въ коммиссіи не было ни одного представителя русскаго правительства и вообще ни одного свѣтскаго православнаго члена. Духовные же православные

члены не смѣли возвышать свои голоса въ коммиссіи, благодаря своему скромному званію и зависимому положенію. Коммиссія, далѣе, въ своихъ указахъ предписывала, чтобы православные, жаловавшіеся на захватъ у нихъ церквей и монастырей и желавшіе возвращенія ихъ себѣ, представили въ коммиссію подлинные достовѣрные документы, подтверждавшіе ихъ слова и доказательства. Но православные жители коронныхъ земель Польши и литовскихъ областей не могли представить подобныхъ документовъ. Въ однихъ мѣстахъ эти документы были затеряны вслѣдствіе давности захвата, а въ другихъ они были отняты у православныхъ при насильственномъ отобраніи у нихъ монастырей и церквей. Были случаи нарочитаго отобранія у православныхъ, или же уничтоженія документовъ, которые могли бы свидѣтельствовать въ пользу жалобъ православныхъ. Такъ, разсказываетъ въ своемъ объясненіи Іеронимъ Волчанскій, въ бытность „въ Могилевѣ Іосифа Волчанскаго, полоцкій уніатскій оффиціалъ Ираклій Лисянскій объѣздилъ всѣ церкви Бѣлоруссіи, отнятыя въ разное время на унію, и какія нашелъ древнія фундушевыя записи, ставленныя грамоты, антиминсы, освященные православными архіереями, и православныя богослужебныя книги,—все забралъ къ себѣ, чтобы и память православія истребить, еслибы кто случайно впослѣдствіи вспомнилъ о немъ. Тотъ же Лисянскій всѣмъ уніатскимъ попамъ въ Бѣлоруссіи обрилъ бороды и остригъ волосы на головѣ по римскому обыкновенію, чтобы на нихъ не оставалось и вида грекороссійскаго (православнаго) закона. Можно думать, что, кромѣ того, онъ взялъ съ нихъ присягу и подписки въ томъ, что они никогда не возвратятся въ православіе“. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ въ

Западной Руси монастырскіе и церковные документы сгорѣли или погибли во время непріятельскихъ нашествій, сопровождавшихся пожарами и расхищеніемъ. Правда, копіи многихъ документовъ могли быть розысканы въ правительственныхъ и земскихъ архивахъ. Но розыскъ документовъ въ подобныхъ мѣстахъ и полученіе правильно засвидѣтельствованныхъ копій были положительно невозможны для православныхъ, въ виду ихъ крайней бѣдности и незнанія порядковъ польскаго судоустройства, а также и въ виду непримиримо враждебнаго отношенія къ нимъ со стороны польскаго правительства и общества. Можно было, повидимому, доказывать справедливость жалобъ православныхъ еще свидѣтельствами очевидцевъ и старожиловъ. Но Бѣлорусскій епископъ Іеронимъ Волчанскій совершенно резонно сомнѣвался относительно возможности для православныхъ пользоваться подобнымъ средствомъ защиты. Свидѣтелями въ данномъ случаѣ могли быть только или подданные польскихъ магнатовъ, или же люди, зависѣвшіе отъ нихъ. Само собою разумѣется, что никто изъ гражданъ польскаго государства, при подобныхъ условіяхъ, не могъ рѣшиться выступать предъ коммиссіею въ качествѣ свидѣтелей въ пользу православныхъ.

Такимъ образомъ, у православныхъ западно руссовъ не было никакихъ основаній возлагать особенныя надежды на коммиссію и ожидать отъ нея какихъ либо благъ для себя. Коммиссія эта, при извѣстныхъ условіяхъ, могла явиться даже новымъ бичемъ противъ нихъ въ рукахъ католиковъ и уніатовъ. Послѣдніе, ближе ознакомившись съ условіями, въ какія можно было поставить дѣятельность коммиссіи, наперед торжествовали свою побѣду надъ православными. „Всѣ противники наши“, писалъ по этому

поводу Бѣлорусскій епископъ Іеронимъ Волчанскій, „весьма радуются по поводу назначенія этой коммиссіи и напередъ торжествуютъ, говоря, что мы выпросили эту коммиссію только на большую бѣду себѣ. Всѣ члены коммиссіи, говорили противники православныхъ, принадлежатъ къ римскому костелу и должны защищать интересы своей вѣры, а не православной. Мы же постараемся выставить еще бо̀льшія обиды, нежели тѣ, какія вами (т. е. православными) представлены. Виленскій бискупъ, дѣйствительно, по словамъ того же Іеронима Волчанскаго, приказалъ всѣмъ ксендзамъ—плебанамъ своей епархіи собрать жалобы на православныхъ и представить ихъ въ коммиссію. „Мы“, угрожали противники православныхъ, „и каѳедру, и всѣ могилевскія церкви теперь отберемъ на унію, потому что онѣ прежде были уніатскими“.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Іеронимъ Волчанскій не желалъ принимать никакого участія въ коммиссіи, назначенной, по ходатайству нашего правительства, для разбора жалобъ православныхъ: „можно быть увѣренными“, писалъ онъ св. синоду, „что коммиссія эта можетъ до конца истребить святое благочестіе въ Польшѣ... Дѣло это общее и великое: если только что нибудь будетъ упущено на нынѣшней коммиссіи, то намъ не останется тогда больше никакой надежды. Нынѣшняя коммиссія, на основаніи правъ польскаго государства, можетъ назначить отъ себя новую коммиссію для дальнѣйшаго разслѣдованія представленныхъ обидъ, причемъ она можетъ все правильно показанное православными сдѣлать ложнымъ, и подобныя коммиссіи могутъ продолжаться безконечно“ [131]).

Св. синодъ, повидимому, былъ совершенно согласенъ съ тѣми соображеніями, какія выставлялъ

Іеронимъ Волчанскій противъ комиссіи. Но коллегія иностранныхъ дѣлъ настаивала на своемъ. Начались попрежнему продолжительныя и рѣзкія пререканія между ними. Св. синодъ, на основаніи донесеній Бѣлорусскаго епископа, выразилъ сомнѣніе въ искренности дѣйствій нашего резидента въ Варшавѣ—Голембіовскаго, какъ поляка и католика. Голембіовскій былъ устраненъ отъ участія въ коммиссіи и нашимъ членамъ ея—Слуцкому архимандриту Іосифу Оранскому и Варшавскому капеллану Сильвестру Каховскому была предоставлена свобода дѣйствій. Голембіовскій тѣмъ не менѣе продолжалъ писать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, причемъ особенно жаловался на образъ отношеній къ коммиссіи со стороны Бѣлорусскаго епископа Іеронима Волчанскаго. Вѣроятно, по его настояніямъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ просила св. синодъ привлечь Бѣлорусскаго епископа къ участію въ дѣятельности коммиссіи. Но Іеронимъ Волчанскій, получивъ предложеніе св. синода, отправилъ въ Варшаву своего намѣстника съ документами, самъ же отказался ѣхать туда, сославшись на слабость здоровья и неимѣніе приличнаго платья и выѣзда, съ какимъ бы онъ могъ явиться въ Варшавѣ.

Между тѣмъ наступило время, назначенное для начала дѣятельности коммиссіи. Къ этому времени въ Варшаву пріѣхали со стороны православныхъ—Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій, Виленскій свято-духовскій игуменъ Мельхидекъ Богдановичъ и другіе представители разныхъ православныхъ западно русскихъ монастырей.—Собравшихся православныхъ ожидало большое разочарованіе. Когда ихъ представилъ Голембіовскій предсѣдателю коммиссіи, плоцкому бискупу, то послѣдній, принявъ ихъ весьма вѣжливо, съ притворнымъ сожалѣніемъ объявилъ имъ,

что онъ получилъ королевскій рескриптъ, которымъ велѣно ему отсрочить коммиссію до времени прибытія короля въ Польшу. На жалобы православныхъ депутатовъ, потратившихъ столько времени и средствъ на сборы и поѣздку въ Варшаву, плоцкій бискупъ ничего не отвѣчалъ, кромѣ того, что таковъ-де приказъ королевскій, которому должны всѣ безпрекословно подчиниться.

Теперь уже и наше правительство увѣрилось въ справедливости подозрѣній, какія выражалъ Бѣлорусскій епископъ по адресу коммиссіи. Бестужеву Рюмину и Голембіовскому велѣно было домогаться удовлетворенія православныхъ со стороны польскаго правительства „другимъ путемъ, безъ коммиссіи, которая закрыта, по противодѣйствію, съ польской стороны до прибытія короля въ Польшу“. Къ сожалѣнію, наши министры, бывшіе въ Варшавѣ, продолжали вѣрить въ возможность благопріятнаго исхода дѣла православныхъ только при помощи коммиссіи. Не смотря на то, что Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій и капелланъ Сильвестръ Каховскій настаивали на уничтоженіи коммиссіи, какъ „вредной и предосудительной благочестію“, нашъ посолъ гр. Бестужевъ Рюминъ собирался ходатайствовать о возобновленіи ея дѣятельности на предстоявшемъ сеймѣ 1748 г. 2 іюня 1748 г. онъ писалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что онъ не знаетъ и не находитъ другого лучшаго и болѣе вѣрнаго средства для защиты интересовъ православія и русской народности, кромѣ коммиссіи; по его мнѣнію, могли быть выслушаны и удовлетворены всѣ законныя желанія и жалобы православныхъ, заявленныя ими самими, или же, по ихъ полномочіямъ, другими искусными и знающими польскія права людьми. Поэтому, Бесту-

жевъ Рюминъ настаивалъ на томъ, чтобы православные депутаты, прежде назначенные, теперь снова явились къ времени открытія предполагавшагося сейма 1748 г. съ документами для защиты своего дѣла [132]).

Св. синодъ, хотя и оставался при своемъ прежнемъ убѣжденіи, что коммиссія безполезна и что права православныхъ жителей Польши должны были защищаться на основаніи союзныхъ договоровъ между Россіею и Польшею, но тѣмъ не менѣе сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы уполномоченные православнаго западно-русскаго духовенства явились въ Варшаву ко времени начала предполагавшагося сейма [133]).

Но коммиссія не состоялась и на этотъ разъ. Теперь противниками православныхъ были употреблены другія средства для того, чтобы не допустить коммиссіи. Еще на предсеймовыхъ сеймикахъ польская шляхта громко и рѣзко протестовала противъ учрежденія коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ. Въ учрежденіи подобной коммиссіи королевскимъ укизомъ польская шляхта видѣла оскорбленіе католической вѣры и нарушеніе собственныхъ своихъ правъ и свободы. Поэтому, сеймовымъ посламъ поручалось требовать отъ правительства, подъ угрозою даже разрыва сейма, уничтоженія ненавистной коммиссіи, съ тѣмъ, чтобы православные защищали свои права обыкновеннымъ порядкомъ. Въ инструкціи сеймовымъ посламъ прямо говорилось, что они, „возвратившись отъ короля, послѣ привѣтствія его, должны были задержать засѣданія сеймовыя и не приступать ни къ какимъ разсужденіямъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ подписанъ, запечатанъ и объявленъ королевскій указъ о распущеніи коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ“.

Были приняты противниками православныхъ и другія нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы не допустить открытія дѣйствій коммиссіи. Такъ, напр., къ Бѣлорусскому епископу Іерониму Волчанскому были предъявлены разныя серьезныя обвиненія, и онъ былъ привлеченъ къ суду, что́ лишало его возможности явиться въ Варшаву ко времени сейма [134]).

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій и приготовленій сеймъ 1748 года открылся; онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не принесъ съ собою ничего добраго православнымъ. О коммиссіи никто и не упоминалъ. Гр. Бестужевъ Рюминъ сказался больнымъ и никуда не появлялся. Польскіе министры не дали даже никакого отвѣта на представленный имъ докладъ о преслѣдованіяхъ и обидахъ православнымъ, равно какъ и о необходимости дать имъ удовлетвореніе. Долго православные депутаты жили въ Варшавѣ безъ всякаго дѣла, пока, наконецъ, самъ Бестужевъ Рюминъ не посовѣтовалъ имъ возвратиться по домамъ. Только уже въ январѣ 1749 г. нашему послу, въ отвѣтъ на его домогательство, было объявлено польскими министрами, что „неуніаты, т. е. православные могутъ получить правое рѣшеніе своего дѣла, если будутъ искать правосудія тамъ, гдѣ слѣдуетъ“. Но, къ сожалѣнію, замѣчали при этомъ польскіе министры, „православные жители республики вмѣсто того, чтобы обращаться въ судебныя мѣста, которымъ они подчинены, къ своему государю—королю и къ министрамъ республики, какъ того требуетъ общій порядокъ, приносятъ свои жалобы прямо россійскому двору. Такія жалобы ихъ бо̀льшею частію бываютъ мало основательны и заключаютъ въ себѣ много вымышленнаго для того, чтобы возбудить сожалѣніе къ себѣ и получить какую либо выгоду отъ великодушной русской государыни“.

Относительно коммиссіи гр. Бестужеву Рюмину было объявлено, что она не могла дотолѣ открыть своихъ дѣйствій вслѣдствіе смерти уніатскаго митрополита и медленнаго полученія папскаго утвержденія относительно его преемника. Обѣщано было, впрочемъ, что вскорѣ, какъ только будутъ устранены препятствія, коммиссія будетъ открыта [135]).

Но это обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Коммиссія не была открыта. А между тѣмъ она, какъ и предвидѣлъ это Бѣлорусскій епископъ Іеронимъ Волчанскій, принесла величайшій вредъ православнымъ въ другомъ отношеніи. Православные представили въ коммиссію свои жалобы на католиковъ и уніатовъ. Члены коммиссіи не замедлили сообщить эти жалобы православныхъ ихъ обидчикамъ и дать имъ соотвѣтственныя указанія. Тогда противники православныхъ еще болѣе ожесточились противъ нихъ и еще съ большимъ озлобленіемъ стали преслѣдовать ихъ. „Извѣстная коммиссія королевская“, писалъ 24 августа 1749 года Бѣлорусскій епископъ Іеронимъ Волчанскій св. синоду, „была не для правосудія, но, какъ видно, для того, чтобы противники наши лучше видѣли и знали, кто жаловался на нихъ, и чтобы потомъ лучше отомстили имъ. Въ коммиссарскихъ универсалахъ было объявлено, что всякій обиженный можетъ привлечь своего обидчика къ суду коммиссіи, съ представленіемъ основательныхъ доказательствъ. На основаніи этихъ универсаловъ, я привлекъ на судъ коммиссіи всѣхъ обидчиковъ Бѣлорусской епархіи. Но они теперь, согласившись между собою, сорвали прошлый сеймъ и королевскую коммиссію, послѣ чего стали сильно мстить намъ, желая и хвалясь окончательно уничтожить православную

вѣру въ Польшѣ, чтобы некому было больше жаловаться [136]).

На этомъ и заканчиваются наши точныя свѣдѣнія о коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ. Вскорѣ гр. Бестужевъ Рюминъ былъ взятъ изъ Варшавы [137]). Такъ какъ никто изъ православныхъ не интересовался болѣе коммиссіей, которую они считали вредною для своего дѣла, то мало по малу всѣ забыли о ней, и она прекратилась послѣ многолѣтняго совершенно безплоднаго своего существованія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Продолженіе переговоровъ правительства императрицы Елизаветы Петровны съ польскимъ правительствомъ по поводу гоненій на православныхъ въ Польшѣ.

Св. синодъ былъ совершенно правъ, когда, отвергая коммиссію для разбора жалобъ православныхъ, настаивалъ на необходимости непосредственнаго вмѣшательства нашего правительства въ дѣло о положеніи православно-русскаго населенія Польши. Заступничество русскаго правительства за православныхъ жителей Польши, прежде всего, основывалось на исторической традиціи и на юридическихъ договорахъ между Россіею и Польшею. Польское правительство, хотя бы и не желало того, не могло не считаться съ представленіями русскаго правительства въ защиту православныхъ жителей Польши. Вотъ почему переговоры нашего правительства съ польскимъ, хотя и не сопровождались постоянными положительными результатами, хотя и не приводили къ коренной перемѣнѣ положенія православныхъ жителей Польши, но тѣмъ не менѣе почти постоянно приносили имъ хотя частичную и временную пользу. Всякій разъ послѣ того, какъ наше правительство дѣлало болѣе или менѣе рѣшительное представленіе въ защиту гонимыхъ православныхъ жителей Польши, прекращались въ Польшѣ на болѣе или менѣе про-

должительное время, по крайней мѣрѣ, явныя преслѣдованія православныхъ западно-руссовъ. Такими именно результатами почти всегда сопровождались и тѣ переговоры между русскимъ и польскимъ правительствомъ по вопросу о положеніи православныхъ въ Польшѣ, какіе имѣли мѣсто послѣ прекращенія извѣстной намъ коммиссіи.

Такъ, въ 1749 году были насильственно отняты на унію нѣсколько церквей православныхъ, принадлежавшихъ къ Бѣлорусской епархіи. Іеронимъ Волчанскій сообщилъ объ этомъ св. синоду, который, въ свою очередь, передалъ полученное свѣдѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Эта послѣдняя приказала новому русскому послу (Кейзерлингу) сдѣлать по этому поводу „пристойное представленіе королю и жалобу“.

Кейзерлингъ исполнилъ данное ему приказаніе. Король отнесся внимательно къ жалобѣ посла и 29 октября 1750 г., предъ отъѣздомъ своимъ въ Саксонію, обратился къ Виленскому католическому бискупу съ особымъ рескриптомъ. Въ рескриптѣ своемъ король требовалъ отъ Виленскаго бискупа, чтобы онъ предписалъ всему своему духовенству не дѣлать никакихъ притѣсненій неуніатамъ, т. е. православнымъ въ отправленіи ими своей религіи, не запрещалъ имъ поправлять обветшавшіе и строить новые храмы, такъ какъ это было противно законамъ польскаго свободнаго государства и договорамъ Польши съ Россіею. Король совѣтовалъ самому бискупу и подчиненному ему духовенству *стараться обращать неуніатовъ въ католическую вѣру лучше добрыми примѣрами и наставленіями, чѣмъ насильственными мѣрами, которыя часто приводятъ къ совершенно противоположнымъ слѣдствіямъ* [138]). Скоро мы увидимъ, что это внушеніе короля не произвело никакого дѣйствія на Виленскаго

бискупа, который по прежнему продолжалъ обижать и тѣснить православныхъ.

Въ 1751 году въ Бѣлоруссіи имѣло мѣсто слѣдующее прискорбное событіе, вызвавшее весьма знаменательныя объясненія между русскимъ и польскимъ правительствами. 11 сентября 1751 года король, находясь въ Дрезденѣ, имѣлъ неосторожность, по совершенно несправедливому ходатайству министровъ и происками уніатскаго митрополита, подписать привиллегію о передачѣ уніатамъ всѣхъ православныхъ церквей, находившихся въ городѣ Крычевѣ и въ окрестностяхъ его, всего числомъ болѣе 20 церквей. Началось отобраніе этихъ церквей уніатами у православныхъ, которое производилъ уніатскій священникъ Ильиничъ съ самыми возмутительными насиліями надъ православными. Послѣдніе обратились за помощью къ русскому послу Кейзерлингу. Баронъ Кейзерлингъ, собравъ точныя справки по данному дѣлу, представилъ 8 февраля 1752 года обширную, тщательно составленную промеморію по поводу происходившихъ въ Польшѣ гоненій на православныхъ вообще и, въ частности, по поводу Кричевскаго дѣла.

Вотъ что писалъ здѣсь, между прочимъ, Кейзерлингъ: „Нѣтъ нужды доказывать пространно права неуніатовъ. Достаточно слѣдующаго соображенія. Владѣлецъ какой-либо собственности имѣетъ больше правъ, чѣмъ другіе претендующіе на нее, уже по одному тому, что онъ владѣетъ и распоряжается ею въ данное время. Съ другой стороны, права неуніатовъ не могутъ подлежать никакому сомнѣнію. Извѣстно всякому, что законъ неуніатской вѣры древнѣе уніатскаго закона, такъ какъ уніаты произошли отъ неуніатовъ, слѣдовательно, и права неуніатовъ должны почитаться древнѣйшими и сильнѣйшими, чѣмъ права

уніатовъ. Такимъ образомъ, если уніаты предъявляютъ какія-либо права на владѣнія неуніатовъ, которыми эти послѣдніе пользовались непрерывно, правильно и законно въ теченіи продолжительнаго времени, то само собою разумѣется, что эти права вымышленныя, или же были добыты уніатами незаконнымъ путемъ. Другимъ какимъ либо способомъ уніаты не могли получить предъявленныхъ ими правъ на владѣнія неуніатовъ, развѣ только кто-либо захотѣлъ бы доказать, что было такое время, когда уніаты были обижаемы неуніатами и лишились своихъ имѣній. Но это противорѣчитъ всѣмъ рѣшительно извѣстіямъ, идущимъ отъ самаго древняго времени. Никогда не бывало подобнаго примѣра. Напротивъ, извѣстны весьма многочисленные примѣры, когда уніаты сильно обижали неуніатовъ, насильственно отнимали у нихъ храмы и недвижимыя имѣнія, что̀ продолжается и доселѣ“.

Разсказавъ затѣмъ о тѣхъ насиліяхъ, какими сопровождалось незадолго предъ тѣмъ совершившееся отобраніе православныхъ храмовъ на унію въ Кричевскомъ округѣ, и замѣтивъ, что подобныя насилія и преслѣдованія совершенно противны всѣмъ правамъ польскаго государства и союзнымъ договорамъ Польши съ Россіею, Кейзерлингъ просилъ короля принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы прекратились преслѣдованія православныхъ и отнятіе у нихъ храмовъ. 24 февраля 1752 г. коронный подканцлеръ, по приказанію короля, отвѣчалъ нашему послу, что король, подтвердивъ церковныя привиллегіи уніатовъ, отнюдь не давалъ имъ права обижать православныхъ и отнимать у нихъ храмы. При этомъ король обѣщалъ вразумить священника Ильинича и прекратить его „безпутныя дѣянія [139])“.

Въ томъ же 1752 г. наше посольство ходатайствовало предъ королемъ о защитѣ Виленскаго св. духовскаго монастыря и Бѣлорусской епархіи, гдѣ снова нѣкоторые храмы были насильственно захвачены уніатами. Самъ король, повидимому, былъ весьма расположенъ сдѣлать угодное русской императрицѣ и облегчить хоть сколько нибудь положеніе своихъ православныхъ подданныхъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ совершенно безсиленъ сдѣлать что либо въ этомъ отношеніи. Католическое духовенство, особенно высшее въ лицѣ бискуповъ, не желало слушаться королевскихъ рескриптовъ и министерскихъ напоминаній. Такъ, напр., Виленскій бискупъ 10 іюня 1753 г. писалъ Литовскому канцлеру кн. Чорторыйскому, напоминавшему ему, по королевскому приказанію, о прекращеніи притѣсненій православныхъ, что онъ, запрещая православнымъ строить новые и обновлять ветхіе храмы, поступаетъ на основаніи сеймовыхъ конституцій, что русское посольство неправильно понимаетъ и толкуетъ законы польскаго государства. Виленскій бискупъ прямо совѣтовалъ кн. Чарторыйскому рекомендовать русскимъ министрамъ, чтобы они, если имѣютъ какія либо ходатайства въ пользу православныхъ, обращались съ ними не къ королю, а къ сейму польской республики, рѣшеніямъ котораго онъ обязанъ подчиняться.

Подъ вліяніемъ подобнаго образа дѣйствій и рѣчей католическаго духовенства, король Августъ III въ 1753 г. снова думалъ было составить особую коммиссію, съ участіемъ въ ней православныхъ членовъ, для всесторонняго изслѣдованія дѣла. Но и эта коммиссія, подобно той, какая была образована въ 1744 г., осталась совершенно безрезультатной [140]).

Между тѣмъ преслѣдованія православныхъ продолжались. Съ особенною силою они разразились въ

данное время въ Бѣлоруссіи и на Подляшьѣ. Между прочимъ, уніатскіе монахи всячески тѣснили и грабили православные монастыри: Брестскій и Яблоченскій. Во время одного нападенія на эти монастыри базиліане (уніатскіе монахи) захватили много цѣннаго имущества и монастырскіе документы. Когда игумены этихъ монастырей стали просить уніатовъ возвратить имъ заграбленныя вещи и документы, то базиліане не только ничего не возвратили, но еще хвалились совсѣмъ отнять у нихъ монастыри, всячески порицая при этомъ православіе. „Какое у васъ священство“, говорили базиліане православнымъ подданнымъ, „и какія у васъ таинства совершаются? Вы—схизматики, вы—хуже жидовъ, турокъ и всякаго рода поганыхъ (язычниковъ). Ваши патріархи—не патріархи, но лже-патріархи, также и митрополитъ вашъ кіевскій не есть правильный митрополитъ, но лже-митрополитъ, потому что они чинъ свой получаютъ не у святѣйшаго папы, но у царицы московской“ [141]).

Шляхтичи польскіе нисколько не уступали католическому и уніатскому духовенству въ этомъ отношеніи. Мало того, что они преслѣдовали и тѣснили православныхъ своихъ подданныхъ, но по временамъ они осмѣливались оскорблять русскую императрицу и русское правительство, именемъ которыхъ православные западно-руссы защищались. Объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. И вотъ 23 сентября 1753 года, императрица велѣла отправить особый рескриптъ нашему послу въ Варшавѣ. Онъ долженъ былъ немедленно выступить на защиту интересовъ православныхъ жителей Польши и объявить польскому правительству, между прочимъ, слѣдующее, „императрица не можетъ надивиться, почему поляки такъ рискованно поступаютъ въ этомъ

дѣлѣ, дозволяя себѣ всякія обиды и притѣсненія ея единовѣрцевъ и хорошо зная, что это противно договору о вашемъ мирѣ между Россіею и Польшею. Повидимому, они слишкомъ мало цѣнятъ ея снисхожденіе, когда не стыдятся и не боятся не только явно нарушать договоръ, заключенный Россіей съ Польшей, но еще и угрожаютъ Россіи и ея императрицѣ. Такъ, напр., незадолго предъ тѣмъ литовскій хорунжій Радзивиллъ, которому было отказано русскимъ правительствомъ въ выдачѣ одного бѣглаго, прямо заявилъ въ письмѣ къ секретарю русскаго посольства Ржичевскому, что онъ теперь будетъ всячески тѣснить единовѣрцевъ русской императрицы, живущихъ въ его владѣніяхъ."

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, нашему послу предписывалось представить королю новую жалобу на притѣсненія православныхъ въ его государствѣ и затѣмъ какъ предъ королемъ, такъ и предъ министрами настойчиво домогаться, чтобы дѣло о православныхъ западно-руссахъ было окончено, на основаніи существующаго между Россіею и Польшею договора, а именно, чтобы православныхъ не принуждали силою принимать унію, отнятыя у нихъ церкви и всякія имущества были возвращены и, кромѣ того, имъ была разрѣшена постройка новыхъ и починка старыхъ церквей. Независимо отъ этого нашъ посолъ долженъ былъ лично отъ себя объявить князю Огинскому, что императрица глубоко соболѣзнуетъ о несчастныхъ подданныхъ его православнаго исповѣданія, и посовѣтовать ему, что для него было бы лучше и спасительнѣе заняться обращеніемъ въ христіанство „жидовъ", живущихъ въ его владѣніяхъ, чѣмъ православныхъ христіанъ насильно привлекать въ унію. Другому изъ польскихъ магнатовъ, князю

Радзивиллу, нашъ посолъ долженъ былъ объявить что его умѣніе дѣлать всякій вредъ бѣднымъ людямъ принесетъ ему не славу, а только большій стыдъ. Наконецъ, Виленскому бискупу, который былъ главнымъ виновникомъ жестокихъ преслѣдованій православныхъ, нашъ посолъ, по порученію государыни, долженъ былъ объявить что за свою жестокость онъ современемъ непремѣнно понесетъ должное наказаніе и будетъ раскаиваться въ своей непомѣрной гордости [142]).

Русскій посолъ Гроссъ не замедлилъ исполнить такъ ясно и рѣшительно выраженную волю своей государыни. 6 октября того же 1653 года былъ полученъ и отвѣтъ польскихъ министровъ на представленіе русскаго посла. Этотъ отвѣтъ былъ такой же уклончивый и недобросовѣстный, какъ и всѣ предыдущіе. Польскіе министры заявляли, что ихъ король всегда заботился о томъ, чтобы рѣшительно никто изъ его подданныхъ не терпѣлъ обиды ни въ чемъ, особенно же въ отношеніи свободнаго исповѣданія вѣры. Никакой новый указъ короля по этому поводу не былъ бы ни сильнѣе, ни дѣйствительнѣе существующихъ государственныхъ законовъ. Въ законахъ ясно указано, что всѣ обиженные въ своихъ правахъ на свободное исповѣданіе вѣры должны искать удовлетворенія въ установленныхъ судахъ. Что же касается договора 1686 года, то этотъ послѣдній, по мнѣнію польскихъ министровъ, ничего не говоритъ о томъ, чтобы исповѣдники различныхъ вѣръ не могли соединяться съ господствующею въ государствѣ церковью. Въ предѣлахъ самой Россіи, во время заключенія договора 1686 г., было не мало жителей католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданій, отъ которыхъ однакоже къ данному времени не осталось ни-

какого слѣда. Въ заключеніе всего польскіе министры обѣщали, что и король и министерство примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы на будущее время духовенство католическое и уніатское не препятствовало православнымъ жителямъ Польши строить новыя и поправлять обветшавшія церкви [143]).

Приведенный нами сейчасъ отвѣтъ польскаго министерства былъ такъ очевидно несправедливъ, что нашъ посолъ не могъ оставить его безъ возраженій. На другой же день (7 октября) г. Гроссъ отвѣтилъ польскимъ министрамъ, причемъ выразилъ свое прискорбіе по поводу ссылки ихъ на государственные законы и суды. Вслѣдствіе воцарившагося въ польскихъ судахъ произвола, православные не могли нисколько разсчитывать на справедливое рѣшеніе своего дѣла въ судахъ польскаго государства. Къ тому же православные жители Польши были настолько бѣдны, что они не могли и начинать своихъ дѣлъ съ противниками въ польскихъ судахъ, гдѣ на каждомъ шагу требовались большія суммы денегъ, православные западно-руссы, по словамъ Гросса, могли бы сейчасъ-же возбудить около 180 тяжебныхъ дѣлъ съ католиками и уніатами, если бы только имѣли средства для этого. Самъ посолъ обязывался немедленно представить подробную роспись весьма многимъ монастырямъ и церквямъ, отнятымъ у православныхъ ихъ противниками. Основываясь на текстѣ § 9 договора 1686 г. и исполняя повелѣніе своей государыни, русскій посолъ и настаивалъ еще разъ на немедленномъ предварительномъ возвращеніи православнымъ всѣхъ монастырей и церквей, отнятыхъ у нихъ католиками и уніатами съ 1710 года, ибо, прибавлялъ онъ, съ требованіями справедливости согласно именно начать дѣло удовле-

творенія обиженныхъ возвращеніемъ насильно отнятаго у нихъ [144]).

Впослѣдствіи, до самаго конца царствованія императрицы Елизаветы Петровны, почти непрерывно продолжались переговоры ея правительства съ польскимъ по поводу непрекращавшихся преслѣдованій православныхъ жителей Польши. Съ ходомъ и результатами этихъ переговоровъ мы будемъ имѣть возможность близко познакомиться въ слѣдующихъ разсказахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Преслѣдованіе православныхъ въ Бѣлоруссіи при епископѣ Іеронимѣ Волчанскомъ.

Главнымъ центромъ борьбы православныхъ западно-руссовъ за вѣру и народность въ царствованіе Елизаветы Петровны оставалась Бѣлоруссія. Здѣсь существовала единственная во всей Западной Руси православная епархія—Бѣлорусская. Архіереи этой послѣдней епархіи, въ силу самаго своего положенія, и были главными руководителями православныхъ бѣлоруссовъ и вообще всѣхъ западно-руссовъ въ ихъ борьбѣ за вѣру и народность.

До 1742 года Бѣлорусскимъ епископомъ оставался *Іосифъ Волчанскій*, съ обстоятельствами избранія котораго на каѳедру и дѣятельности его на ней мы уже знакомы изъ предыдущихъ нашихъ разсказовъ [145]). Когда онъ въ 1742 г. былъ переведенъ въ Москву, то на его мѣсто православнымъ духовенствомъ и всѣмъ православнымъ населеніемъ Бѣлоруссіи былъ избранъ его младшій братъ *Іеронимъ Волчанскій*.

Это избраніе, состоявшееся при участіи Россіи, было какъ нельзя болѣе благопріятно для дѣла православія и русской народности въ Западной Руси. Іеронимъ Волчанскій, съ которымъ мы уже отчасти знакомы по его дѣятельности въ качествѣ игумена

—старшаго Виленскаго св. духовскаго монастыря [146]), былъ хорошо знакомъ и съ порядками польскаго государства и съ исторически сложившимся положеніемъ въ немъ православнаго населенія. Съ другой стороны, его добрымъ совѣтникомъ и руководителемъ, особенно на первыхъ порахъ его дѣятельности въ Бѣлоруссіи, могъ быть и, дѣйствительно, былъ его старшій братъ—Іосифъ, который прекрасно былъ знакомъ и съ внутреннимъ состояніемъ Бѣлорусской епархіи и съ тѣми затрудненіями, какія приходилось чаще всего преодолѣвать Бѣлорусскому православному епископу въ его архипастырской дѣятельности.

А эти затрудненія и горькія непріятности новаго Бѣлорусскаго архипастыря начались съ самаго момента его избранія на каѳедру. Непосредственно вслѣдъ за избраніемъ Іеронимъ Виленскій былъ вызванъ изъ Вильны въ Москву и здѣсь былъ посвященъ въ епископскій санъ. Но не сразу Іеронимъ Волчанскій рѣшился ѣхать въ Бѣлоруссію. Не смотря на то, что и печальное положеніе Бѣлорусской православной епархіи требовало присутствія его въ Могилевѣ и наше правительство, побуждаемое просьбами православныхъ Бѣлоруссовъ, настаивало на томъ, самъ Іеронимъ Волчанскій рѣшительно заявилъ, что онъ не поѣдетъ въ Могилевъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ королевской привиллегіи, утверждающей его въ должности Бѣлорусскаго епископа. Сейчасъ мы увидимъ, что Іеронимъ Волчанскій былъ вполнѣ правъ, когда полученіе королевской привиллегіи поставлялъ непремѣннымъ условіемъ своего отправленія въ Бѣлоруссію. Безъ этой предосторожности, его несомнѣнно постигла бы печальная судьба его предшественника —Арсенія Берла.

Наше правительство еще 19 августа 1742 г. поручило своему послу въ Варшавѣ барону Кейзерлингу ходатайствовать о выдачѣ Іерониму Волчанскому королевской привиллегіи на бѣлорусское епископство. Хотя ни со стороны происхожденія, ни въ обстоятельствахъ избранія на Бѣлорусскую каѳедру Іеронима Волчанскаго не было никакихъ препятствій къ удовлетворенію ходатайства русскаго правительства,— ибо во всемъ этомъ онъ никакъ не отличался отъ своего старшаго брата — Іосифа, котораго, хотя и послѣ большихъ мытарствъ, утвердили раньше въ епископскомъ достоинствѣ,—тѣмъ не менѣе польскія власти стали придумывать различныя затрудненія и оттягивать выдачу утвердительной королевской привиллегіи Іерониму Волчанскому. Дѣлалось это главнымъ образомъ по проискамъ папскаго нунція и Полоцкаго уніатскаго архіепископа Флоріана Гребницкаго, которые всѣми мѣрами старались уничтожить послѣднюю православную епархію въ Польшѣ.

Сначала польское правительство просто медлило съ выдачею грамоты Іерониму Волчанскому. Потомъ оно дало знать нашему правительству, что привиллегія Іерониму Волчанскому уже была подписана королемъ и отправлена для скрѣпленія ея приложеніемъ государственной печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ польское правительство предлагало Іерониму Волчанскому тогда же (лѣтомъ 1743 года отправиться въ Польшу безъ посвященія въ архіерейскій санъ (польскому правительству, очевидно, еще было неизвѣстно о совершившейся въ Москвѣ хиротоніи Іеронима Волчанскаго). Св. синодъ, дѣйствительно, предложилъ было Іерониму Волчанскому тогда же отправиться въ Могилевъ, гдѣ православные крайне нуждались въ архіереѣ.

Но Іеронимъ Волчанскій категорически возсталъ противъ мысли объ отправленіи его въ Бѣлоруссію до полученія королевской привиллегіи. Въ своемъ докладѣ св. синоду по этому поводу Іеронимъ Волчанскій разбиралъ и опровергалъ всѣ доводы, какіе выставляло польское правительство въ оправданіе своего образа дѣйствій. Во всѣхъ дѣйствіяхъ польскаго правительства по данному вопросу онъ видѣлъ одно только явное нарушеніе вѣчнаго трактата. Отправленіе его самаго и кого бы то ни было въ Бѣлоруссію безъ посвященія въ епископскій санъ, какъ предлагало польское правительство, онъ признавалъ рѣшительно невозможнымъ, потому что это вредно отразилось бы на положеніи православія въ Польшѣ и подвергло бы серьезной опасности даже самое существованіе единственной въ Польшѣ православной епархіи. Ссылки польскаго правительства на необходимость ожиданія сейма, для утвержденія Іеронима Волчанскаго въ должности Бѣлорусскаго епископа, этотъ послѣдній признавалъ несерьезными, неважными и неосновательными. Іеронимъ Волчанскій совершенно резонно указывалъ на то, что его предшественникамъ польскіе короли выдавали привиллегіи всегда единолично, безъ всякаго участія въ томъ сеймовъ. Въ отношеніи Бѣлорусской епархіи это было даже необходимо по самымъ основнымъ законамъ польскаго государства, такъ какъ Бѣлорусская епархія находилась въ собственныхъ владѣніяхъ короля, который имѣлъ право самолично распоряжаться здѣсь раздачею должностей и утвержденіемъ въ нихъ. Наконецъ, такое направленіе, какое старалось дать дѣлу польское правительство, очевидно, по происками враговъ православія, было бы, по мнѣнію Іеронима Волчанскаго, весьма невыгодно и даже опасно для его преемни-

ковъ и для самаго существованія Бѣлорусской православной епархіи [147]).

Св. синодъ согласился съ такими доводами Іеронима Волчанскаго и просилъ наше правительство добиваться выдачи королевской привиллегіи Бѣлорусскому епископу. Но только 2 октября 1744 года была получена эта привиллегія [148]).

Пока происходили всѣ описанные нами переговоры объ утвержденіи Іеронима Волчанскаго въ должности Бѣлорусскаго епископа и выдачѣ ему королевской грамоты, самъ Іеронимъ жилъ въ Москвѣ у своего брата—архіепископа Іосифа. Между тѣмъ противники православныхъ пользовались продолжительнымъ отсутствіемъ епископа и старались нанести имъ возможно бо̀льшій вредъ путемъ совращенія слабыхъ въ унію и насильственнаго обращенія въ унію монастырей и церквей.

Такъ, лѣтомъ 1743 г. Іеронимъ Волчанскій получилъ въ Москвѣ свѣдѣнія о насильственномъ отобраніи у православныхъ на унію нѣсколькихъ монастырей и многихъ церквей Бѣлорусской епархіи. Въ 1744 году къ Іерониму въ Москву явился лично Бѣлорусскій священникъ Петръ Голотскій, сообщившій ему весьма прискорбныя свѣдѣнія о томъ, какъ церковь, при которой онъ служилъ, была насильно захвачена уніатами и самъ онъ былъ изгнанъ изъ прихода. 27 августа того же 1744 г. намѣстникъ Бѣлорусской каѳедры іеромонахъ Рафаилъ сообщилъ своему архипастырю, что противники православныхъ начали простирать свои притязанія на владѣнія самой архіерейской каѳедры въ Могилевѣ: захватывали перевозы черезъ р. Днѣпръ, принадлежавшіе ей, и отнимали у нея другія различныя недвижимыя владѣнія [149]). Въ тоже самое время (10 марта 1744 г.) и

св. синодъ получилъ свѣдѣніе изъ Бѣлоруссіи, что тамъ унія съ каждымъ часомъ распространялась все болѣе и болѣе на счетъ православія [150]).

Имѣя такія свѣдѣнія о положеніи православной паствы въ Бѣлоруссіи, Іеронимъ Волчанскій давно уже томился духомъ въ Москвѣ и стремился въ свою епархію. Единственно только желаніе блага своей несчастной епархіи заставляло его сидѣть въ Москвѣ въ ожиданіи королевской грамоты. Наконецъ, королевское утвержденіе было получено. Испросивъ себѣ у св. синода нѣкоторую денежную помощь и заручившись обѣщаніемъ содѣйствія въ предстоявшей ему службѣ, преосв. Іеронимъ въ самомъ началѣ 1745 г. выѣхалъ изъ Москвы и 16 января того же года прибылъ въ Могилевъ, гдѣ православные встрѣтили своего архипастыря съ великою радостію. Но весьма нерадостно было личное знакомство Іеронима Волчанскаго съ своею епархіею. Безъ труда онъ скоро могъ убѣдиться въ томъ, что единственная православная епархія въ Польшѣ находилась на краю окончательной гибели. Съ большимъ тактомъ, осторожно, спокойно и самоотверженно началъ онъ трудиться надъ спасеніемъ того, что̀ еще могло быть спасено. Преосв. Іеронимъ защищалъ обиженныхъ, давалъ совѣты тѣмъ, кто изъ православныхъ долженъ былъ обращаться въ судъ съ жалобами на своихъ обидчиковъ, писалъ рекомендательныя письма, разъяснялъ русскому правительству истинное положеніе дѣла православія и русской народности въ Польшѣ, ходатайствовалъ предъ русскою государынею за гонимыхъ православныхъ жителей Польши и т. п. Само собою понятно, что, благодаря всему этому, онъ сдѣлался крайне ненавистенъ въ Польшѣ всѣмъ тѣмъ, кто желалъ и домогался скорѣйшаго уничтоженія православной вѣры

и русской народности здѣсь. Особенно фанатичные представители католическаго и уніатскаго духовенства подумывали даже о насильственномъ устраненіи такого противника, какимъ былъ Іеронимъ Волчанскій, въ то время какъ магнаты польскіе, побуждаемые тѣмъ же духовенствомъ, стремились другими средствами удалить его изъ Бѣлоруссіи. Такимъ образомъ, создалось крайне тяжелое и даже невыносимое положеніе Іеронима Волчанскаго въ Бѣлоруссіи: съ одной стороны, ему на каждомъ шагу грозила смертная опасность; а съ другой стороны, его всячески чернили въ глазахъ русскаго правительства, добиваясь удаленія его изъ Могилева.

Вотъ нѣсколько фактовъ изъ жизни и истинно апостольской дѣятельности Іеронима Волчанскаго въ Бѣлоруссіи.

Въ 1745 г. изъ Орши въ Могилевъ былъ переведенъ католическій ксендзъ Симонъ Гриневичъ. Это былъ ярый фанатикъ. Онъ ни предъ чѣмъ не останавливался, когда дѣло шло о распространеніи католической вѣры, особенно на счетъ ненавистной ему схизмы, т. е. православія. Убѣдившись, что Іеронимъ Волчанскій можетъ задержать успѣхъ его пропаганды, Гриневичъ началъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ подобнаго противника. Фанатикъ открыто говорилъ въ Могилевѣ: „хочу быть вторымъ Іосафатомъ; я на это и опредѣленъ здѣсь и не перестану, пока Могилевъ Витебскомъ не сдѣлаю и не превращу на унію“. Гриневичъ писалъ и распространялъ въ народѣ всевозможные пасквили противъ Іеронима Волчанскаго, возбуждалъ католиковъ и уніатовъ противъ православныхъ, подавалъ жалобы и протестаціи на православныхъ въ суды. Когда же Іеронимъ Волчанскій пробовалъ защищаться и жаловаться на злого

фанатика, то Гриневичъ писалъ, что онъ ни въ чемъ невиновенъ, что епископъ Волчанскій привыкъ устраивать ссоры между польскимъ и русскимъ дворами, что ему не довѣряетъ даже самъ русскій посланникъ и просилъ ни въ чемъ не вѣрить Іерониму Волчанскому [151]).

Въ 1748 г. въ Могилевѣ произошелъ большой пожаръ, причинившій сильныя бѣдствія и православнымъ: сгорѣла каѳедральная церковь, архіерейскій домъ и сильно обгорѣлъ верхъ Братской церкви. Гриневичъ радовался по поводу несчастія православныхъ и, при посредствѣ уличной черни, не давалъ имъ возможности повѣсить уцѣлѣвшіе колокола братской церкви. Кромѣ того, онъ убѣдилъ начальника Могилевской экономіи начать открытое преслѣдованіе православныхъ подданныхъ экономіи съ цѣлію обращенія ихъ въ унію [152]).

Вскорѣ послѣ того (27 февраля 1749 г.) ксендзъ Гриневичъ, вмѣстѣ съ другими противниками православныхъ, вопреки основнымъ государственнымъ законамъ, добился разными средствами того, что главный литовскій трибуналъ постановилъ рѣшеніе, въ силу котораго всякій могъ „хватать и вязать“ служителей Бѣлорусскаго епископа. Это незаконное постановленіе было сдѣлано въ разсчетѣ на то, чтобы Іеронима Волчанскаго оставили всѣ православные и самъ онъ вынужденъ былъ уѣхать изъ Могилева. Однакоже Іеронимъ Волчанскій не испугался и потребовалъ, чтобы дѣло о немъ было перенесено въ королевскій судъ и было ведено законнымъ порядкомъ. Такой оборотъ дѣла заставилъ противниковъ Бѣлорусскаго епископа нѣсколько опомниться и удержаться отъ исполненія незаконнаго рѣшенія [153]).

Однимъ изъ враговъ преосв. Іеронима былъ знатный шляхтичъ Огинскій, происходившій изъ рене-

гатскаго русскаго рода дворянъ. Подобно Гриневичу, онъ старался подорвать довѣріе нашего правительства къ дѣятельности и донесеніямъ Іеронима Волчанскаго. Этого послѣдняго онъ представлялъ человѣкомъ крайне безпокойнымъ и неспособнымъ занимать такое мѣсто, какъ отвѣтственная должность Бѣлорусскаго епископа. На самомъ же дѣлѣ Огинскій, подобно другимъ шляхтичамъ желалъ, по справедливому замѣчанію самаго Іеронима Волчанскаго, чтобы онъ „побольше проявлялъ умѣренности и спокойствія, ничего не говорилъ и не писалъ о томъ, что дѣлалось въ Бѣлорусской православной епархіи.—однимъ словомъ, былъ-бы только „бездѣльнымъ пастыремъ здѣсь бы“ [154]).

Но преосв. Іеронимъ не желалъ и не могъ, по своему характеру, быть такимъ архипастыремъ. Онъ готовъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ служить дѣлу православія и русской народности. Одушевленный такою готовностію, онъ не побоялся вступить въ открытую борьбу даже съ однимъ изъ видныхъ и дѣятельныхъ представителей русскаго правительства въ Польшѣ. Разумѣемъ секретаря Голембіовскаго, о столкновеніи съ которымъ Іеронима Волчанскаго мы отчасти уже упоминали.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія донесеніе преосв. Іеронима св. синоду отъ 10 іюля 1747 г., гдѣ онъ съ полнымъ безпристрастіемъ, смѣло и остроумно опровергаетъ обвиненія Голембіовскаго противъ него и яркими красками изображаетъ дѣйствительное отношеніе Голембіовскаго къ дѣлу православія и русской народности въ Польшѣ, которыми онъ завѣдывалъ часто, по порученію коллегіи иностранныхъ дѣлъ и посланниковъ нашихъ въ Варшавѣ. Голембіовскій, между прочимъ, писалъ, что православные иногда жалуются неосновательно, причемъ нерѣдко они сами,

будто бы, бывали первыми обидчиками католиковъ и уніатовъ. „Эта жалоба поляковъ и господина Голембіовскаго“, замѣчаетъ по этому поводу Іеронимъ Волчанскій, „подобна жалобѣ Эзопова волка на барана, который (волкъ), стоя выше барана въ рѣкѣ, жаловался, что баранъ мутитъ ему чистую воду. Такъ и католики съ уніатами, духовные и свѣтскіе, пользуясь въ Польшѣ полною свободою, поносятъ, какъ хотятъ, православную вѣру не только на словахъ, но и на письмѣ, печатая и распространяя ругательныя книги, направленныя противъ православной вѣры; не довольствуясь всѣмъ этимъ, они теперь еще, какъ видно, желаютъ свою вину свалить на насъ. Мы увѣрены, что и на будущей комиссіи они постараются выставить противъ насъ еще бо̀льшія измышленныя клеветы и нареканія, представятъ ложныхъ свидѣтелей и добьются нашего обвиненія подобно тому, какъ они сдѣлали это недавно съ протестантами въ коронномъ городѣ Торуни“ [155]).

По поводу словъ Голембіовскаго, будто православные въ Польшѣ не настолько ужъ притѣсняются, какъ это они представляютъ въ своихъ постоянныхъ жалобахъ, что они часто жалуются потому только, что привыкли къ этому, Іеронимъ Волчанскій писалъ св. синоду, между прочимъ, слѣдующее. „Это“, говоритъ онъ, „кратко можно объяснить на такомъ примѣрѣ: когда кто либо сильно за лобъ держитъ другого и смертно бьетъ его, то можетъ ли онъ не кричать? А между тѣмъ господинъ резидентъ совѣтуетъ избиваемому тише поступать и не кричать. Всему міру извѣстно, какія притѣсненія дѣлаются въ Польшѣ жителямъ греческаго православнаго исповѣданія съ давнихъ временъ, гораздо раньше моего прибытія сюда. Но намъ весьма трудно доказать все это доку-

ментами; напр., представить фундуши и привиллегіи на отнятыя въ разныя времена у насъ уніатами церкви, потому что всѣ эти документы тогда же, при отобраніи церквей, были захвачены нашими противниками. Равнымъ образомъ какія бы насилія, притѣсненія и ругательства ни производились надъ православными, имъ, какъ священникамъ, такъ и мірскимъ людямъ, нельзя никакъ показывать противъ своихъ владѣтельныхъ пановъ и на судѣ и на предполагаемой коммиссіи, развѣ только они рѣшились бы, оставивъ все, бѣжать въ другое государство“ [156])...

Много и другого, неотразимаго по своей справедливости, написалъ Іеронимъ Волчанскій въ разсматриваемомъ нами донесеніи св. синоду. Этимъ онъ оказалъ великую услугу дѣлу православія и русской народности въ Польшѣ. Своимъ правдивымъ словомъ онъ вполнѣ раскрылъ глаза св. синоду, а чрезъ него и свѣтскому нашему правительству на истинное положеніе православныхъ въ Польшѣ. Однимъ изъ слѣдствій смѣлаго шага, предпринятаго Бѣлорусскимъ архипастыремъ, было временное устраненіе Голембіовскаго отъ завѣдыванія дѣломъ о положеніи православныхъ въ Польшѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это же принесло и величайшія непріятности самому Іерониму Волчанскому. У него теперь появилось множество непримиримыхъ враговъ, во главѣ которыхъ стоитъ тотъ же Голембіовскій и которые употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы удалить, или даже совсѣмъ погубить мужественнаго борца за православную вѣру и русскую народность въ Польшѣ. Много несчастій и огорченій пришлось перенести Іерониму Волчанскому за свою преданность православію и русской народности, за свою искренность, прямоту и стойкость

убѣжденій и дѣйствій. Но ничто не могло сломить непреклоннаго мужества архипастыря. Среди непрерывныхъ преслѣдованій, величайшихъ лишеній, къ которымъ въ концѣ присоединилась еще тяжкая физическая болѣзнь, преосв. Іеронимъ и скончался 13 октября 1754 года, какъ вѣрный воинъ Христовъ на своемъ посту [157]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Новый архипастырь Бѣлоруссіи и преслѣдованія православныхъ бѣлоруссовъ при немъ.

Смерть Іеронима Волчанскаго доставила большую радость всѣмъ противникамъ православія и русской народности въ Польшѣ. Они желали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы совершенно уничтожить единственную въ Польшѣ православную епархію. Полоцкій уніатскій митрополитъ Флоріанъ Гребницкій, желавшій завладѣть Бѣлорусской православной епархіею еще предъ назначеніемъ на нее Іеронима Волчанскаго, возбудилъ теперь снова вопросъ о присоединеніи Бѣлорусской епархіи къ Полоцкой и обращеніи всѣхъ православныхъ бѣлоруссовъ въ унію. Его поддержалъ папа Бенедиктъ XIV, который особою буллою (отъ 7 февраля 1755 г.) на имя короннаго канцлера гр. Малаховскаго благословилъ его на „великій“ и „славный“ подвигъ—всѣми силами и средствами воспрепятствовать назначенію новаго православнаго епископа на могилевскую каѳедру. „Покажи ревность свою по вѣрѣ“, писалъ папа Малаховскому, „и содѣйствуй, да не будетъ поставленъ новый епископъ на ту каѳедру, но лучше пусть будетъ изгнанъ, какъ насильникъ. Не смотри ни на какія препятствія и усердно постарайся совершить это дѣло къ радости и славѣ церкви [158]).“

Дѣйствительно, гр. Малаховскій старался исполнить желаніе папы, въ чемъ ему помогали католическое и уніатское духовенство, во главѣ съ Гребницкимъ, и многіе польскіе магнаты. Но, къ счастію, усилія ихъ остались безуспѣшными. Правительство императрицы Елизаветы Петровны поняло всю великую важность сохраненія единственной въ Польшѣ православной епархіи. По приказанію государыни, нашъ посланникъ въ Варшавѣ Гроссъ весьма энергично выступилъ на защиту православныхъ, за которыми и была сохранена Бѣлорусская епархія, не смотря на всѣ происки враговъ православія. Православное духовенство и паства Бѣлорусская избрали своимъ новымъ архипастыремъ ректора Кіевской Академіи архимандрита Георгія Конисскаго, „природнаго малороссійскаго шляхтича (дворянина), человѣка довольно ученаго и честнаго и благонравнаго житія“. 23 мая 1755 года король выдалъ привиллегію Георгію Конисскому [159]), а 20 августа того же года Георгій Конисскій былъ посвященъ кіевскимъ митрополитомъ въ санъ Бѣлорусскаго епископа [160]).

Выборъ Георгія Конисскаго на Бѣлорусскую каѳедру былъ въ высшей степени удаченъ и цѣлесообразенъ. Именно такой архипастырь и человѣкъ, какимъ былъ Георгій Конисскій, былъ необходимъ для Бѣлоруссіи въ то время. Георгій Конисскій былъ образованный, энергичный и весьма тактичный человѣкъ. Замѣчательный ораторъ вообще, онъ, въ частности, свободно владѣлъ польскимъ языкомъ, прекрасно зналъ польскую исторію и исторію западной Руси въ особенности. Наконецъ, Георгій Конисскій весьма хорошо зналъ польское право и судоустройство польско-литовскаго государства, что составляло тогда насколько рѣдкое, настолько же и драгоцѣнное ка-

чество въ русскомъ дѣятелѣ, который долженъ былъ служить въ западно-русскомъ краѣ. Впослѣдствіи Георгій Конисскій еще болѣе расширилъ и увеличилъ свои знанія въ области польскаго законодательства и судоустройства и, благодаря, этому, оказывалъ всѣмъ православнымъ западно-руссамъ, обращавшимся къ нему за совѣтами, незамѣнимыя услуги. Надъ всѣми этими замѣчательными качествами, совмѣщавшимися въ Георгіи Конисскомъ, возвышалась еще глубочайшая и непоколебимая преданность его своему народу и величайшая ревность къ православной вѣрѣ.

Такой архипастырь былъ назначенъ въ Бѣлоруссію на мѣсто Іеронима Волчанскаго. Замѣчательная дѣятельность Георгія Конисскаго проявилась вполнѣ нѣсколько позже, въ царствованіе императрицы Екатерины II. Но и въ годы правленія Елизаветы Петровны Георгій Конисскій успѣлъ сдѣлать много добраго и полезнаго для православія и русской народности въ Западной Руси. Объ этомъ мы и скажемъ сейчасъ.

20 октября 1755 года Георгій Конисскій прибылъ въ свой каѳедральный городъ—Могилевъ, въ сопровожденіи нарочито пріѣхавшихъ за нимъ въ Кіевъ православныхъ могилевцевъ. Самъ Георгій Конисскій такъ описывалъ впослѣдствіи свои первоначальныя впечатлѣнія отъ Могилева и сохранившагося въ немъ православія. „Подъѣхавши къ Могилеву“, говоритъ онъ, „я прежде всего узналъ свою каѳедру по великому безобразію и бѣдности ея сравнительно съ римскими костелами и жидовскими школами, хорошо отдѣланными и богато украшенными; православная каѳедра замѣтно выдѣляется и обращаетъ на себя не только глаза, но и смѣхъ иновѣрныхъ [161])“.

Вскорѣ послѣ того Георгію Конисскому пришлось убѣдиться въ томъ, что и вся его епархія—„жалка, угнетенна и зѣло страждуща“, по его собственному выраженію. При первомъ же вступленіи въ управленіе несчастною Бѣлорусскою епархіею Георгій Конисскій произноситъ учительное слово съ церковной каѳедры. Здѣсь онъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что непремѣнный долгъ истиннаго пастыря, по его взгляду, заключается въ постоянномъ учительствѣ пасомыхъ и не только словомъ, но и дѣломъ. Всею своею послѣдующею жизнію и дѣятельностію въ Бѣлоруссіи Георгій Конисскій показалъ, что это были не одни только слова въ его устахъ. Онъ всегда былъ и до конца жизни остался учительнымъ пастыремъ, восхищавшимъ Бѣлоруссію своими умными и трогательными поученіями, истиннымъ апостольскимъ трудникомъ, во всякое время готовымъ положить душу свою за благо православной вѣры и русской народности.

Георгій Конисскій засталъ Бѣлорусскую епархію гонимою и преслѣдуемою. Преслѣдованія продолжались и при немъ. Георгій Конисскій не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ гоненій. Такъ какъ у него и у паствы его не было собственныхъ средствъ для защиты, то Георгій Конисскій, по примѣру своихъ предшественниковъ, началъ обращаться за помощью къ русскому правительству. Въ своихъ донесеніяхъ св. синоду онъ сообщалъ ему о всѣхъ насиліяхъ надъ православными и главнымъ образомъ объ отобраніи у нихъ церквей на унію [162]). Жалобы Георгія Конисскаго вызывали новыя представленія русскаго правительства въ защиту православныхъ жителей Польши [163]). Само собою разумѣется, что это сильно озлобляло противниковъ православія, которые готовы

были на всякія средства для того, чтобы избавиться отъ новаго энергичнаго и ловкаго борца за православную вѣру и русскую народность. Начались преслѣдованія, направленныя противъ самаго Георгія Конисскаго.

Такъ, наприм., лѣтомъ 1759 г. онъ посѣтилъ городъ Оршу съ цѣлію обозрѣнія находившихся здѣсь православныхъ монастырей и церквей. Здѣсь же въ это время находилась католическая миссія. Преосв. Георгій служилъ въ Кутеенскомъ Оршанскомъ монастырѣ и сказалъ поученіе народу, который предостерегалъ отъ разныхъ „волковъ“. На служеніи былъ одинъ изъ переодѣтыхъ миссіонеровъ вмѣстѣ съ своими учениками. Когда Георгій Конисскій, по окончаніи службы, отправился изъ монастыря въ городъ, толпы католическихъ миссіонеровъ, шляхтичей и солдатъ сопровождали его насмѣшками, неистовыми криками и ругательствами, запретили православнымъ звонить въ колокола и разогнали городскіе цехи, вышедшіе съ хоругвями на встрѣчу своему епископу. Не ограничившись этимъ, они возбудили все городское населеніе противъ епископа, котораго неотступно преслѣдовали насмѣшками и непристойными выходками. Однажды во время самаго богослуженія католическіе миссіонеры съ разною чернью напали на церковь, гдѣ служилъ Георгій Конисскій, били людей и, ставши предъ епископомъ, надѣвали шапки и кричали: „попе, хлопе, схизматику“, произнося и другія оскорбительныя ругательства. Георгій Конисскій вынужденъ былъ прекратить службу и, спасая свою жизнь отъ разъяренной толпы, приказалъ положить себя въ крестьянскую телѣгу съ навозомъ, подъ которымъ и былъ тайно вывезенъ изъ города [164]).

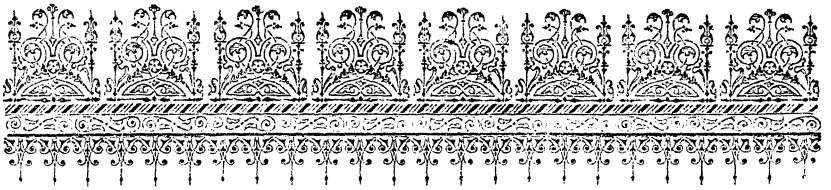
Вскорѣ послѣ того Георгій Конисскій подвергся

тяжкому оскорбленію въ самомъ Могилевѣ. Однажды (въ 1760 г.) толпа іезуитскихъ школьниковъ, вооруженныхъ ружьями, саблями и дубинами, подъ предводительствомъ могилевскаго плебана Зеновича, ночью напала на архіерейскій домъ, перебила монаховъ и служителей и искала убить самаго епископа. Георгій Конисскій едва спасся отъ убійцъ въ сыромъ подвалѣ своего дома [165]).

Не смотря на такія личныя опасности и другія неблагопріятныя условія, Георгій Конисскій дѣятельно трудился надъ сохраненіемъ уцѣлѣвшихъ до него остатковъ православія въ Бѣлоруссіи. Не ограничиваясь жалобами русскому правительству и просьбами защиты у него, онъ принималъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы и въ самой Бѣлоруссіи создать условія, при которыхъ можно было бы бороться за вѣру и русскую народность съ противниками. Съ этою цѣлію онъ непрерывно проповѣдуетъ, причемъ въ своихъ словахъ старается внушить русскимъ православнымъ людямъ любовь къ своей вѣрѣ и преданность исконнымъ началамъ своей народной жизни. Того же самаго онъ требуетъ и отъ всего духовенства своей епархіи Къ сожалѣнію, духовенство Бѣлорусской епархіи въ началѣ дѣятельности Георгія Конисскаго здѣсь было настолько малообразовано и принижено, что рѣшительно не могло поддержать своего архипастыря въ его высокихъ и благородныхъ стремленіяхъ. Многіе изъ бѣлорусскихъ священниковъ, какъ доносилъ о томъ Георгій Конисскій св. синоду въ 1756 г., не умѣли писать ни на русскомъ, ни на польскомъ языкѣ; подписывали одно собственное имя и то съ трудомъ". Въ 1757 г. Георгій Конисскій обратился съ „окружною грамотою" ко всему духовенству своей епархіи. Архипастырь призывалъ всѣхъ соеди-

ниться въ дружной работѣ на благо своей вѣры и народности. При этомъ Георгій Конисскій съ глубокимъ прискорбіемъ сознавался, что „нѣкоторые священники его епархіи ни членовъ вѣры христіанской не знали, ни силы Закона Божія не разумѣли [166])." Для того, чтобы помочь такому великому горю, чтобы возвысить образованіе духовенства своей епархіи, Георгій Конисскій задумалъ устроить при своей каѳедрѣ школу для обученія дѣтей духовенства и приготовленія кандидатовъ священства. Въ 1756 г. онъ возбудилъ ходатайство объ этомъ, а въ слѣдующемъ году школа была уже открыта. Въ томъ же 1757 г. Георгій Конисскій завелъ при своемъ архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой началъ печатать и разсылать по дешевой цѣнѣ необходимыя книги духовенству. Разсылку книгъ преосв. Георгій Конисскій сопровождалъ особыми грамотами, въ которыхъ убѣждалъ духовенство, чтобы оно само „основательно изучало главныя истины православной вѣры, твердо помнило ихъ и потомъ всеприлежно поучало имъ и всѣхъ людей, отъ Бога ему порученныхъ [167])".

Такъ трудился на пользу православія и русской народности преосв. Георгій Конисскій на первыхъ порахъ своего служенія въ Бѣлоруссіи. О дальнѣйшей его дѣятельности мы будемъ говорить въ слѣдующихъ разсказахъ.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Преслѣдованія православныхъ въ Вильно.

Главнымъ предметомъ преслѣдованія православныхъ въ Западной Руси теперь, какъ и прежде, служили монастыри. Изъ нихъ чаще всего подвергался притѣсненіямъ со стороны католиковъ и уніатовъ Виленскій св. духовскій монастырь. По отношенію къ нему католики и уніаты держались той же самой политики, какую такъ удачно охарактеризовалъ Іеронимъ Волчанскій. Постоянно обижая православныхъ, они между тѣмъ привлекали ихъ къ суду за мнимыя оскорбленія и обиды католической вѣры и ея исповѣдникамъ. Такъ, преемника извѣстнаго уже намъ Іеронима Волчанскаго старшаго Сильвестра Ляскоронскаго и всѣхъ монаховъ православнаго св. духовскаго монастыря они привлекли къ суду католической консисторіи, обвиняя ихъ въ томъ, что они, будто бы, совращали католиковъ въ свою секту, собирались къ богослуженію раньше католиковъ и уніатовъ, публично совершали погребенія и т. п. Сильвестръ Ляскоронскій обратился съ жалобою къ папскому нунцію, который сдѣлалъ надлежащее внушеніе виленскимъ католикамъ и уніатамъ. Тогда эти послѣдніе оставили въ покоѣ Сильвестра Ляскоронскаго и его монастырь, но за то

начали всячески тѣснить и преслѣдовать православныхъ мірянъ—жителей виленскихъ.

Такъ, въ Вильно былъ одинъ купецъ Филиппъ Фіалковскій. Уроженецъ Россіи, онъ 13 лѣтъ отъ роду былъ привезенъ своимъ отцемъ въ Вильно. Здѣсь онъ заболѣлъ сильно и во время болѣзни, будучи въ безпамятствѣ, на вопросъ своего хозяина о томъ, какой онъ вѣры—римской, или уніатской, машинально отвѣчалъ, что уніатской. Къ нему немедленно былъ призванъ уніатскій священникъ, который и исповѣдалъ его. Выздоровѣвъ отъ своей болѣзни, Фіалковскій продолжалъ держаться православнаго вѣроисповѣданія. Потерпѣвъ неудачу въ дѣлѣ Сильвестра Ляскоронскаго, противники православія возбудили обвиненіе противъ Фіалковскаго, какъ противъ измѣнника уніатской вѣры, и привлекли его на судъ Виленской консисторіи. Послѣдняя признала его вѣроотступникомъ и передала въ гражданскій судъ. Въ гражданскомъ судѣ Фіалковскому грозили страшными наказаніями за его мнимое преступленіе, даже смертною казнію. Не смотря на то, что Сильвестръ Ляскоронскій самъ вступился за невинно обвиненнаго и ходатайствовалъ за него предъ русскимъ посольствомъ и высшими мѣстными властями, Виленскій магдебургскій судъ приговорилъ Фіалковскаго къ публичному наказанію розгами у столба и изгнанію изъ города. Сильвестръ Ляскоронскій, правда, не допустилъ произвести указанную экзекуцію надъ Фіалковскимъ, но послѣдняго нѣсколько лѣтъ держали въ строгомъ тюремномъ заключеніи, принуждая его къ переходу въ унію.

Въ мартѣ 1743 г. ценерскіе уніаты силою отняли у православныхъ Новодворскій монастырь, бывшій въ подчиненіи у Виленскаго св. духовскаго мо-

настыря. Для того, чтобы сколько нибудь оправдать въ глазахъ общества свой незаконный поступокъ, цеперскіе уніаты обвинили Новодворскихъ монаховъ въ томъ, что они, будто бы, давно, въ 1707 году, были виновниками вступленія русскихъ войскъ во владѣнія цеперскаго монастыря, которому чрезъ это былъ нанесенъ, будто бы, большой ущербъ. Въ вознагражденіе понесенныхъ тогда убытковъ цеперскіе уніаты и рѣшили завладѣть Новодворскимъ монастыремъ. Для полной характеристики даннаго факта необходимо замѣтить, что и Цеперскій монастырь въ свое время насильственно былъ отнятъ уніатами у св. духовскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго онъ находился. Самому св. духовскому монастырю противники православія дѣлали постоянныя обиды и непріятности. Напр., въ 1742 г. 11 іюня сильная буря разрушила крышу на храмѣ монастыря. Городскія власти, по проискамъ католическаго духовенства, не позволяли православнымъ обновить крышу на храмѣ, хотя это было рѣшительно необходимо и у монастыря имѣлись достаточныя средства для этого. Сильвестръ Ляскоронскій дважды просилъ о дозволеніи поправить крышу на храмѣ Виленскаго бискупа Михаила Зѣнковича, отъ котораго это безусловно зависѣло. Но бискупъ оба раза отвѣчалъ просителю: „я не запрещаю и не позволяю; это дѣло Рѣчи Посполитой“ [168]).

Но больше всего католическое и уніатское духовенство притѣсняло всякими способами православныхъ мірянъ—жителей г. Вильно, бывшихъ прихожанами св. духовскаго монастыря: ксендзы католическіе и священники уніатскіе самовольно крестили дѣтей православныхъ родителей, причащали тяжко больныхъ православныхъ и затѣмъ, если они умирали, хоронили ихъ по своимъ обрядамъ и забирали ихъ иму-

щество, а если они выздоравливали, то ихъ считали уже католиками, или уніатами и преслѣдовали, какъ вѣроотступниковъ, за соблюденіе ими обрядовъ православной церкви. Особенно часто католическіе ксендзы и уніатскіе священники продѣлывали это въ тѣхъ случаяхъ, когда ожидали получить послѣ умершаго православнаго мірянина болѣе или менѣе значительное состояніе въ свою пользу. Всякая попытка иноковъ св. духовскаго монастыря защитить своихъ единовѣрцевъ отъ своеволія и наглости католическаго и уніатскаго духовенства сопровождалась большими непріятностями для обители. Ксендзы возбуждали уличную чернь и своихъ студентовъ, которые нападали на монастырь, производили въ немъ различныя безчинія, иногда во время богослуженія, опустошенія и даже разгромъ [169]).

Совершенно безправное положеніе православныхъ въ Литвѣ вообще и, въ частности, Виленскаго св. духовскаго монастыря особенно ясно обнаружилось на слѣдующихъ примѣрахъ. Еще въ 1742 году, какъ мы уже знаемъ, была разрушена бурею крыша на храмѣ монастыря. Всѣ хлопоты монастыря о разрѣшеніи ему исправить крышу оставались безуспѣшными, вслѣдствіе противодѣйствія этому со стороны Виленскаго католическаго епископа. Такъ дѣло протянулось до 1749 года. Въ этомъ году 28 мая весь монастырь сгорѣлъ. Православные начали хлопотать о возстановленіи монастырскихъ строеній, но бискупъ снова сталъ тормозить дѣло. Только непосредственное участіе правительства императрицы Елизаветы Петровны дало возможность православнымъ виленцамъ преодолѣть упорство бискупа и возстановить свой славный монастырь [170]).

Тоже самое нѣсколько позже повторилось и съ Друйскимъ монастыремъ. Здѣсь въ 1750 г. сгорѣла церковь. Монастырская братія и окрестное населеніе поставили на ея мѣстѣ каплицу. Часовня скоро обветшала. Тогда братство Друйское начало въ 1758 г. просить Виленскаго старшаго Авраама Флоринскаго, чтобы онъ позаботился объ устройствѣ церкви для нихъ. При этомъ они предупредили старшаго, что ожидаютъ противодѣйствія со стороны Виленскаго бискупа. Старшій отправился самъ къ бискупу и началъ просить его о разрѣшеніи построить церковь въ Друѣ. Бискупъ принялъ старшаго сравнительно спокойно, не возражалъ противъ мысли объ устройствѣ церкви, хотя совѣтовалъ позаботиться о полученіи разрѣшенія на постройку отъ Рѣчи Посполитой, т. е. отъ одного изъ сеймовъ, которые въ данное время почти никогда не оканчивались. Старшій отправился въ Друю и, подъ его наблюденіемъ, православные приступили къ построенію храма. Но бискупъ прислалъ ингибицію, т. е. запрещеніе строить церковь безъ предварительнаго разрѣшенія отъ Рѣчи Посполитой. И самъ бискупъ и всѣ православные прекрасно понимали, что это было равносильно тому, что въ Друѣ никогда не будетъ устроенъ православный храмъ. А между тѣмъ православный храмъ тамъ былъ рѣшительно необходимъ, такъ какъ безъ него православные, уступая католической пропагандѣ, начали переходить или въ католичество, или же чаще всего въ унію. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Виленскій старшій обратился за помощью къ св. синоду и русскому посольству въ Варшавѣ. И снова только непосредственное вмѣшательство въ дѣло русскаго правительства помогло православнымъ устроить храмъ въ Друѣ [171]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Преслѣдованія православныхъ въ Слуцкѣ.

Въ Слуцкѣ и вообще въ границахъ Слуцкой архимандріи въ данное время непрерывно происходили разнообразныя преслѣдованія православныхъ. 5 іюня 1741 года Слуцкій архимандритъ Іосифъ Оранскій писалъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому по этому поводу, между прочимъ, слѣдующее: „другія гоненія, обиды и разоренія, когда, напр., церковныя земли отбираютъ, убогое имущество священниковъ грабятъ, нашихъ священниковъ привлекаютъ въ гражданскіе суды и т. п., я прохожу молчаніемъ, чтобы не утруждать ваше преосвященство продолжительнымъ чтеніемъ. О всемъ этомъ я постоянно пишу и нашимъ посламъ въ Варшавѣ и здѣшнимъ властямъ, хотя ни откуда не получаю помощи, защиты и правосудія [172])“.

Положеніе православныхъ въ Слуцкѣ измѣнилось теперь къ худшему потому, что Слуцкое княжество перешло къ князьямъ Радзивилламъ, которые, особенно на первыхъ порахъ, несочувственно относились къ своимъ православнымъ подданнымъ. Князья Радзивиллы притѣсняли даже самихъ Слуцкихъ архимандритовъ, препятствуя имъ разными способами устроять Слуцкій троицкій монастырь. Тотъ же ар-

химандритъ Іосифъ Оранскій (въ концѣ 1742 г.) жаловался кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, что новые владѣтельные князья Радзивиллы запретили ему продолжать реставрацію древней церкви, которую устроили еще князья Олельковичи и которую позволили возобновить прежніе владѣльцы Слуцкаго княжества при архимандритѣ Ѳеодосіи Волковичѣ [173]).

Само собою разумѣется, что въ другихъ мѣстахъ Слуцкой архимандріи, гдѣ не было такой постоянной защиты, какая была въ самомъ Слуцкѣ, происходили еще бо̀льшія насилія и стѣсненія православныхъ. Особенно часто примѣнялось стѣсненіе въ отношеніи устройства новыхъ, или же починки старыхъ храмовъ. Понятно, почему противники православія чаще всего прибѣгали къ такому средству стѣсненія православныхъ. Безъ храмовъ и священниковъ гораздо успѣшнѣе шла католическая и уніатская пропаганда среди православнаго русскаго населенія.

Такъ, напр., по донесенію Слуцкаго архимандрита Іосифа Оранскаго отъ 5 іюня 1741 года, Виленскій бискупъ запрещалъ православнымъ устроить новую церковь—болѣе помѣстительную, чѣмъ прежняя—въ селѣ Рубежовѣ. 28 декабря 1740 г., когда православные рубежовцы приступили было къ постройкѣ, бискупъ прислалъ, по словамъ Іосифа Оранскаго, „такъ грозную и вѣру нашу уничтожающую ингибицію (запрещеніе), что, надѣюсь, никогда подобной и столь жестокой ингибиціи не было объявляемо“. Іосифъ Оранскій попытался было обратиться за помощію въ Варшаву къ капеллану и посольству. Секретарь нашего посольства Петръ Голембіовскій написалъ отъ себя рекомендательныя письма Виленскому бискупу и литовскому канцлеру Сапѣгѣ. Архимандритъ,

ознакомившись съ содержаніемъ этихъ писемъ, былъ увѣренъ, что они окажутъ свое должное дѣйствіе и освободятъ православныхъ отъ дальнѣйшихъ стѣсненій. Но каково же было его удивленіе, когда онъ прочиталъ отвѣтное письмо Виленскаго бискупа Петру Голембіовскому, писанное, по выраженію Іосифа Оранскаго, „не перомъ, но острымъ мечомъ, съ угрозою возмутить еще бо̀льшее противъ православныхъ гоненіе [174])“!

Въ январѣ 1741 г. Грабницкій староста панъ Ленкѣвичъ съ страшными насиліями превратилъ на унію двѣ православныхъ церкви въ Петриковской протопопіи Мозырскаго повѣта (уѣзда)—одну въ с. Косейскѣ и другую, приписную къ ней, въ с. Хойнѣ. Слуцкій архимандритъ просилъ Ленкѣвича возвратить православнымъ вышеозначенныя церкви, но тотъ даже не отвѣтилъ ему на его просьбу [175]).

Въ самомъ концѣ 1745 г. была отнята у православныхъ церковь въ с. Дукорѣ, а вскорѣ послѣ того у нихъ были отобраны еще двѣ церкви—въ с. с. Порѣчьѣ и Щитковичахъ [176]). Отобраніе послѣднихъ двухъ церквей на унію было сдѣлано особеннымъ способомъ, какой въ то время сталъ чаще всего употребляться противниками православія. Господа Круковскіе, державшіе с. с. Порѣчье и Щитковичи въ арендѣ, согласились съ окрестными уніатскими священниками и вмѣстѣ съ ними убѣдили православнаго священника Василія Ясѣновскаго, служившаго при церквахъ означенныхъ селъ, принять унію. Когда же онъ сдѣлалъ это, тайкомъ отъ своихъ прихожанъ, то они заставили его, какъ уніата, отслужить мшу въ церквяхъ, которыя вслѣдъ затѣмъ и вмѣстѣ со всѣми прихожанами объявили уніатскими. Слуцкій архимандритъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ-

же послалъ своихъ людей и велѣлъ имъ запечатать своими печатями церкви. Но Круковскіе съ своей стороны приказали запечатать церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ Круковскіе начали всячески притѣснять православныхъ мірянъ, которые желали скорѣе принять смерть, нежели ненавистную имъ унію [177]). Архимандритъ Іосифъ Оранскій обратился съ просьбою къ владѣтельному князю Радзивиллу о воспрещеніи насильственно совращать православныхъ въ унію и о разрѣшеніи назначить православнаго священника въ с. Порѣчье. Іеронимъ кн. Радзивиллъ велѣлъ передать на словахъ Іосифу Оранскому слѣдующее свое рѣшеніе: „насилія прихожанамъ не стану дѣлать; пошлю туда коммиссію; если прихожане не согласятся принять добровольно унію, то дамъ согласіе на назначеніе туда священника, котораго ты мнѣ представишь“. Однакоже прошло съ того времени нѣсколько мѣсяцевъ, а кн. Радзивиллъ не выполнялъ своего обѣщанія, между тѣмъ какъ уніатскій священникъ продолжалъ свободно насаждать унію въ православномъ приходѣ [178]).

Со временемъ враждебное отношеніе владѣтельнаго Слуцкаго князя Радзивилла къ православнымъ его подданнымъ смѣнилось сравнительно благосклоннымъ и даже участливымъ его отношеніемъ къ нимъ [179]). Не смотря на то, притѣсненія православныхъ въ предѣлахъ Слуцкой архимандріи продолжались по прежнему. Слуцкіе архимандриты, напр., должны были употреблять многолѣтнія напрасныя усилія для того, чтобы добиться разрѣшенія Виленскаго бискупа и его консисторіи на возобновленіе церкви въ Заблудовскомъ монастырѣ, находившемся въ вѣдѣніи Слуцкой архимандріи. Характерно то, что даже протекція князя Радзивилла не помогала въ данномъ случаѣ, такъ какъ Виленскій бискупъ свое несогласіе дать

разрѣшеніе православнымъ строить церковь въ Заблудовскомъ монастырѣ мотивировалъ ссылкою на постановленія сейма, которыя ставилъ выше желанія владѣтельнаго князя и даже воли короля [180]).

Гораздо дѣйствительнѣе въ данномъ случаѣ бывало посредничество самихъ польскихъ шляхтичей, которые разными путями и средствами, очевидно, не безъ денежныхъ даровъ со стороны православныхъ, успѣвали облегчать положеніе этихъ послѣднихъ въ предѣлахъ Слуцкой архимандріи [181]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Притѣсненія и преслѣдованія православныхъ въ Минскѣ, Брестѣ-Литовскомъ и на Подляшьѣ.

Орудіемъ для преслѣдованія православныхъ западно-руссовъ чаще всего являлись уніаты. Среди этихъ послѣднихъ злѣйшими врагами православныхъ являлись тѣ духовныя лица, которыя по какимъ-либо обстоятельствамъ, или соображеніямъ мѣняли православіе на унію. Большею частію подобныя лица уходили въ унію для того, чтобы избавиться отъ наказанія, какое слѣдовало имъ за преступленія, совершенныя по должности. Если, напр., игуменъ какого либо монастыря былъ уличенъ въ преступномъ дѣяніи и ему неминуемо угрожали вызовъ въ Кіевъ къ митрополиту, удаленіе отъ должности, или же заключеніе въ одномъ изъ русскихъ монастырей, то онъ часто объявлялъ себя уніатомъ и отдавался подъ покровительство мѣстнаго католическаго или уніатскаго духовенства. Уніаты всегда съ распростертыми объятіями принимали подобныхъ ренегатовъ, такъ какъ были вполнѣ увѣрены, что они явятся непримиримыми врагами православныхъ.

Таковъ, напр., былъ игуменъ Минскаго Петро-Павловскаго монастыря Синезій Залуцкій. Сдѣлавшись игуменомъ, по желанію существовавшаго при

обители братства, онъ сталъ вести жизнь, недостойную монаха, началъ дозволять себѣ чрезмѣрную роскошь. Такъ какъ монастырскихъ средствъ было недостаточно для покрытія расходовъ, какіе позволялъ себѣ игуменъ, то онъ началъ дѣлать долги, выдавать долговыя обязательства, раздавать разнымъ лицамъ монастырскія имѣнія и т. п. Въ то же самое время игуменъ началъ водить подозрительно близкое знакомство съ мѣстными уніатами. Долго терпѣло всѣ эти продѣлки игумена Минское братство, но потомъ возмутилось и потребовало его удаленія, удержавъ, въ обезпеченіе сдѣланныхъ имъ долговъ, часть его имущества, а его самаго до рѣшенія высшаго начальства заключивъ подъ арестъ. Но Залуцкій успѣлъ какъ-то уйти изъ подъ ареста и нѣкоторое время скрывался въ Минскѣ. Впослѣдствіи онъ снова былъ пойманъ и, уже по требованію Виленскаго старшаго, снова заключенъ подъ арестъ. Залуцкій опять убѣжалъ, былъ въ Варшавѣ, гдѣ пытался добиться защиты у нашего посольства, причемъ оклеветалъ мѣстное братство, и въ концѣ концовъ передался минскимъ уніатамъ. Послѣдніе съ радостію приняли къ себѣ Залуцкаго, который, пользуясь защитою уніатовъ и покровительствомъ свѣтскихъ господъ—католиковъ, сталъ всячески вредить православному монастырю и братству, раздавая различнымъ лицамъ подложныя долговыя обязательства, распространяя въ обществѣ недобрые слухи о монастырѣ и т. п. Православнымъ жителямъ Минска пришлось впослѣдствіи перенести много непріятностей, огорченій и обидъ, по происканъ ренегата Залуцкаго[182]).

Еще болѣе печальныя явленія на подобной же почвѣ имѣли мѣсто въ Брестѣ-Литовскомъ. Въ здѣшнемъ сумеоновскомъ монастырѣ въ 1751 году былъ поставленъ игуменомъ Мануилъ Бялошицкій. По-

слѣдній былъ утвержденъ митрополитомъ въ игуменской должности, согласно избранію брестскихъ монаховъ и мірскаго братства, которые аттестовали Мануила Бялошицкаго, какъ честнаго монаха, заботливаго радѣтеля о благѣ обители и много лѣтъ жительствовшаго въ монастырѣ, подъ руководствомъ бывшаго игумена [183]). Однако эта аттестація оказалась рѣшительно несоотвѣтствующею дѣйствительности. Отчего это произошло?

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Мануилъ Бялошицкій, какъ мѣстный житель Бреста-Литовскаго, имѣвшій здѣсь большія родственныя связи, былъ излюбленнымъ избранникомъ извѣстной многочисленной партіи и имѣлъ у себя много друзей, знакомыхъ и вообще сторонниковъ среди монаховъ и мірскихъ жителей Бреста. Когда вскорѣ послѣ того до митрополита Кіевскаго стали доходить весьма неблагопріятные слухи о личности Мануила Бялошицкаго и его поведеніи и когда митрополитъ вознамѣрился было удалить его отъ игуменской должности, сторонники Бялошицкаго заволновались и поспѣшили успокоить митрополита самыми льстивыми отзывами о дѣятельности игумена по управленію монастыремъ. Кромѣ того, самъ Брестскій воевода Карлъ Сапѣга, потомокъ фундаторовъ Симеоновскаго монастыря, письмомъ просилъ митрополита оставить Мануила Бялошицкаго на игуменскомъ мѣстѣ. М. Тимоѳей Щербацкій уважилъ это ходатайство и задержался съ увольненіемъ Мануила Бялошицкаго. Но вскорѣ послѣ того митрополитъ получилъ несомнѣнно достовѣрныя свѣдѣнія о весьма неблагонадежномъ образѣ жизни и управленіи монастыремъ Мануила Бялошицкаго и замѣнилъ его другимъ игуменомъ [184]). Одновременно были смѣнены, по распоряженію митрополита, игумены и

другихъ монастырей—подляшскихъ (Яблоченскаго и Бѣльскаго), находившихся подъ вѣдѣніемъ Брестскаго игумена. Такія распоряженія митрополита страшно озлобили Мануила Бялошицкаго и его сторонниковъ, и вотъ что они сдѣлали.

Въ 1753 г. наканунѣ праздника Пасхи вновь назначенный митрополитомъ игуменъ прибылъ въ Брестъ и вступилъ въ управленіе монастыремъ. И вотъ въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы, какъ писалъ потомъ новый игуменъ митрополиту, „сошлось, по наущенію бывшаго игумена Мануила и духовника іеромонаха Іакинѳа, братство крестоносное, или приличнѣе сказать, смертоносное, пьяное, напоенное тѣми же Мануиломъ и Іакинѳомъ, въ большомъ числѣ, съ криками и воплями, и начали бранить и поносить не только новаго игумена, но и самаго митрополита, говоря, что мы-де не будемъ слушать его указовъ и угрозъ его не будемъ бояться, такъ какъ онъ не обратилъ никакого вниманія на наше ходатайство за Мануила и прислалъ намъ другого игумена; есть у насъ въ Польшѣ много архіереевъ“. Въ тоже самое время ударили въ колокола, на звонъ сбѣжалось въ монастырь множество народа, мущинъ и женщинъ разнаго званія и вѣроисповѣданія, стали избивать игумена и братію и въ заключеніе всего прогнали игумена Спиридона изъ монастыря съ великимъ безчестіемъ. Мануилъ Бялошицкій снова принялъ въ свои руки управленіе монастыремъ. Но, какъ дальновидный человѣкъ, онъ понималъ, что ему долго не удержаться въ монастырѣ. Поэтому, онъ рѣшилъ, долго не медля, принять унію, что и сдѣлалъ въ ночь съ пятницы на субботу свѣтлой седмицы. Вслѣдъ затѣмъ 1 мая онъ слѣдующимъ образомъ торжественно отпраздновалъ свой переходъ изъ православія

въ унію. „Изъ уніатскаго базиліанскаго монастыря, въ сопровожденіи ксендзовъ всѣхъ брестскихъ монастырей и орденовъ, какъ-то: іезуитовъ, бернардиновъ, францискановъ, августиніанъ, тринитаріевъ, кармелитовъ, фараповъ и базиліанъ, въ присутствіи большого множества народа, Мануилъ Бялошицкій со свѣчами, пѣніемъ и торжествомъ былъ отведенъ въ іезуитскій костелъ, гдѣ онъ, по указаніямъ іезуитовъ, отрекся съ бранью и плеваніемъ отъ православной вѣры". Но еще прежде описаннаго отреченія отъ православія ренегатъ Мануилъ Бялошицкій продѣлалъ слѣдующее. „Собравши, при помощи базиліанъ, множество студентовъ и другихъ разныхъ людей, онъ ночью напалъ съ ними на православный монастырь, забралъ не только разные монастырскіе документы, но и церковныя книги, деньги, посуду, припасы и другія вещи и все это перенесъ въ базиліанскій уніатскій монастырь [185])".

Съ того времени Мануилъ Бялошицкій не переставалъ преслѣдовать своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и дѣлалъ частыя нападенія на симеоновскій монастырь. Игуменъ съ братіею монастыря обратились съ просьбою о защитѣ къ судовому Брестскому старшинѣ Флеммингу, который выдалъ имъ охранный листъ и обѣщалъ защищать ихъ отъ разбойничьихъ набѣговъ Мануила Бялошицкаго. Но и это не помогло дѣлу. Однажды лѣтомъ 1753 года православные монахи, подъ наблюденіемъ игумена Спиридона и намѣстника Германа, работали на монастырскомъ сѣнокосѣ. Вдругъ появляется большая толпа людей, вооруженныхъ саблями и кольями, подъ предводительствомъ игумена базиліанскаго монастыря Ѳеофана Торобацкаго и Мануила Бялошицкаго, и съ крикомъ и неистовыми воплями бросается на православныхъ монаховъ и ихъ

мірскихъ подданныхъ. Произошло настоящее побоище, въ результатѣ котораго оказалось слѣдующее. Игумена Спиридона Гриневецкаго разбойники за бороду рвали, по землѣ волочили, саблями въ грудь кололи и безъ всякаго милосердія били, крича другъ другу: „бей, руби проклятаго схизматика“. Еслибы опомнившаяся отъ неожиданнаго разбойническаго нападенія братія не освободила своего игумена, то его непремѣнно убили бы на смерть. Когда освобожденный игуменъ скрылся въ кустахъ, разбойники напали на намѣстника Германа и стали звѣрски бить его палками по всему тѣлу, все лицо его окровавили, голову въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробили, руки изъ суставовъ вывернули и, однимъ словомъ, по выраженію Спиридона Гриневецкаго, „изъ человѣка сдѣлали чудовище“. Другимъ монахамъ также хорошо досталось отъ разбойниковъ: одному руку перебили и бороду вырвали, другому—голову въ трехъ мѣстахъ пробили. Мірскіе люди, работавшіе на сѣнокосѣ съ монахами, спаслись только бѣгствомъ.

И этимъ разбоемъ Мануилъ Бялошицкій не удовлетворился. И послѣ того онъ часто, собравъ уніатскихъ студентовъ и бурсаковъ, дѣлалъ съ ними набѣги на монастырь, безчестилъ монастырскую братію, во время литургіи нахально врывался въ алтарь, произносилъ хульныя слова и брань на святую евхаристію и т. п.

Православные пытались защититься отъ насильниковъ путемъ суда, но нигдѣ не могли найти правосудія. Слѣдствіемъ интригъ озлобленнаго ренегата Мануила Бялошицкаго было крайнее обнищаніе Брестскаго симеоновскаго монастыря, потеря имъ многихъ имѣній и всенародный позоръ и насмѣшки надъ православіемъ [186]).

Прискорбнѣе всего было то, что противники православія во всемъ описанномъ происшествіи главными виновниками успѣли сдѣлать самихъ же православныхъ. Въ этомъ дѣлѣ католикамъ и уніатамъ значительно помогъ новый секретарь русскаго посольства въ Варшавѣ Ржичевскій, смѣнившій собою Петра Голембіовскаго. Понятно, что, какъ полякъ и католикъ, онъ болѣе дипломатично принялъ сторону противниковъ православія и въ такомъ духѣ сочинилъ „реляцію“ о Брестскомъ происшествіи [187]).

Вслѣдствіе этой „реляціи“ 13 августа 1754 г. былъ данъ синодальный указъ на имя Кіевскаго митрополита, гдѣ говорилось, что въ Брестскомъ происшествіи главными зачинщиками были православные, что поставленные митрополитомъ игумены Брестскаго, Бѣльскаго и Яблоченскаго монастырей были главными виновниками того, что означенные монастыри едва не перешли къ уніатамъ, и въ заключеніе всего велѣно было объявить всѣмъ православнымъ духовнымъ лицамъ, находившимся въ Польшѣ, чтобы они „смирно, добродѣтельно и безъ малѣйшаго порока поступали“ и всѣ свои жалобы на обиды со стороны уніатовъ „производили пристойнымъ и справедливымъ порядкомъ“. Кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій старался оправдать православныхъ игуменовъ, своихъ ставленниковъ, въ глазахъ св. синода, но отъ того позоръ для православія, навлеченный на него озлобленнымъ отступникомъ, не сдѣлался меньшимъ [188]).

По происканъ подобныхъ недостойныхъ людей, иногда православные жители Минска, Бреста-Литовскаго и всего Подляшья подвергались преслѣдованіямъ со стороны католиковъ и уніатовъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь эти преслѣдованія состояли въ томъ,

что православныхъ всякими способами принуждали принимать унію, насильно крестили дѣтей православныхъ родителей по уніатскому обряду, также насильно причащали больныхъ и хоронили умершихъ по своимъ обычаямъ. Такъ бывало часто, напр., въ Минскѣ [189]).

Особенно безпомощнымъ было положеніе православныхъ жителей Подляшья. Немногочисленное православное населеніе этого захолустнаго края почти все принадлежало къ простому классу. Оно не имѣло никакихъ сильныхъ защитниковъ у себя, подобно тѣмъ, какіе имѣлись въ другихъ мѣстахъ Западной Руси. Существовавшіе здѣсь православные монастыри —Дрогичинскій и Яблоченскій—были крайне бѣдны и малочисленны, а потому не только не могли подать руку помощи и защиты своимъ единовѣрцамъ, но даже не имѣли средствъ и силъ защищать и самихъ себя. При такихъ условіяхъ, въ Подляшскомъ краѣ открывалось самое широкое поле для католическо-уніатской пропаганды, равно какъ здѣсь же совершались жестокія преслѣдованія православныхъ. Здѣсь, по свидѣтельству игуменовъ Брестскаго и Яблоченскаго монастырей, православныхъ христіанъ силою не допускали исполнять долгъ исповѣди и св. причастія, во время совершенія божественной литургіи входили въ православные храмы съ собаками, съ боемъ выгоняли православныхъ изъ церкви, не дозволяли погребать умершихъ безъ денежнаго выкупа, рѣшительно не дозволяя публично съ крестнымъ ходомъ провожать покойниковъ на кладбище и т. п [190]).

Какія издѣвательства надъ православными и ихъ религіею позволяли себѣ католики и уніаты въ Дрогичинѣ, показываетъ лучше всего слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто 6 января 1754 года. Когда, по раз-

сказу игумена Дрогичинскихъ монастырей Кассіана Аравскаго, православные вышли въ этотъ день, по обыкновенію, на рѣку для освященія воды, то толпа народа, во главѣ съ іезуитскими студентами, по наущенію іезуитовъ-ксендзовъ, напала на православную процессію, разогнала собравшихся людей, поломала крестъ, бросила евангеліе въ воду, опрокинула столъ, причемъ нашлись разбойники, которые схватили православныхъ іеромонаховъ, бывшихъ въ священныхъ одеждахъ, били ихъ, вырывали имъ бороды и въ заключеніе всего обливали холодною водою, припѣвая: „Господи, помилуй“. Православные занесли въ судъ протестацію и требовали суда надъ разбойниками, произведшими такое издѣвательство надъ религіозными чувствам людей, но ничего, кромѣ насмѣшекъ и еще бо̀льшаго глумленія, не получили [191]).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Преслѣдованія православныхъ на Украйнѣ.

Въ разсматриваемое нами время, особенно съ 1750-хъ годовъ преслѣдованіямъ со стороны католиковъ и уніатовъ начало подвергаться и православное населеніе Кіевской Украйны. До того времени Украйна была сравнительно счастлива съ этой стороны. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ началѣ XVIII в. и почти до половины этого вѣка Украина представляла большею частію пустынное пространство, мало заселенное. Главною причиною этого были частые опустошительные татарскіе набѣги, какимъ подвергалась эта благодатная страна. Къ тому же по договору 1686 г. между Россіею и Польшею, вся южная часть правобережной Украйны (нынѣшней Кіевской губерніи) должна была находиться внѣ вліянія со стороны Польши и Россіи и, по возможности, не заселяться. Но приблизительно съ 1720-хъ и 1730-хъ годовъ, когда временно ослабѣло русское вліяніе въ Польшѣ, поляки начали постепенно колонизовать Украйну. Колонизація малороссійской Украйны шла такимъ путемъ. Плодородныя области правобережной Украйны раздавались польскимъ магнатамъ въ ихъ полное владѣніе. Владѣльцы плодородныхъ полей сами должны были заботиться

о заселеніи ихъ крестьянами. И, дѣйствительно, нѣкоторые изъ новыхъ владѣльцевъ плодородной Украйны удачно и успѣшно справлялись съ этою задачею. Они приняли мѣры къ защитѣ населенія отъ разбойничьихъ набѣговъ татаръ посредствомъ устройства укрѣпленій, въ которыхъ содержались воинскіе отряды. Съ другой стороны, они предоставляли разныя льготы тѣмъ малороссамъ, которые селились въ ихъ владѣніяхъ.

Само собою понятно, что, при такихъ условіяхъ, малороссы съ величайшей охотою и быстро начали заселять и обрабатывать плодородныя поля правобережной Украйны. Страна эта начала заселяться, оживляться и сравнительно процвѣтать. Должно правду сказать, что русскимъ православнымъ крестьянамъ жилось сначала сравнительно хорошо на земляхъ такихъ польскихъ магнатовъ, какъ, напр., Потоцкіе, Любомірскіе, Яблоновскіе и др. Всѣ они сами крѣпко держали свое слово на счетъ разъ предоставленныхъ малороссійскимъ крестьянамъ („хлопамъ“) правъ и привиллегій. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ привиллегій стояла свобода вѣры.

Такъ сравнительно счастливо и мирно жило православное населеніе правобережной Украйны, подъ покровительствомъ польскихъ магнатовъ. Но, къ сожалѣнію, такое состояніе Украйны и такое положеніе православнаго населенія ея было непрочно и непродолжительно. Скоро, именно съ 1750-хъ годовъ все это начало круто и рѣзко измѣняться въ противную сторону. Отъ чего это произошло?

Здѣсь главное значеніе имѣли слѣдующія два обстоятельства. Съ одной стороны, польскіе магнаты сами не завѣдывали и не управляли своими украинскими имѣніями. Для этого у нихъ не было ни времени, ни охоты. Польскіе магнаты бо̀льшею

частію или поручали особымъ управляющимъ (коммиссарамъ, экономамъ) свои украинскія владѣнія, или же сдавали ихъ въ аренду всевозможнымъ поссессорамъ. Управляющими и поссессорами имѣній польскихъ магнатовъ на Украйнѣ бывали почти исключительно мелкіе шляхтичи—католики. Эти шляхтичи—коммиссары и арендаторы—были первыми и главными обидчиками малороссійскаго православнаго населенія Украйны. Они всевозможными средствами и способами стѣсняли и эксплоатировали русскихъ крестьянъ. Имъ помогали въ этомъ евреи, которые цѣлыми стаями окружали подобныхъ эксплоататоровъ въ качествѣ откупщиковъ, комиссіонеровъ и т. п. Уже эти польскіе коммиссары и поссессоры, равно какъ и евреи къ тяжкому экономическому гнету присоединяли еще болѣе болѣзненныя стѣсненія православныхъ жителей Украйны въ религіозномъ отношеніи. Они облагали податью храмы православные, право совершенія богослуженія, церковныя требы; они позволяли себѣ всевозможныя издѣвательства и насмѣшки надъ религіозными чувствами православныхъ: запечатывали храмы, разгоняли церковныя процессіи, кощунствовали надъ святынями и таинствами православной церкви, всячески тѣснили и осмѣивали православное духовенство [192]).

Съ другой стороны, еще болѣе несносными притѣснителями православныхъ украинцевъ являлись духовныя лица католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданія. Усиленная колонизація правобережной Украйны обратила на себя серьезное вниманіе уніатскаго и католическаго духовенства, всегда склоннаго къ пропагандѣ. Въ новозаселенной Украйнѣ католическое и уніатское духовенство увидѣло для себя привлекательное поприще. Цѣлыя толпы католическаго и уніатскаго духовенства, особенно миссіонеровъ устремились на Украйну. Тогда-то и началась уси-

ленная пропаганда — католическая и уніатская — на Украйнѣ, причемъ она сопровождалась неизбѣжными въ такихъ случаяхъ преслѣдованіями православныхъ. Чаще всего этимъ преслѣдованіямъ подвергались монастыри и храмы украинскіе. Съ наибольшею силою эти гоненія разразились надъ Украйною нѣсколько позже, въ 1760-хъ годахъ. Но и въ разсматриваемое нами время встрѣчаемъ нерѣдкіе примѣры подобныхъ гоненій. О нихъ у насъ и будетъ сейчасъ рѣчь. Такъ, напр., 1 февраля 1752 г. представители Лебединской громады просили кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго ходатайствовать предъ княземъ Станиславомъ Любомірскимъ, чтобы какъ игумену ихъ Георгіевскаго монастыря, такъ и имъ самимъ, „непоколебимо въ православіи находящимся, ни отъ кого никакого препятствія и гонительства не было“ [193]).

Митрополитъ исполнилъ эту просьбу Лебединской громады и прислалъ всѣмъ Лебединскимъ православнымъ христіанамъ свое благословеніе чрезъ намѣстника монастыря іеромонаха Сергія. Лебединцы были утѣшены и обрадованы архипастырскою милостію. Но эта радость ихъ была весьма непродолжительна. Вотъ что писали они 18 апрѣля 1752 года митрополиту Тимоѳею. „Радость наша величайшая скоро превратилась въ невыразимую печаль. Ибо наши противники, два уніатскихъ игумена — Богуславскій Варѳоломей и Ржищевскій Виталій насильно вторглись въ монастырь и поставили игуменомъ крайняго плута уніата Іосифа, который бывалъ въ разныхъ монастыряхъ и въ нашемъ Лебединскомъ, причемъ отовсюду его съ большимъ позоромъ выгоняли за худое поведеніе. Мы долго спорили, но, боясь пана Добрянскаго (управляющаго), который грозилъ намъ, въ случаѣ противодѣйствія, нашествіемъ ляховъ и страш-

ною смертію, принуждены были, въ концѣ поста, лишиться и храма Божія, а намѣстникъ іеромонахъ Сергій и братія съ плачемъ также ушли изъ монастыря". Лебединцы просили защиты у своего архипастыря „отъ волковъ чуждыхъ, расхищавшихъ православное стадо" на Украйнѣ [194]).

Подобнымъ образомъ и Пустынно-Жаботинскій Онуфріевскій монастырь терпѣлъ весьма много бѣдъ и несчастій, по происканъ управляющаго имѣніями князя Яблоновскаго, нѣкоего пана Стоецкаго. Этотъ послѣдній постоянно вмѣшивался во внутреннюю жизнь православнаго монастыря, тѣснилъ и преслѣдовалъ нежелательныхъ для него лицъ, особенно если они были тверды и непоколебимы въ православіи, и, наоборотъ, промовировалъ тѣмъ изъ монашествующихъ, которые отличались слабостію характера и нечужды были склонности въ сторону уніи. Такъ продолжалось много лѣтъ, пока, наконецъ, князь Яблоновскій, отчасти по ходатайству Кіевскаго митрополита, не назначилъ особаго коммиссара для безпристрастнаго и всесторонняго разслѣдованія дѣятельности пана Стоецкаго. Коммиссаръ Бронѣцкій, какъ онъ самъ потомъ писалъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому, нашелъ, что панъ Стоецкій былъ крайне несправедливъ въ своихъ отношеніяхъ къ православнымъ жителямъ Чигиринщины и особенно къ Жаботинскому монастырю и, въ частности, къ его игумену—Ефрему Быковскому. Стоецкій былъ удаленъ и тогда положеніе православныхъ въ Чигиринскомъ старостве на нѣкоторое время сдѣлалось болѣе сноснымъ [195]).

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ польскіе магнаты, владѣвшіе имѣніями на Украйнѣ, были такъ справедливы и гуманны въ отношеніи къ своимъ право-

славнымъ подданнымъ—украинцамъ, какъ Любомірскіе, Потоцкіе и Яблоновскіе. Другіе же, наоборотъ, не вѣрили жалобамъ своихъ православныхъ крестьянъ и во всемъ слѣпо полагались на своихъ управлающихъ и коммиссаровъ, которые, вмѣстѣ съ католическими и уніатскими миссіонерами, при содѣйствіи еще евреевъ, сильно притѣсняли и обижали православныхъ жителей Украйны.

Примѣчанія.

1) См. наше изслѣдованіе: Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв. (1654—1795 г.). Первая половина тома (1654—1725 г.). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Кіевъ. 1905 г. стр. 207—212.

2) См. у М. Бобржинскаго. Очеркъ исторіи Польши. Переводъ Н. И. Карѣева. Томъ II. СПБ. 1891 г. стр. 257.

3) См. у М. Кояловича. Чтенія по исторіи Западной Россіи. СПБ. 1884 г. стр. 275—276.

4) См. у М. Бобржинскаго. Цит. соч. т. II стр. 250.

5) См. тамъ же стр. 247.

6) См. Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв. т. I. Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII вв. изданные Кіевскою д. Академіею, подъ редакціей профессора священника Ѳ. И. Титова. К. 1905 г. ч. I докум. № CLXX стр. 382 (далѣе Памятники будутъ сокращенно цитоваться такъ: П. Р. Н. З. Р.).

7) См. у Бобржинскаго. Цит. соч. т. II стр. 254.

8) См. Volum. legum. t. VI стр. 286 § 581.

9) См. Volum. legum. t. VI стр. 286 § 582.

10) См. Volum. legum. t. VI стр. 295—301 §§ 601—620.

11) См. Volum. legum. t. VI стр. 302 § 622.

12) См. Volum. legum. t. VI стр. 311 § 644.

13) См. Volum. legum. t. VI стр. 313 § 644.

14) См. у С. М. Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. VI т. XX стр. 1265—1298. Какъ здѣсь, такъ и впослѣдствіи трудъ Соловьева цитируется по изданію товарищества „Общественная Польза".

15) П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № CXXV стр. 287—288.

16) См. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, польскія дѣла 1725 г. д. № II; далѣе будетъ сокращенная цитатія: М. Г. А. М. И. Д.

17) См. тамъ же ср. у С. М. Соловьева. Цитов. соч. кн. IV т. XIX гл. I стр. 970—971.

18) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1725 г. д. № 9.

19) См. тамъ же, польскія дѣла 1725 г. д. № 15.

20) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № XCII стр. 192—199, особенно §§ 4, 8, 9, 10, 11 и 12.

21) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1725 г. св. 113 д. № 27.

22) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. 1 докум. № XCIV стр. 201—204.

23) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1725 г. д. № 27. Прошеніе Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго императрицѣ Екатеринѣ I отъ 10 іюня 1726 г.

24) См. тамъ же, польск. дѣла 1726 г. д. № 27. Письмо Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго императрицѣ Екатеринѣ I отъ 4 августа 1726 г.

25) См. Н. Бантышъ-Каменскаго. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. М. 1805 г. стр. 259—260.

26) А не 13 февраля 1728 г., какъ сказано у А. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Борисполькій. Біографическій очеркъ К. 1904 г. стр. 27. См. М Г. А. М. И. Д. польскія дѣла 1732 г. д. № 17.

27) Разумѣется Ягужинскій Павелъ Ивановичъ, сдѣлавшійся изъ деньщиковъ Петра I генераломъ и бывшій при Петрѣ I искуснымъ дипломатомъ. См. о немъ у С. М. Соловьева. Цитов. соч. кн. IV.

28) Разумѣется гр. Михаилъ Петровичъ Бестужевъ Рюминъ, бывшій выдающимся дипломатомъ при Петрѣ I и его преемникахъ до императрицы Елизаветы Петровны включительно († 1760 г.). См. о немъ у С. М. Соловьева. Цитов. соч. книги IV и V.

29) Подъ именемъ *надворнаго реляційнаго* суда въ польскомъ правѣ разумѣетея особый высшій судъ (коронный и литовскій), въ которомъ засѣдали король съ сенаторами, дѣло же докладывалъ референдарь. Кругъ вѣдѣнія реляційнаго надворнаго суда былъ точно опредѣленъ въ польскомъ правѣ. См. у В. Смоленскаго. Исторія польскаго народа. Переводъ съ польскаго Г. Х. Львовой. СПБ. 1899 г.

30) Челобитную преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго къ императору Петру II см. въ М. Г. А. М. И. Д. Польскія дѣла 1728 г. д. № 7; ср. тамъ же Варшавская миссія IV, 2 прав. 16.

31) См. М. Г. А. М. И. Д. польскія дѣла 1728 г. д. № 7.

32) См. М. Г. А. М. И. Д. Варшавская миссія IV, 2 прав. 16.

33) См. тамъ же Варшавская миссія IV, 2 прав. 16. Письмо было писано въ Могилевѣ 30 марта 1728 г.

34) См. М. Г. А. М. И. Д. польскія дѣла 1732 г. д. № 17.

35) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № CVI стр. 238—244.

36) Слуцкимъ архимандритомъ въ 1728 г. былъ Ѳеодосій Волковичъ (П. Р. Н. З. Р. т. I ч. 3 докум. № DCXCII стр. 1634), а Виленскимъ игуменомъ—старшимъ былъ тогда Клеопа Силичъ (см. у Ф. Смирнова. Виленскій св. духов. монастырь. Историческое описаніе. В. 1888 г. стр. 337).

37) См. у А. Л. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Борисполькій. Біографическій очеркъ. К. 1904 г. стр, 29.

38) См. Труды Кіев. дух. Академіи 1865 г. № 4 стр. 606.

39) См. М. Г. А. М. И. Д. польскія дѣла 1732 г. д. № 7.

40) См. тамъ же ср. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. М. 1805 г. стр. 260—263 прим. Я.

41) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1732 г. д. № 17.

42) Краткія біографическія свѣдѣнія о нихъ можно читать у Dr. Jul. Pelesz'a. Geschiechte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. B. 2 S. 320—321 W. 1880.

43) Краткія біографическія свѣдѣнія о нихъ см. у И. Чистовича. Очеркъ исторіи западно-русской церкви ч. II стр. 255—260.

44) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1731 г. д. № 16

45) См. тамъ же, польскія дѣла 1732 г. д. № 17.

46) См. тамъ же польскія дѣла 1730 г. д. № 16. Кіевскимъ архіепископомъ тогда былъ Варлаамъ Ванатовичъ (см. о немъ у Е. Крыжановскаго, Собраніе сочиненій К. 1890 г. т. I стр. 296—344 ср. у Б. Титлинова. Правительство императрицы Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ церкви. Вильна 1905 г. стр. 125—136), а Черниговскимъ архіепископомъ—Иродіонъ Жураховскій. Самъ Варлаамъ Ванатовичъ 12 февраля 1730 г., между прочимъ, такъ доносилъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ о хиротоніи Арсенія Берла: „и я, нижайшій богомолецъ, получивъ всемилостивѣйшую его императорскаго величества изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи грамоту (объ архіерейской хиротоніи Арсенія Берла отъ 30 декабря 1729 г.), прошедшаго генваря 30-го сего 1730 года вышереченнаго Арсенія Берла, архимандрита Кіево-межигорскаго монастыря, съ единымъ преосвященнымъ Иродіономъ, епископомъ Черниговскимъ и Сѣверскаго Новгородка, посвятили, и при томъ посвященіи два были архимандриты Святотроицкой Ильинской Черниговской Германъ да Благовѣщенскаго Назаретъ Нѣжинскаго Савва. По освященіи же его, Арсенія Берла, во епископы, я, смиренной, велѣлъ оному съ Кіева въ тую Бѣлорусскую епархію, ради отправленія духовныхъ дѣлъ и всякихъ той епархіи порядковъ отъѣздить; но оной до тѣхъ поръ въ Кіевѣ медлитъ и къ правленію приключающихся въ той Бѣлорусской епархіи порядковъ, по его императорскаго величества и по присланному изъ святѣйшаго синода указомъ, невидимо чего ради, не скоро отъѣзжаетъ. См. М. Г. А. М. И. Д. польскія дѣла 1727 г. д. № 7.

47) См. тамъ же, польскія дѣла 1730 г. д. № 16.

48) См. тамъ же, въ томъ же дѣлѣ.

49) См. М. Г. А. М. И. Д, Варшавская миссія IV пр. 17.

50) См. Арх. Св. Синода секретныя дѣла № 41.

51) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1732 г. д. № 17.

52) См. С. М. Соловьева. Цитов. соч. кн. IV т. XIX стр. 1252—1253.

53) См. у А. Л. Берло. Цитов. соч. стр. 34—35.

54) См. М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1732 г. д. № 17.

55) Біографическія свѣдѣнія объ І. В., кромѣ тѣхъ, какія будутъ изложены нами ниже, можно читать еще въ слѣдующихъ изданіяхъ и сочиненіяхъ: 1) П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I-я (см. по указателю); 2) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе II ч.ч. I и II съ введеніемъ и примѣчаніями проф. Н. И. Петрова. К. 1904 г. (см. по указателю); 3) Д. Вишневскаго. Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII в. К. 1903 г. и 4) И. Чистовича. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. СПБ. 1882 г. ч. II стр 64—66 и 260—261.

56) См. въ М. Г. А. М. И. Д., польскія дѣла 1732 г. д. № 17 указъ

полномочному министру при польскомъ дворѣ камергеру гр. Левенвольду отъ 9 сентября 1732 г.

57) Регинментарій—командующій войсками, въ частности, заступающій вакантное мѣсто гетмана. См. у Н. Горбачевскаго. Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и царства польскаго. Вильна 1874 г. стр. 307.

58) См. въ М. Г. А. М И. Д., польскія дѣла 1732 г. № 17 реляція гр. Левенвольда въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 15 сентября 1732 г.

59) См. тамъ же, реляція гр. Левенвольда въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 26 октября 1732 г.

60) См. тамъ же, реляція барона Кейзерлинга изъ Варшавы отъ 5 января и 16 февраля 1732 г. и рескриптъ къ нему отъ 27 января 1736 г.

61) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I-я докум. № CXXX стр. 295.

62) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I-я докум. № CXXXVI стр. 312.

63) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Историческое извѣстіе объ уніи. М. 1805 г. стр. 274—276.

64) См. тамъ же стр. 276—287.

65) См. арх. св. синода 1733 г. д. № 260 т. I л. 29.

66) См. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отд. II ч. II стр. 233.

67) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. II докум. № CCCXXXI стр. 745.

68) См. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода т. II ч. I № 432/514 стр. 596—599 ср. Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдомству прав. испов. т. II стр. 171 и слѣд. ср. П. Р. Н. З. Р. т. I. ч. I докум. № XLII стр. 76—77 ср. д. № LXXIII стр. 149—150.

69) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № XCIX стр. 216—218.

70) См. тамъ же т. I ч. I докум. № C стр. 218—220.

71) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CIX стр. 248—249.

72) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXI стр. 251—253.

73) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXII стр. № 254—256.

74) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXVI стр. 265—268.

75) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXIII стр. 256—257 ср. докум. № CXV стр. 259—265.

76) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXV стр. 288—289 ср. докум. № CXV стр. 259—265.

77) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXX стр. 273—275.

78) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXI и CXXII стр. 275—280.

79) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXIII стр. 281.

80) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXV стр. 287.

81) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXIV стр. 281—287 ср. CXXXIII стр. 301—304.

82) См. тамъ же т. I ч. I. докум. № CXXXIV стр. 304—307.

83) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXXV стр. 307—311.

84) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXXIX стр. 401.

85) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CX стр. 249—251.

86) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXVIII стр. 271.

87) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Историческое извѣстіе объ уніи. М. 1805 г. стр. 272—273.

88) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № CXXXII стр. 301.

89) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLI стр. 340—342.

90) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXXII стр. 299—301.

91) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXLII стр. 323—325.

92) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXLV стр. 328—329.

93) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXLIX стр. 338.

94) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CL стр. 339—340.

95) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLI стр. 340—342 и № CLI стр. 342—343.

96) См. тамъ же т. I ч. I докум. № XXXVIII стр. 69—70.

97) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXII стр. 359—360.

98) О блаженномъ Аѳанасіи Филипповичѣ см. въ книгѣ епископа Іосифа: „Св. преподобномученикъ Аѳанасій, игуменъ Берестскій". Воронежъ. 1899 г.

99) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № CIV стр. 233—236 и № CLXIV стр. 361—363.

100) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CV стр. 236—238.

101) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Цитов. соч. стр. 283—284.

102) См. П. Р. Н. З. Р т. I ч. I докум. № CLV стр. 346—348.

103) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXXIII стр. 281.

104) См. тамъ же т. I ч. I докум. № XCIX стр. 216—218, № CXI стр. 251—253, № CXVI стр. 265—268 и CXXXVII стр. 315.

105) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CVIII стр. 245—247.

106) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CX стр. 250.

107) См. у С. М. Соловьева. Цитов. соч. (изд. 1871 г.) т. XXI стр 122 ср. т. XXIV стр. 420—422.

108) См. о немъ выше стр. 114—123.

109) См. о немъ выше стр. 94—109.

110) См. у М. Бобржинскаго. Цитов. соч. т. II стр. 260.

111) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Цитов. соч. стр. 296—299

112) См. тамъ же стр. 303—306.

113) См. тамъ же стр. 306—308 прим. *М.*

114) См. тамъ же стр. 307—309.

115) См. арх. св. син. 1733 г. д. № 260 т. I л. 420.

116) См. тамъ же т. I л. 427.

117) См. тамъ же т. I л. 365.

118) См. тамъ же т. I л. 335.

119) См. тамъ же т. I л. 427.

120) См. тамъ же т. I л. 495.

121) См. тамъ же т. II л. 507.

122) См. тамъ же т. II л. 507.

123) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 г.) ч. III. М. 1897 г. стр. 252. Далѣе это сочиненіе Н. Бантышъ-Каменскаго будетъ цитоваться кратко такъ; „Обзоръ"....

124) См. арх. св. синода 1733 г. д. № 260 т. II л.л. 621—627; 637, 653 и 663.

125) См. тамъ же т. II л. 715.

126) См. тамъ же т. II л. 743.

127) См. тамъ же т. II л. 838.

128) См. тамъ же т. II л. 354.

129) См. тамъ же т. II л. 1117.

130) См. тамъ же т. III л.л. 12. 92.

131) См. тамъ же т. III л.л. 123—128.

132) См. тамъ же т. IV л. 53.

133) См. тамъ же т. IV л. 59.

134) См. тамъ же т. IV л. 106. 118.

135) См. тамъ же т. IV л. 146.

136) См. тамъ же т. IV. л. 152.

137) 9 января 1748 г. гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ былъ назначенъ посломъ въ Вѣну, а едва 25 апрѣля 1749 г. отправился туда изъ Варшавы. См. у Бантышъ-Каменскаго „Обзоръ"... ч. III стр. 258—259.

138) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. стр. 319—321 прим. щ.

139) См. тамъ же стр. 321—326.

140) См. тамъ же стр. 326—333.

141) См. тамъ же стр. 335.

142) См. тамъ же стр. 336—338.

143) См. тамъ же стр. 338—339.

144) См. тамъ же стр. 340—341.

145) См. о немъ выше стр. 94—109.

146) См. о немъ выше стр. 123—130.

147) См. арх. Могилев. дух. консисторіи св. I № 22 ср. Тр. Кіев. дух. Акад. 1898 г. кн. VI стр. 270—272.

148) См. Тр. К. д. А. 1898 г. кн. VI стр. 280.

149) См. арх. Могил. дух. кон. св. I № 22 ср. Тр. К. д. Акад. 1898 г. кн. VI стр. 273—279.

150) См. арх. св. синода 1733 г. д. 260 т. IV л. 455.

151) См. тамъ же 1733 г. д. 260 т. IV стр. 435.

152) См. тамъ же 1733 г. д. 260 т. IV л. 437 Ср. Вилен. арх. Сборн. т. II стр. LXVIII.

153) См. Вилен. археогр. сборн. т. VII докум. № 175.

154) См. у И Чистовича. Цитов. соч. ч. II стр. 85.

155) Разумѣется громкое торунское дѣло. См. о немъ у М. Бобржинскаго. Цитов. соч. т. II стр. 253.

156) См. арх. Могилев. духов. конс. связка 1-я № 26 ср. Труды Кіев. дух. Акад. 1898 г. кн. VIII стр. 576—584.

157) Подробности о Іеронимѣ Волчанскомъ и, въ частности. о его дѣятельности по внутреннему благоустройству Бѣлорусской епархіи см. Труды Кіев. дух. Акад. 1898 г. кн. VIII стр. 587—596.

158) См. Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго. Изд. 2-е. СПБ. 1861 г. ч. I стр. IV.

159) См. тамъ же стр. LII прим. 12 ср. Витебская Старина т. V ч. I стр. 473—476.

160) См. Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго ч. I стр. V.

161) См. тамъ же ч. I стр. V.

162) См. у Н. Бантышъ-Каменскаго. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. стр. 349—351; 353 и друг.

163) См. тамъ же стр. 354—356.

164) См. Слова и рѣчи Георгія Конисскаго. Могилевъ на Днѣпрѣ 1892 г. стр. 13—14

165) См. тамъ же стр. 14.

166) См. у С. Рункевича. Исторія Минской архіепископіи стр. 47.

167) См. Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго ч. I стр. XIV—XV.

168) См. П. Р. Н. З. Р. т. I ч. I докум. № CLXXCI стр. 394—397.

169) См. тамъ же ср. т. I ч. I докум. № CLXXXIX стр. 419—421 № CXCI стр. 423—426, № CXCIX стр. 438—449.

170) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXXVI стр. 396—397, № CCIII стр. 454—456, № CCV стр. 457—458, № CCXI стр. 466—468, № CCXIII стр. 469—470, № CCXLI стр. 524—526; ч. II докум. № CCXLV стр. 532—533, № CCL стр 540—541, № CCLV стр. 548—549, № CCLVI стр. 549.

171) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCCLXXVIII стр. 1099—1100.

172) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXI стр. 358.

173) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXII стр. 359—360.

174) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXI стр. 355—357.

175) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CLXI стр. 357.

176) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXCIII стр. 427—430.

177) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXCVI стр. 433—435.

178) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CC стр. 450.

179) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCLXVI стр. 575—578.

180) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCLXVIII стр. 581—584 ср. № CCCVIII стр. 690—691.

181) См. тамъ же т. I ч. III докум. № XCIV стр. 1144—1146 ср. № CII стр. 1158—1159.

182) См. тамъ же т. I ч. I докум. № CXLVII стр. 332—335, № CLXVIII стр. 376—379, № CLXXIII стр. 389—390, № CLXXIV стр. 390—391, № CLXXV стр. 391—393, № CLXXVIII стр. 400—401, № CLXXIX стр. 401—403 и № CLXXX стр. 403—405.

183) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCLXXXVII стр. 656—657, № CCLXXXIX стр. 659—660, № CCCVIII стр. 690—691 и № CCXCII стр. 663—664.

184) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCXVII стр. 706—707, № CCCXIX стр. 709—710, № CCCXXI стр. 716—717 и № CCCXXXIX стр. 760—761.

185) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCXLIX стр. 777—780.

186) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCLIII стр. 789—793.

187) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCLI стр. 796—802.

188) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCLXV стр. 819—821.

189) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCLI стр. 784–788 ср. № CCCLXXVII стр. 840—842.

190) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCLVI стр. 803—805 ср. ч. I докум. № CLXIV стр. 361–363, № CLXXXI стр. 405–407.

191) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCLXIV стр. 818–819.

192) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCLXXXIV стр. 616—653.

193) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCXCIII стр. 664—665.

194) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCXCVIII стр. 672–673, ср. докум. № CCLXXXIV стр. 616—653.

195) См. тамъ же т. I ч. II докум. № CCCXLV стр. 770—772 ср. № CCCLVIII стр. 807—808, № CCCLIX стр. 808—809 и № CCCLX стр. 810–811.

I.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ.

А.

Августъ II, польско—литовскій король,—3, 4, 5, 14, 16, 19, 64, 75, 140.

Августъ III, польско-литовскій король,—5, 17, 18, 19, 136, 158, 165, 166, 200.

Авраамъ Флоринскій, старшій Виленскаго святодуховскаго монастыря,—229.

Амвросій Юшкевичъ, іеромонахъ, проповѣдникъ въ св.-духовскомъ Виленскомъ монастырѣ, а впослѣдствіи игуменъ-старшій того же монастыря,—114, 116, 117, 120, 121, 122, 123, 124, 149, 151, 153, 154, 170, 172.

Анна Іоанновна, русская императрица,—12, 16, 67, 91, 93, 97, 156.

Антоній Селява, Полоцкій уніатскій архіепископъ,—75, 76.

Арсерній Берло, архимандритъ Кіево-Межигорскаго монастыря,—56; Бѣлорусскій епископъ,—57, 58 59, 60, 61, 62, 63. 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90. 91, 92, 93, 94, 96, 98, 148, 207.

Аѳанасій, игуменъ Брестскаго св. симеоновскаго монастыря, -142.

Б.

Бенедиктъ XIV, римскій папа, —218.

Берковичъ, арендаторъ села Бобовки,—134.

Бестужевъ-Рюминъ М. П., гр, русскій посолъ въ Варшавѣ,—44, 51. 61, 62, 63, 66, 67, 85, 157, 173, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 185, 191, 192, 193, 194, 195.

Бпронъ, временщикъ въ правленіе русской императрицы Анны Іоанновны,—12, 16.

Борщъ Георгій, іезуитъ,—126.

Браницкіе, польскіе графы,—6.

Бриль см. Брюль.

Бронѣцкій, комиссаръ князя Яблоновскаго,—248.

Брюль, фаворитъ польско-литовскаго короля Августа, III,—5.

Булгакъ Георгій, уніатскій пинскій епископъ, —169.

В.

Валеріанъ Ляховицкій, игуменъ Минскаго Петропавловскаго монастыря,—125.

Варлаамъ Ванатовичъ, архіепископъ Кіевскій,—112, 113 и прим. 46.

Варѳоломей, уніатъ, игуменъ Богуславскаго монастыря,—247.

Василевскій Іосифъ, уніатскій плебанъ въ Петраковѣ.—135.

Вейсбахъ, генералъ, русскій полномочный посолъ въ Варшавѣ, —68, 69, 70, 87, 88, 148.

Вероботовичъ Іоаннъ, іерей с. Бобовки,—133.

Виталій, игуменъ Ржищевскаго монастыря, уніатъ,—247.

Вишневецкій, князь, регименгарій и канцлеръ Литовскій,—101, 102.

Воейковъ, русскій посолъ въ Варшавѣ,—157.

Войткевичъ, управитель въ с. Вилчичахъ Могилевской экономіи, —33.

Волконскій, русскій посолъ въ Варшавѣ.—157.

Волчекъ, ксендзъ—Могилевскій плебанъ.—35.

Г.

Гедеонъ Шишка, игуменъ Минскаго Петропавловскаго монастыря, намѣстникъ Бѣлорусской епархіи послѣ смерти епископа Сильвестра Святополкъ-Четвертинскаго,—49, 60, 64, 80, 82, 83, 84, 85, 95, 96, 97, 98.

Георгій Конисскій, епископъ Бѣлорусскій,—159, 219, 220, 221, 222, 223, 224.

Герасимъ Долбинскій, іеромонахъ Виленскаго св. духовскаго монастыря,—126.

Германъ, іеромонахъ, намѣстникъ свято—симеоновскаго монастыря въ Брестѣ—Литовскомъ,—239, 240.

Гинтовтъ, ксендзъ-іезуитъ,—26, (миссіонеръ), 30, 37, 43.

Годебскій Ѳеофилъ, уніатскій епископъ.—146.

Голембіовскій Петръ, секретарь русскаго посольства въ Варшавѣ—88, 99, 100, 106, 107, 108, 109, 136, 137, 148, 157, 160, 168, 169 170, 171, 172, 173, 184, 186, 190, 191, 214, 215, 216, 231, 232, 241.

Головкинъ Г. И., графъ, русскій канцлеръ,—23, 46, 48, 79, 83, 84, 85, 86, 90, 91.

Голотскій Петръ, священникъ Бѣлорусскій,—210.

Гостовскій, католическій ксендзъ въ Вильно,—127.

Гриневичъ Симонъ, ксендзъ, переведенный изъ Орши въ Могилевъ,—212, 213, 214.

Гроссъ, русскій посолъ въ Варшавѣ,—203, 204, 219

Гулевичъ Іоаннъ, русскій дворянинъ, рекомендованный Іосифомъ Оранскимъ, какъ ревнитель православія,—134, 135.

Д.

Давидовичъ, плебанъ Невельскій,—35.

Дашковъ Алексѣй, русскій полномочный посолъ въ Варшавѣ.—40.

Дембовскій, референдарій (секретарь) польскій,—101.

Діонисій Исаевичъ, іеромонахъ Минскаго Петропавловскаго монастыря,—129.

Долгоруковъ Василій Л., князь, русскій посолъ въ Польшѣ,—32, 37, 44.

Долгороковъ Сергѣй, князь, русскій посолъ въ Варшавѣ,—44, 56, 57, 58, 60, 61, 62.

Дуровъ, игуменъ Буйницкаго монастыря,—55.

Е.

Екатерина I, русская императрица.—22, 29, 34, 35.

Екатерина II, русская императрица.—220.

Елизавета Петровна, русская императрица.—3, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 165, 169, 170, 171, 201, 205, 206, 219, 220, 228.

Ельскій Владиславъ, староста Пинскій.—146.

З.

Залусскій, кухмистеръ княжества Литовскаго.—34.

Зенкевичъ, шляхтичъ, ограбившій еп. Арсенія Берла.—72, 89.

Зеновичъ, плебанъ могилевскій.—223.

Зѣнкѣвичъ Михаилъ, бискупъ Виленскій.—116, 138, 227.

И.

Ивановскій Георгій, староста Вислицкій.—128, 129, 130.

Ивановскій Іосифъ, городничій Минскій.—128, 129, 130.

Ижашковскій, слуга минскаго городничаго Іосифа Ивановскаго.—129.

Ильиничъ, уніатскій священникъ въ Кричевѣ.—198, 199.

І.

Іакинѳъ, іеромонахъ, духовникъ свято-симеоновскаго монастыря въ Брестъ-Литовскомъ.—238.

Іеронимъ Волчанскій, игуменъ-старшій Виленскаго свято-духовскаго монастыря.—124, 125, 127, 128, 129, 151.—епископъ Бѣлорусскій.—159, 182, 183, 186, 187, 188, 189, 190, 193, 194, 197, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 225.

Іеронимъ Дверницкій, монахъ.—120.

Іоасафатъ Кунцевичъ, Полоцкій уніатскій архіепископъ.—75.

Іосифъ Волчанскій, архимандритъ Кіево-Никольскаго монастыря.—97, 98, 99, 103; епископъ Бѣлорусскій.—105, 106, 109, 151, 153, 154, 170, 206, 207.—архіепископъ Московскій.—208; 210.

Іосифъ Кононовичъ—Горбацкій, епископъ Бѣлорусскій.—76.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, епископъ Бѣлорусскій.—76.

Іосифъ Оранскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря.—132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 151, 174, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 190, 191, 230, 231, 233.

Іосифъ уніатъ, *игуменъ Лебединскаго монастыря.*—247.

К.

Каллистъ Заленскій, архидіаконъ епископа Бѣлорусскаго Сильвестра Святополкъ-Четвертинскаго.—48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 63, 64, 65, 66, 73, 82, 83, 85, 95.

Каминскій Іосифъ, польскій королевскій генералъ.—118, 121.

Карлъ XII, шведскій король.—16.

Кассіанъ Аравскій, игуменъ Дрогичинскихъ монастырей.—243.

Кащицъ Александръ, іезуитъ.—126.

Кейзерлингъ, баронъ, русскій посолъ въ Варшавѣ.—103, 148, 160, 162, 166 167, 171, 173, 197, 198, 199, 208.

Кипріанъ Жоховскій, Полоцкій архіепископъ, уніатскій митрополитъ.—75.

Кириллъ Шумлянскій, епископъ Луцкій.—40.

Клеопа Силичъ, игуменъ Виленскаго свято-духовскаго монастыря.—113, 114.

Климентъ Тризна, архимандритъ, номинатъ Бѣлорусской епархіи.—64, 76.

Комаровскій, шляхтичъ, обратившій на унію церковь с. Жбланъ, —134.

Кощицъ, православный инокъ въ Вильно,—127.

Кравецъ Петръ, поворовавшій церковныя вещи Минскаго Петропавловскаго монастыря,—129.

Круковскіе, арендаторы с. с. Порѣчье и Щитковичи, —232. 233.

Л.

Левенвольдъ, графъ, русскій полномочный посолъ въ Варшавѣ, —69, 70, 71, 77, 87, 88, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 117, 133, 134, 136, 148.

Левъ Кишка, уніатскій митрополитъ, - 55.

Ленкѣвичъ, староста Грабницкій.—232.

Липскій, подканцлеръ Литовскій.—68, 88, 100.

Лисянскій Ираклій, полоцкій уніатскій оффиціалъ,—187.

Любомірскіе, польскіе магнаты, —245, 249.

Любомірскій Станиславъ, князь, —247.

М.

Малаховскій, графъ, польскій коронный канцлеръ,—218, 219.

Манулъ Бялошицскій, игуменъ свято-симеоновскаго монастыря въ Брестѣ-Литовскомъ,—236, 237, 238, ренегатъ,—239, 240.

Маркіанъ Бяллозоръ, Полоцкій уніатскій архіепископъ,—75.

Мельхиседекъ Богдановичъ, игуменъ Виленскаго свято-духовскаго монастыря,—190.

Милашевичъ, поручикъ, смоленскій шляхтичъ,—29; коммиссаръ —37.

Михаилъ Вишневецкій, польскій король,—64.

Мнишекъ, польскій коронный маршалокъ,—88.

Н.

Никодимъ Томиловичъ, іеромонахъ Виленскаго св. духовскаго монастыря.—126.

О.

Огинскій, обозный великаго княжества Литовскаго.—121, князь, —202, 213, 214.

Олельковичи, князья Слуцкіе,— 132, 231.

Оссолинскій, польскій надворный подскарбій,—25, 32.

П.

Пафнутій Подлужевичъ, игуменъ-старшій Виленскаго св. духовскаго монастыря,—112.

Пенскій Янъ, староста Копыльскій,—133.

Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій,—54.

Петръ Пашкевичъ Толоконскій, игуменъ-старшій Виленскаго свято-духовскаго монастыря, - 126.

Петръ I, русскій Императоръ, —3, 4, 5, 11, 14, 16, 21, 22, 29, 31, 32 40, 42, 43, 123, 148, 153, 156, 169, 170.

Петръ II, русскій Императоръ,—39, 40, 60, 142.

Познякъ Марціанъ, стольникъ Ошмянскій,—118, 119, 120.

Потоцкіе, польскіе графы, - 6 245, 249.

Потоцкій, графъ, подстолій Литовскій,—72, 73, 77, 78, 90, 91, 94, 96, 97, 98.

Р.

Радзивиллъ Іеронимъ, Слуцкій князь,—132. 233.

Радзивиллъ Карлъ, польскій князь,—6, 7.

Радзивиллъ, княгиня,—106.

Радзивиллъ, князь, Литовскій хорунжій,—202, 203.

Радзивиллы, польскіе князья,—6, 140, 230, 231.

Рафаилъ Заборовскій, архіепископъ (впослѣдствіи митрополитъ) Кіевскій,—12, 114, 117, 132, 134, 150, 230, 231.

Рафаилъ, іеромонахъ, намѣстникъ Бѣлорусской каѳедры,—210.

Рачинскій, прокуроръ Слуцкой коллегіи,—133.

Ржичевскій Янъ, секретарь русскаго посольства въ Варшавѣ,—157, 241.

Рудаковскій Игнатій, русскій коммиссаръ въ Бѣлоруссіи,—21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 37, 44, 169.

С.

Сапѣга, виленскій бискупъ, канцлеръ литовскій,—231.

Сапѣга Карлъ, брестскій воевода,—237.

Свяцкій Петръ, польскій шляхтичъ,—23, 41, 81.

Серапіонъ Полховскій, епископъ, номинатъ Бѣлорусской епархіи,—64, 76.

Сергій, іеромонахъ, намѣстникъ Лебединскаго православнаго монастыря,—247, 248.

Синезій Залуцкій, игуменъ Минскаго петропавловскаго монастыря, перешедшій въ унію,—235, 236.

Сильвестръ, игуменъ Братскаго Могилевскаго монастыря,—82.

Сильвестръ Каховскій, іеромонахъ, капелланъ Варшавскій,—13, 60. 62,103, 107, 123, 137. 138, 149, 174, 178, 179, 181, 182, 190. 191.

Сильвестръ Коссовъ, епископъ Бѣлорусскій,—76.

Сильвестръ Ляскоронскій, игуменъ-старшій Виленскаго свято-духовскаго монастыря,—225, 226, 227.

Сильвестръ Пѣшкѣвичъ, Полоцкій уніатскій архіепископъ,—75.

Сильвестръ Святополкъ-Четвертинскій, епископъ Бѣлорусскій,—12, 21, 22, 23, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 49, 51, 52. 56, 64, 76, 81, 82. 83, 85, 105, 106, 148.

Синявинъ, подполковникъ,—95.

Скарга Петръ, іезуитъ,—10.

Соколовскій Григорій, мастеровой человѣкъ въ фольваркѣ Минскаго монастыря Стукочичахъ,—128, 129.

Спиридонъ Гриневецкій, —игуменъ свято-симеоновскаго монастыря въ Брестѣ-Литовскомъ,—238, 239, 240.

Станиславъ Лещинскій, польскій король,—16, 18, 19.

Стацевичъ Ѳома, плебанъ Кейдановскій,—135.

Стоецкій, панъ, управляющій имѣніями князя Яблоновскаго,—248.

Сулковскій, приближенный польско-литовскаго короля Августа III, —5.

Суходольскій, подстароста Мстиславскій,—36.

Т.

Тимоѳей Куракинъ, іеромонахъ Брестскаго монастыря,—142.

Тимоѳей Щербацкій, митрополитъ Кіевскій,—237, 241, 247.

Толоконскій—Пашкевичъ Самуилъ, православный русскій дворянинъ въ Вильно,—126, 127.

Томачевскій Ѳома, священникъ Воскресенской церкви въ Слуцкѣ.—133.

Торобацкій Ѳеофанъ, игуменъ базиліанскаго монастыря въ Брестѣ-Литовскомъ.—239.

У.

Ушинскій, начальникъ іезуитской коллегіи въ Дрогичинѣ.—145.

Ф.

Фіалковскій Филиппъ, купецъ въ Вильно.—226.

Флеммингъ, старшина Брестскій.—239.

Флоріанъ Гребницкій, Полоцкій уніатскій митрополитъ.—68, 73, 75, 76, 208, 218, 219.

Х.

Хоментовскій, воевода Мазовецкій.—43.

Ч.

Чарторыйскіе, польскіе князья.—6.

Чарторыйскій, князь, канцлеръ Литовскій.—62, 69, 88, 100, 101, 102, 200.

Чернявскій, ксендзъ архидіаконъ Виленскаго бискупа.—31.

Швагеръ Даніилъ, поворовавшій церковныя вещи Минскаго петропавловскаго монастыря.—129.

Швайковскій Яковъ, полковникъ, смоленскій шляхтичъ.—50, 51, 52, 56, 59.

Щесновичъ Петръ, староста Михневскій.—124.

Я.

Яблоновскіе, польскіе магнаты.—245, 248, 249.

Ягудзинскій см. **Ягушинскій.**

Ягушинскій П. И. генералъ-поручикъ, уполномоченный русскаго правительства на польскомъ сеймѣ.—38, 44.

Янъ III Собѣсскій, польскій король.—10, 64.

Ясѣновскій Василій, православный священникъ при церквахъ с. с. Порѣчье и Щитковичи.—232.

Ѳ.

Ѳеодоръ Потоцкій, архіепископъ Гнѣзненскій.—19.

Ѳеодосій Василевичъ, епископъ номинатъ Бѣлорусской епархіи.—64, 76.

Ѳеодосій Волковичъ, архимандритъ Слуцкій.—51, 131, 140, 231.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій.—58, 79, 87, 88, 89.

II.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Австрія,—16, 17.

Б.

Брестъ, городъ.—142, 143, 235, 236, 237, 238, 241.

Бугъ, рѣка,—142.

Бѣлоруссія—21, 23, 24, 26, 27, 31, 33, 34, 39, 50; 51, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 65, 66, 68, 78, 79, 83, 86, 91, 92, 94, 96, 97, 105, 106, 109, 110, 141, 159, 162, 169, 187, 193, 201, 206, 207, 209, 211, 212, 219, 220, 221, 223, 224.

Бѣлостокъ, резиденція гр. Браницкихъ,—6.

Бѣльскъ, городъ,—146.

Бѣшенковичи, мѣстечко,—31.

В.

Варшава, городъ,—12, 13, 18, 19, 29, 43, 44, 45, 51, 63, 65, 69, 70, 71, 77, 85, 87, 88, 98, 99, 103, 106, 117, 123, 133, 134, 136, 140, 148, 149, 156, 157, 160, 161, 162, 163, 166, 168, 170, 171, 173; 174, 175, 179, 182, 183, 184, 185, 190, 191, 192, 193, 195, 208, 214, 219, 229, 230, 231, 236.

Великороссія—55.

Вилчичи, село Могилевской экономіи.—33.

Вильно, городъ.—42, 110, 111, 114, 115, 118, 120, 121, 123, 126, 162, 207, 225, 226, 227.

Витебскъ, городъ,—141, 146, 212.

Волынь—61.

Г.

Гомель, городъ,—42, 106.

Горки—72.

Грабово, село,—135.

Греція—54.

Гродно, городъ,—14, 42, 62, 177.

Д.

Дрезденъ, городъ,—198.

Дрогичинъ, городъ,—144, 145, 242.

Друя—229.

Дукоръ, село,—232.

Ж.

Жбланы, село,—134.

З.

Заблудово, село.—133.

Западная Русь—3, 27, 39, 49, 92, 107, 114, 131, 141, 142, 146, 148, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 168, 169, 186, 188, 206, 219, 220, 225, 242.

И.

Измаиловъ, городъ.—113.

К.

Картай, село въ Невельскомъ графствѣ,—35.

Кіевъ, городъ.—52, 54, 63, 71, 79, 134, 169, 220, 235.

Косѣйскъ, село Мозырскаго повѣта.—232.

Краковъ, городъ.—18.

Кричевъ, городъ.—198.

Л.

Литва—18, 55, 75, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 118, 121, 124, 125, 141, 170, 185, 228.

М.

Малороссія—55, 61,

Минскъ, городъ, 42, 185, 235, 236, 241, 242.

Могилевъ, городъ,—22, 23, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 43, 46, 49, 50, 51, 56, 59, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 97, 98, 105, 148, 149, 183, 187, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 220, 223.

Молдо—Валахія,—54.

Москва, городъ,—43, 50, 51, 87 89, 90, 123, 206, 207, 208, 210, 211.

Мстиславль, городъ,—36.

Н.

Невель, городъ.—35.

Несвижъ, резиденція князей Радзивилловъ.—6.

Новгородъ Великій. городъ.—55.

Новый Быховъ, городъ—33.

О.

Орша, городъ.—31. 212. 222.

П.

Петербургъ, городъ,—23, 34, 37, 43, 52, 56, 72, 83, 90, 96, 98, 103, 108 169.

Петраково,—135.

Пинскъ, городъ,—146.

Подляшье—141, 162, 201, 235, 241, 242.

Полоцкъ, городъ.—141, 146.

Польша,—3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 69, 73, 74, 75, 77, 78, 88, 92, 93, 97, 102, 105, 106, 107, 108, 114, 117, 121, 123, 131, 132, 134, 137, 141, 148, 149, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 182, 183, 185, 186, 187, 189, 191, 192, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 204, 205, 208, 209, 211, 214, 215, 216, 218, 219, 238, 244.

Порѣчье, село.—232, 233.

Прилуки, городъ.—129.

Псковъ, городъ,—55.

Пулавы, резиденція князей, Чарторыйскихъ.—6.

Р.

Римъ, городъ,—162.

Россія—11, 12, 16, 17, 19, 24, 25, 27, 28, 43, 47, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 63, 67, 69, 71, 72, 73, 78, 83, 87, 89, 92, 93, 101, 103, 105, 113, 114, 117, 123, 134, 148, 149, 152, 153, 154, 157, 158, 160, 162, 164, 165, 179, 183, 186, 192, 196, 197, 199, 202, 203, 206, 226, 244.

Рубежевичи, мѣстечко, — 135, 136, 137.

Рубежово, село,—231.

Рѣчь Посполитая—73, 77, 143.

С.

Саксонія—62, 99, 100, 102, 158, 166, 178, 181, 185.

Слуцкъ, городъ,—131, 132, 133, 134, 135, 138, 140, 230, 231.

Смоленскъ, городъ,—55.

Стукочичи, фольваркъ Минскаго петропавловскаго монастыря, — 128.

Т.

Тайманово, село,—33.

Торунь, городъ,—215.

Тульчинъ, резиденція гр. г. Потоцкихъ,—6.

У.

Украина Кіевская—244, 245, 246, 247, 248.

Украина Лѣвобережная,—159.

Украина Слободская—159.

Ф.

Франція—16.

Х.

Хойно, село въ Мозырскомъ повѣтѣ, —232.

Ц.

Царовцы—138, 139.

Ч.

Чигиринщина—248.

Щ.

Щитковичи, село,—232.

III

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Академія Кіевская—111, 150, 151, 219.

Арендаторы у польскихъ пановъ—9.

Архивъ княжескій кн. Іер. Радзивилла—133.

Архимандрія Слуцкая Троицкая—131, 132, 230, 231, 233, 234.

Б.

Безкоролевье въ Польшѣ—14.

Бискупъ антипатрейскій католическій—66.

— Орополитанскій католическій—66.

Бискупы католическіе—15, 19.

Братства: Брестское—237.

— Виленское св. духовское—110, 111, 116, 149.

— Друйское—229.

— Минское—236.

— Могилевское преображенское ставропигіальное—80, 86, 93, 110, 149.

— Слуцкое преображенское—110, 132, 149.

— Яблоченское—146.

Братчики Виленскіе—114.

Братчики Могилевскіе—58, 80, 83.

Быховщизна—41.

В.

Воеводства: Витебское—41.

— Минское—41.

— Мстиславское—41.

— Новгородское—41.

— Полоцкое—41.

Войты Могилевскіе—89.

Вѣра: греко-уніатская—15.

— православная—24, 26, 28, 32, 33, 34, 41, 43, 45, 47, 48, 75, 111, 113, 115, 116, 147, 152, 159, 163, 165, 206, 216.

— римско-католическая—27.

Г.

Государства: польско-литовское—3, 40, 42, 54, 71, 73, 75, 150, 153, 155, 158, 159, 162.

— русское—40, 120, 154, 159, 161, 173.

Грамоты: императорская—69.

— королевская см. Привиллегіи

Грамота русскаго государя польскому королю объ избраніи прав. епископа—60, 61, 62, 67.

Графства: Невельское—35.
— Шкловское—106.
Громада Лебединская—247.
Губернія Кіевская—244.

Д.

Дворянство русское—8.
Депутаты на коронаціонномъ польскомъ сеймѣ—17.

Диссиденты — разновѣрцы въ Польшѣ—14, 18.
Договоръ о вѣчномъ мирѣ между Россіей и Польшей—28, 32, 33, 40, 43, 69, 73, 74, 161, 164, 202.

Духовенство: католическое—10, 11, 16, 21, 30, 67, 74, 95, 97, 118, 166, 171, 181, 197, 200, 201, 203, 204, 212, 219, 227, 228, 246.
— православное—8, 9, 12, 30, 52, 53, 56, 57, 59, 63, 66, 79, 82, 83, 95, 111, 113, 132, 134, 168, 169, 223.
— уніатское—67, 74, 95, 97, 167, 171, 201, 203, 204, 212, 219, 227, 228, 246.
Дѣло пинское—5.

Е.

Евреи, народъ,—9, 27, 120, 127.
Епархіи: Бѣлорусская см. епископія Бѣлорусская.
— Луцкая—40, 174.
— Львовская—40, 174.
— Могилевская—52.
— Московская—109.
— Перемышльская — 40, 174.
Епископія: Бѣлорусская—32, 40, 41, 45, 47, 49, 50, 51, 52, 55, 56, 58, 60, 61, 65, 66, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 82, 83, 84, 85, 89, 91, 95, 97, 101, 105, 200, 205, 209, 210, 214, 218, 219, 221.
— Галицко-Львовская—75.
— Луцкая—75, 77.
— Перемышльская—75.
— Холмская—75, 77.

Ж.

Жиды — смотр. евреи.

З.

Запись фундушовая на владѣнія Слуцкаго монастыря—132.

И.

Изба польская—15.
Имперія россійская—22, 27, 28, 81.
Ингибиція (запрещеніе) строить православные храмы—229, 231.
Инструкція русскаго правительства своему послу—56, 71, 114.

І.

Іезуиты —10, 11, 26.

К.

Капелланъ Варшавскій, т. е. іеромонахъ русской посольской церкви въ Варшавѣ—12, 13.
Католики—49, 64, 77, 96, 105, 107, 111, 121, 128, 141, 145, 146, 156, 162, 163, 168, 180, 190, 204, 225, 228, 236, 241, 246.
Каѳедра архіерейская Бѣлорус-

ская см. престолъ Бѣлорусскій архіерейскій.

Книги ратушныя—84.

Княжество Слуцкое—138, 140, 230, 231.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ—70, 80, 82, 94, 101, 117, 156, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 190, 197, 214.

Коммиссаръ Виленскаго епископа—42.

Коммиссары русскіе въ Польшѣ—17, 24, 25, 27, 28, 29, 34, 43, 44, 45, 46.

Коммиссіи въ польскомъ государствѣ—15.

Коммиссія по разбору жалобъ православныхъ на своихъ обидчиковъ католиковъ—25, 108, 167, 168, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 216.

Конвенты пакта - 17.

Консисторія Виленская католическая—226, 233.

Консисторія римско-католической капитулы въ Вильно—115.

Конституціи сеймовыя въ Польшѣ - 15, 19, 33, 45, 53, 55, 65, 76, 174, 175, 200.

Конфедерація генеральная—18.

Конфедерація генеральная конвокаціоннаго сейма въ Польшѣ—14, 15, 16.

Конференція польскаго сейма—44.

Конференція св. синода и коллегіи иностранныхъ дѣлъ—173.

Крестьяне въ Польшѣ—8, 9.

Крестьянскій т. н. хлопскій классъ въ Польшѣ смотр. крестьяне.

Ксендзы кармалитскіе—25.

Ксендзы уніатскіе— 24, 41.

Культъ чужеземный въ Польшѣ—15.

Купцы Шкловскіе православные—31.

Л.

Лавра Кіево-Печерская—55, 86.

Лебединцы—248.

Ляхи см. поляки.

М.

Магистратъ Могилева—49, 50, 52, 56, 67, 89.

Магнаты польскіе—219, 245, 246, 248.

Малороссы—245.

Министры польскаго правительства—19, 38, 73, 87, 88, 101, 102, 106, 107, 109, 138, 161, 163, 164, 166, 167, 171, 172, 173, 175, 177, 184, 193, 202, 203.

Министры русскаго правительства—13, 57, 61, 109, 185, 191, 200.

Миссіонеры католическіе—222, 249.

Митрополія Кіевская грекоуніатская—17.

Монастыри: Брестскій Симеоновскій—142, 143, 144, 201, 239, 240, 241.

— Брестскій уніатскій—143, 239.

— Буйницкій - 55.

— Бѣльскій николаевскій—143, 238, 241.

— Виленскій св. духовскій—110, 112, 114, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 153, 200, 207, 225, 226, 227, 228, 236.

— Дрогичинскій спасскій—143, 144.

— Дрогичинскій троицкій—143, 144, 145, 242.

— Друйскій—229.

— Заблудовскій—233, 234.

— Кіево- Межигорскій—56.

— Кіево-Печерскій см. Лавра Кіево-Печерская.

Монастырь: Кутеенскій Оршанскій – 222.
— Лебединскій Георгіевскій—247.
— Минскій петропавловскій—124, 125, 128, 129, 236.
— Московскій Симоновскій—123.
— Мстиславскій троицкій—36.
— Новодворскій-226, 227.
— Пинскій богоявленскій—146.
— Прилуцкій- 128, 130.
— Пустынно—Жаботинскій—248.
— Слуцкій Ильинскій—138, 139.
— Слуцкій Троицкій—140, 230.
— Цеперскій—227.
— Яблоченскій онуфріевскій—143, 146, 201, 238, 241, 242.

Мѣщане Бѣшенковицкіе православные —31.

Мѣщане Могилевскіе православные—30, 58, 76, 80, 82, 85, 86.

Н.

Народность русская—21, 24, 34, 47, 49, 79, 84, 93, 103, 108, 111, 112, 113, 114, 115, 124, 126, 131, 134, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 157, 159, 165, 168, 191, 206, 214, 216, 218, 220, 221, 223.

Народъ русскій въ Польшѣ—26, 29, 39.

Номинатъ Бѣлорусской епархіи —64, 65,

Нунцій папскій—162, 225.

О.

Область Слуцкая – 138, 139, 141.

Округъ Кричевскій—199.

Округъ Слуцкій—133.

П.

Папа римскій – 122, 219.

Повѣты: Мозырскій – 41, 232.
— Ошмянскій—41.
— Рѣчицкій - 41.

Погостъ Слуцкій воскресенскій —133.

Поляки—26, 27, 34, 52, 54, 55, 73, 90, 107, 128, 136, 142, 143, 157, 166, 168, 176, 178, 180, 190, 215.

Посолъ русскій въ Польшѣ - 12, 13, 44.

Поссессоры польскихъ магнатовъ—246.

Правительства: польское – 44, 45, 53, 61, 63, 67, 69, 71, 74, 77, 78, 79, 90, 95, 98, 104, 111, 117, 138, 162, 197, 201, 208, 209.
— русское—3, 23, 25, 26, 27, 29, 31, 36, 38, 45, 50, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 66, 67, 70, 71, 72, 73, 79, 86, 87, 90, 94, 96, 97, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 117, 120, 121, 122, 123, 133, 140, 141, 142, 148, 155, 157, 159, 160, 164, 167, 168, 170, 172, 184, 186, 188, 189, 196, 201, 208, 210, 211, 221, 223.

Православіе—10, 21, 24, 28, 29, 32, 34, 39, 42, 44, 46, 47, 49, 51, 53, 65, 66, 82, 84, 86, 88, 89, 92, 93, 103, 108, 111, 112, 114, 116, 124, 125, 126, 131, 132, 134, 142, 148, 149, 150, 151, 152, 157, 168, 169, 180, 187, 191, 201, 209, 211, 214, 218, 220, 221, 223, 226, 227, 239, 240, 241.

Православно—русскіе жители въ Польшѣ,—3, 4, 5, 10, 21, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 52, 65, 67, 68, 69,

74, 76, 79, 88, 102, 106, 107, 109, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 123, 131, 133, 137, 138, 139, 141, 144, 145, 146, 147, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 167, 168, 180, 186, 187, 192, 196, 215, 235, 242, 245.

Православные: бѣлоруссы—21, 24, 25, 26, 45, 50, 51, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 69, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 83, 90, 91, 94, 96, 97, 206, 218.

— западно-руссы—21, 23, 27, 28, 29, 34, 35, 39, 108, 109, 110, 111, 113, 148, 150, 151, 153, 154, 157, 165, 166, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 178, 184, 185, 188, 197, 201, 202, 204, 206, 207, 220.

Пренгиръ или столбъ у ратуши, гдѣ производилась казнь—80.

Престолъ Бѣлорусскій архіерейскій—45, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 58, 78, 83, 92, 95, 104, 206, 207, 208, 210, 218.

Престолъ Курляндскаго герцогства—16.

Престолъ россійской имперіи—24, 25, 37.

Привиллегіи королевскіе православнымъ епископамъ въ Польшѣ—54, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 75, 76, 78, 80, 84, 87, 91, 99, 101, 174, 207, 208, 209, 210.

Привиллегіи польскаго правительства православнымъ—45.

Привилеи см. привиллегіи.

Примасъ-архіепископъ—19.

Приходъ николаевскій въ Слуцкѣ—133.

Промеморія о гоненіяхъ на православныхъ въ Польшѣ—198.

Протестація епископа Арсенія Берла—84.

Протопопіи: Дубровская - 106.

— Мстиславская—106.

Протопопія Петраковская—135, 232.

Процессіи католическія—30.

Р.

Ратуша Виленская—122.

Ребелизанты-бунтовщики, измѣнники—24.

Резидентъ русскій въ Польшѣ—12, 13.

Реляція о Брестскомъ происшествіи—241.

С.

Св. Синодъ—50, 58, 80, 105, 106, 112, 117, 121, 123, 138, 150, 153, 154, 155, 156, 167, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 179, 182, 183, 189, 192, 194, 208, 210, 211, 215, 216, 241.

Сеймики польской шляхты—36, 147.

Сеймы польскіе—7, 14, 18, 37, 44, 45, 54, 96, 98, 136, 138, 147, 158, 164, 166, 182, 183, 184, 185, 192, 193, 194, 209, 234.

— Гродненскій—56.

— польскій избирательный—17.

— польскій коронаціонный—17, 18.

— польскій конвокаціонный—14,

— польскій примирительный—18.

Сенаторы польскіе—19, 61.

Сенатусконсиліумъ—96, 98, 164, 177.

Ставропигіи православныя въ Польшѣ—29.

Староство Чигиринское—248.

Судъ Виленскій магдебургскій—226.

Суды королевскіе польскіе—7, 38, 42, 65.

Суды: реляціійные въ Польшѣ—45.
— трибунальные въ Польшѣ—26, 119, 120.
Суффраганъ: Виленскаго бискупа—42.
— Могилевскаго плебана—35.
Схизма—10.
Схизматики—27, 30.

Т.

Типографія при архіерейскомъ домѣ Бѣлорусскаго епископа—224.
Трактаты въ Польшѣ—53.
Трибуналы въ польскомъ государствѣ—15, 18, 25, 31, 38, 45, 115, 164.
Тюрьма: въ г. Могилевѣ подъ костеломъ—35.
— Замковая въ Могилевѣ—30.
Тюрьмы въ Польшѣ—41, 120.

У.

Украинцы или православные жители Украины—249.
Уніаты—17, 34, 47, 49, 51, 73, 77, 96, 105, 106, 107, 111, 112, 141, 142, 143, 144, 163, 225, 226, 228, 235, 236, 241.
Унія—13, 28, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 40, 41, 42, 43, 47, 74, 77, 82, 92, 105, 107, 108, 113, 114, 133, 134, 143, 146, 160, 163, 174, 180, 189, 197, 199, 202, 210, 211, 221, 226, 233, 238, 239.

Х.

Храмы православные—30.

Ц.

Церкви въ: Бѣшенковичахъ—31, 42.
Церкви: въ с. Вилчичахъ Могилевской экономіи—33.
— Гомелѣ св. Николая—42.
— Грабовская—135, 136, 137.
— Дукорѣ—232.
— Заблудовскомъ монастырѣ—233.
— Могилевѣ каѳедральная соборная св. Спаса—31, 32, 46.
— Могилевѣ братская—213.
— Мстиславлѣ Ильинская—36.
— Мстиславлѣ Спасская—36.
— Мстиславлѣ Успенская—36.
— Новомъ Быховѣ Успенская—33.
— Петраковѣ воскресенская—135.
— Порѣчьѣ—232.
Рубежевичахъ — 135, 136, 137.
— Слуцкѣ св. Григорія—133.
— Таймановѣ св. духовская—33.
— Царовцахъ—138, 139.
— Щитковичахъ—232.
Церковь: греко—уніатская въ Польшѣ—14, 15.
— римско—католическая въ Польшѣ—14, 15, 43 116.
— православная—24, 43, 51.

Ч.

Чиновники польскаго правительства—19.

Ш.

Школы Жидовскіе въ Польшѣ —31.

Шляхетство—польское дворянство—5.

Шляхта (шляхтичи) - польскіе дворяне--6, 7, 9, 10, 22, 23, 36, 41, 52, 159, 192, 201, 222, 246.

Э.

Экономія Могилевская—41.

Элекція (избраніе) епископа—50, 58, 59, 96, 98.

Элекція (избраніе) короля—19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

ГЛАВА. СТР.

Западная Русь со времени смерти императора Петра I до вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. (1725—1741 г.) . . . . . 1—151

I. Общая характеристика положенія православнаго западно-русскаго населенія со времени смерти императора Петра I до вступленія на престолъ русской императрицы Елизаветы Петровны . . . . . 3—13

II. Преслѣдованія православныхъ западно-руссовъ польскимъ правительствомъ: подтвержденіе правительственныхъ узаконеній, направленныхъ противъ православія и русской народности . . . . . 14—20

III. Преслѣдованія православныхъ въ Бѣлоруссіи до смерти преосв. Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго . . . . . 21—38

IV. Кончина Бѣлорусскаго епископа Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго и его предсмертныя жалобы Императору Петру II. . . . . 39—48

V Смуты въ Бѣлоруссіи, наступившія послѣ смерти Сильвестра Святополкъ Четвертинскаго, и избраніе Бѣлорусскимъ епископомъ Арсенія Берла . . . . 49—59

VI. Отказъ польскаго правительства утвердить Арсенія Берла въ званіи Бѣлорусскаго епископа, пребываніе его въ Могилевѣ и удаленіе изъ Польши, въ связи съ гоненіями на православныхъ въ Бѣлоруссіи . 60—93

VII. Избраніе новаго Бѣлорусскаго епископа и препятствія этому со стороны польскаго правительства . 94—104

VIII. Преслѣдованія православія и русской народности въ Бѣлоруссіи при Іосифѣ Волчанскомъ . . . . 105—109

ГЛАВА. СТР.

IX. Преслѣдованія православныхъ въ Литвѣ и особенно въ Вильно . . . . . 110—130

X. Преслѣдованія православныхъ въ Слуцкѣ . . . 131—140

XI. Преслѣдованія православныхъ на Подляшьѣ, въ Полоцкѣ, Витебскѣ и др. мѣстахъ Западной Руси. 141—146

XII. Способы и средства, какими западно-руссы защищали свою вѣру и народность . . . . . 147 - 151

Часть вторая.

Западная Русь въ годы царствованія въ Россіи императрицы Елизаветы Петровны. (1741—1761 г.). . . 151 - 249

I. Общая характеристика положенія православнаго западно-русскаго населенія Польши въ годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны . . 152—159

II. Заступничество правительства императрицы Елизаветы Петровны за православныхъ западноруссовъ и сношенія его съ польскимъ правительствомъ по этому дѣлу. . . . . 160—167

III. Проэктъ учрежденія коммиссіи въ Варшавѣ для разбора жалобъ православныхъ жителей Польши 168—176

IV. Учрежденіе Варшавской коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ и безрезультатный конецъ ея. 177—195

V. Продолженіе переговоровъ правительства императрицы Елизаветы Петровны съ польскимъ правительствомъ по поводу гоненій на православныхъ въ Польшѣ . . . . . 196—205

VI. Преслѣдованія православныхъ въ Бѣлоруссіи при епископѣ Іеронимѣ Волчанскомъ . . . . . 206—217

VII. Новый архипастырь Бѣлоруссіи и преслѣдованія православныхъ бѣлоруссовъ при немъ . . . . 218—224

VIII. Преслѣдованія православныхъ въ Вильно . . . 225—229

IX. Преслѣдованія православныхъ въ Слуцкѣ . . . 230—234

X. Притѣсненія и преслѣдованія православныхъ въ Минскѣ, Брестѣ-Литовскомъ и на Подляшьѣ . . 235—243

XI. Преслѣдованія православныхъ на Украйнѣ . . . 244—249.

Примѣчанія . . . . . 250—257

Указатели . . . . . 258—273.